

A young man with dark hair and a serious expression is shown from the waist up, wearing a white t-shirt. He is looking back over his right shoulder towards the camera. The background is a deep blue, featuring a faint rainbow on the left and a large, bright, glowing orb (possibly a moon or planet) on the right. The overall mood is mysterious and cinematic.

АЛЕКСАНДР ЗИМОВЕЦ

НЕЗДЕШНИЕ

Ты чувствуешь иногда, что этот мир словно отторгает тебя? Кто знает — может быть, это неспроста. Наш мир не создан для магии. Она пришла в него извне, и он борется с ней, как организм борется с вирусом. Мы — нездешние. Потомки существ, пришедших из-за грани миров. Нас мало, и становится еще меньше. Время от времени таинственная Фирма объявляет турнир. Если ты попал в список, то станешь его участником. Тебя никто не спросит, хочешь ли ты этого и готов ли. Победителя турнира ждет невероятное могущество. Проигравших — смерть. Таинственные осколки иных миров помогут тебе победить. Но не надейся на них. И на друзей не надейся тем более. В сумеречном мире из стекла и тумана ты никогда не знаешь, кто окажется твоим врагом.

подростки, мистика, young adult

Внимание, в Вашем регионе объявлен новый активный турнир!

Количество претендентов: 43.

Дата открытия Врат: 15 ноября 2020 года.

Перечень участников Вы можете уточнить на странице турнира.

Напоминаем, что до открытия Врат Фирма рекомендует соблюдать осторожность и не проявлять агрессию.

Хмурое утро вторника поливает Москву мелким холодным дождем. По тротуару вдоль проспекта Вернадского идут парень и девушка лет семнадцати. Он — высокий, на голову выше своей спутницы. Из-под капюшона черно-белой толстовки видно его русую челку. У нее же волосы выкрашены в серебристый цвет, отчего кажутся седыми, а глаза, напротив, почти черные.

Они не разговаривают друг с другом, не держатся за руки, и зонта у них тоже нет, но очевидно, что идут они вместе. Наверное, на занятия: на спине у девушки небольшой рюкзачок, а у парня сумка через плечо. Девушка то и дело выныривает из-под накинутого на голову капюшона черной куртки и заглядывает своему спутнику в глаза. Парень же, кажется, мысленно находится где-то очень далеко.

Возле станции метро они вливаются в небольшую толпу — час пик, люди торопятся, кто на учебу, кто на работу. С равнодушным видом парень прикладывает к считывателю свой проездной, пропуская сперва девушку, затем проходя сам. В общей толпе они спускаются на перрон, где как раз стоит поезд, идущий в сторону центра. Они вполне успели бы сесть в него, но остаются стоять на платформе. Между ними даже торопливо проталкивается какая-то женщина средних лет, ругнувшись на зачем-то остановившихся на пути подростков: дескать, чего встали, придурки, если ехать не собираетесь. Двери поезда за скандальной пассажиркой закрываются, и состав, набирая скорость, втягивается в темный тоннель.

Парочка стоит на платформе — почти у самого края. Ждать следующего поезда совсем недолго — всего пару минут. В часы пик они ходят очень часто. Однако если бы кто-нибудь решил пристально приглядеться к лицу парня, то увидел бы, что в какой-то момент его лицо искажается гримасой, словно ожидание причиняет ему невыносимую муку. Но девушка снова заглядывает ему в глаза, и его лицо вновь становится спокойным и безучастным.

Наконец, со стороны тоннеля раздается постепенно нарастающий грохот. Девушка наклоняется к парню и шепчет ему что-то на ухо. Что именно — не разобрать из-за шума. Он не отвечает ей.

Поезд уже въезжает на станцию. Нетерпеливые пассажиры делают шаг вперед, чтобы успеть первыми пройти внутрь. Делает его и парень. Вот только он стоит у самого края, и одного шага достаточно, чтобы сперва зависнуть в шаткой неустойчивости на кромке платформы, а затем рухнуть на рельсы прямо перед приближающимся поездом.

Все происходит очень быстро. Машинист не успевает ничего предпринять, да он и не в силах мгновенно остановить многотонную махину. Толпа на платформе взрывается криком, люди с ужасом отскакивают от места чудовищного происшествия. Кто-то достает телефон и начинает снимать. Сквозь людскую массу с трудом протискивается прибежавший на крик полицейский. В общей сутолоке никто даже не замечает, что девушка, пришедшая вместе с погибшим, куда-то исчезла.

Глава 1

Дата: 19 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 37.

Напоминаем участникам турнира, что самостоятельное посещение схронов без опытного сопровождающего является крайне небезопасным!

Надеемся на Ваше благоразумие!

По оконному стеклу медленно ползут капли дождя. Он начался еще ночью, и, похоже, не собирается заканчиваться, хотя уже четвертый урок подходит к концу. Моя парта стоит возле окна, поэтому в левое ухо мне вливается монотонный стук капель о жестяной подоконник, а в правое — не менее скучная речь нашей исторички Анны Ивановны, которую мы еще в восьмом классе прозвали Анной Иоанновной. Она и в самом деле смахивает на портрет императрицы из учебника истории: крашенные, похожие на парик, волосы, двойной подбородок и бессмысленное выражение лица. Сразу видно, в каком глубоком гробу она видала, и Февральскую революцию, о которой рассказывает сейчас, и нас всех вместе с ней.

Когда-то я думал, что мне нравится история, но это было еще до того, как ее у нас начала преподавать Анна Иоанновна. Впрочем, может быть, дело и не в ней, а просто мне уже ничего не интересно.

Класс, надо отдать ему должное, отвечает Анне Иоанновне взаимностью. Мой сосед Пашка Соловьев уставился в черные глубины мобильного. Сидящие перед нами Матвей и Сева обсуждают вчерашний матч, даже не делая вид, что увлечены чтением учебника. Еще на одну парту ближе к доске Таня Бойкова, положив голову на ладонь, смотрит в окно на унылый школьный двор с мокрыми тополями и раскисшим футбольным полем.

У Тани длинные прямые русые волосы и голубые глаза. Она высокая — почти с меня ростом, но это ее совсем не портит. Наоборот, я думаю, из нее бы вышла модель, хотя сама она вряд ли помышляет о подобной карьере. Когда она улыбается, кажется, что весь мир улыбается вместе с ней — оставаться равнодушным просто невозможно. В общем, по этому описанию вы, конечно, уже догадались, что нравится она мне очень давно и совершенно безнадежно. Настолько давно и настолько безнадежно, что я уже и перестал воспринимать это как проблему. Лед — холодный, трава — зеленая, Волга впадает в Каспийское море, а я никогда не буду встречаться с Таней Бойковой.

Моя жизнь кажется мне иногда каким-то хитрым лабиринтом из кирпичных стен, затайливо закрученным так, что по нему можно бродить очень долго, но куда ни иди, все равно, упрусь в тупик. И дело не только в том, что я влюблен в девушку, которой совершенно не нравлюсь. Это только один из глухих коридоров лабиринта.

Другой тупик, и самый главный, в том, что я совершенно не знаю, что делать со своей жизнью. Будущей весной мне нужно будет куда-то поступать, но одна только мысль об этом вызывает у меня сложный микс из отвращения, сплавленного с легким страхом. Словно предстоит прыгать в бассейн с холодной водой, на поверхности которой плавает мусор. А не прыгать нельзя. И долго стоять на месте, примериваясь, тоже не получится. Я заранее знаю, что куда бы я ни пошел учиться, мне там не понравится.

Наверное, у вас уже возник немой вопрос: а что же твои родители? Их не заботит то, что ты не знаешь, куда поступать? Уж они-то точно что-то тебе уже подыскали. Что ж... родители — это вопрос сложный. Чуть попозже я о них расскажу. Это, собственно, еще один тупик.

Когда у меня неважное настроение — а сейчас оно именно такое — я обычно верчу в руках какую-нибудь мелкую фигню: это немного меня успокаивает и помогает собраться с мыслями. Сейчас это камешек, который когда-то я нашел зимой на улице. Формой он напоминает каплю воды, а сам зеленоватый, полупрозрачный. Скорее всего, в прошлой жизни он был подвеской, которую носила на цепочке какая-нибудь девушка. А потом крепление разболталось, подвеска упала в снег, а хозяйка этого не заметила — ну и привет.

Пару лет назад я шел по улице из школы, и вдруг мне послышалось, что меня кто-то окликнул. Я обернулся, но никого за моей спиной не было. Только на полузасыпанном снегом бордюре блеснуло что-то зеленоватое. Я подобрал подвеску — все равно теперь хозяйка ее вряд ли нашла бы. С тех пор таскаю в кармане — камень стал для меня чем-то вроде талисмана. Думал даже купить цепочку и прикрепить его к ней как-нибудь, но не стал. Все-таки, похоже на женское украшение, смеяться будут.

До звонка остается минут десять, когда мой телефон вибрацией оповещает меня о пришедшем сообщении. Очнувшись от размышлений о своей неудавшейся жизни, я провожу пальцем по экрану.

«Привет, Игорь!» — гласит пришедшая мне СМС. — «Я понимаю, что это звучит глупо, но тебе выпала огромная удача. И огромная опасность в то же время. Свяжись со мной по этому телефону, пожалуйста. Возможно, я единственный, кто сможет тебе помочь».

Я пожимаю плечами. Телефонные мошенники совсем с ума посходили. «Огромная удача». Небось, возможность выиграть скидку на почти новый пылесос? Разве что про огромную опасность они обычно не пишут. Это немножко другой жанр: «Ваш сын в опасности, срочно вышлите денег, нет времени объяснять». Я нажимаю на диалог, чтобы удалить его. Не люблю, когда телефон захламлен спамом. Вот только телефон почему-то отказывается удалять сообщение, делая вид, что это вообще невозможно.

Словно заметив мои попытки, тот же абонент раздражается еще одним сообщением: «Пожалуйста, не удаляй меня! Это не спам, это действительно важно!».

Ничего себе! Вот до чего дошли технологии! Это вообще законно?

* * *

Следующее сообщение приходит, когда я сижу на скамейке напротив пруда в парке, под мокрой от утреннего дождя ивой, и играю в свежескачанную игрушку-таймкиллер в телефоне. Три раза в неделю я сразу после школы отправляюсь или на курсы английского, или к репетитору, но сегодня как раз такой день, когда нет ни того, ни другого. А домой идти совершенно не хочется. Скоро поймете, почему.

Как это обычно бывает, когда я ничем не занят, меня начинают одолевать мрачные мысли. Так, мне приходит в голову, что если я сейчас умру, мир совершенно не поменяется. И вообще не заметит этого. Родители, конечно, расстроятся, но для них это, наверное, будет повод окончательно расстаться и вздохнуть с облегчением. Сестренка поплачет, но скоро

забудет. В ее возрасте все быстро забывается. А уж для остальных людей это будет событие настолько малозначительное, что разговоров о нем хватит, максимум, на неделю. А потом жизнь просто потечет своим чередом, и все.

Когда-то мне нравилось представлять собственные похороны, и как на них все вдруг понимают, что я был чем-то значимым в их жизни, чего теперь никогда больше не будет. Например, как Таня Бойкова плачет от потери и одиночества. Но когда я начал смотреть на жизнь более здраво, то понял: ничего-то никто не поймет. Это для самого себя я что-то значу, а для любого из моих одноклассников, учителей, знакомых по курсам я просто элемент массовки в пьесе, где каждый из них играет главную роль. Человека из массовки легко заменить: сегодня один, завтра — другой.

А если так, то зачем вообще все? Может быть, миру без меня будет лучше, раз уж хуже не будет?

Словно в ответ на мою мысль, в телефоне появляется новое сообщение: «Игорь, тебя ждет другой мир! Мир безграничных возможностей! Не отказывайся от него! Я бы на твоём месте прыгал от радости».

Секунду-другую я борюсь с желанием бросить телефон в пруд. Нет, правда, что им нужно?

Вырвавшись из оков тлена и безысходности, я оглядываюсь по сторонам. На парк уже опускаются ранние сумерки, вдоль вымощенных плиткой дорожек зажглись фонари, а серое небо с минуты на минуту готово вновь пролиться дождем. Похоже, пора, все-таки, собираться домой.

* * *

Едва войдя в прихожую, я слышу доносящееся из-за закрытой двери кухни бормотание телевизора, смешанное с голосами родителей. Слов не разобрать, но содержание этих бесед я за последние полгода выучил практически наизусть. Иногда мне даже снится, что я разговариваю сам с собой и сам себе предъявляю все эти претензии.

Если коротко мои мать и отец выясняют, кто именно из них и кому испортил жизнь. Этот вопрос они разбирают обстоятельно, и, надо сказать, дискуссия изрядно затянулась: выписывая замысловатые траектории, она, тем не менее, постоянно движется по кругу. Этакая петля Мебиуса. В трезвом виде они обычно вообще не разговаривают друг с другом, разве что ситуация этого настойчиво требует. Но стоит одному из них выпить, а в последнее время это случается часто, как его тут же тянет пойти в комнату к другому и завести разговор о том, что это он во всем виноват. Говоря по-честному, я уже был бы даже рад, если бы они, наконец, развелись. Не знаю, почему они этого не сделали до сих пор. Один раз отец в пылу ссоры выкрикнул что-то вроде: «Дети должны жить в полноценной семье!». Наверное, он думает, что нашу семью в ее нынешнем состоянии можно назвать полноценной.

Не подумайте только, что речь идет о каких-нибудь опустившихся алкоголиках. Нет, мой отец — архитектор, мать — учительница русского (слава богу, не в моей школе), они вполне приличные люди, и вряд ли многие из знакомых хотя бы догадываются о том, что между ними происходит. Просто так бывает, что и приличные люди попадают в

неприличные ситуации. Я сам когда-то думал, что такая жесть происходит только в каких-то особых семьях, которые еще называют «неблагополучными». Знаете, как в газетах пишут: «Соседи характеризуют семью, как неблагополучную». И, вроде как, не надо больше ничего объяснять: сразу понятно, отчего один из членов такой семьи ударил другого ножом семнадцать раз, из них пять в область сердца. Просто вот такие они, неблагополучные, и ко мне лично это слово никогда не будет относиться.

Интересно, а нашу семью, случись что, сосед охарактеризуют, как неблагополучную? Вряд ли. У нас в доме толстые стены, а на крик родители переходят редко. Так что соседи, наверное, ничего не слышат. Зато слышу я. А еще Настена.

Вот и сейчас она выходит из нашей комнаты в своей сиреневой пижаме с розовым пони и смотрит на меня своими огромными зелеными глазами

— Опять? — спрашиваю я тихонько. Она не отвечает и только пожимает плечами. Конечно, глупый вопрос. Не опять, а снова.

Настене одиннадцать лет, и ей, конечно же, еще тяжелее, чем мне. В нашей комнате тоже работает на всю катушку телек: по экрану носятся Рик и Морти. Настена только при мне смотрела этот эпизод раза четыре, но ей явно хочется просто не слышать, и тут уже все равно, чем затыкать уши. Я плюхаюсь на кровать рядом с ней: мне тоже хочется устраниваться от всего. Еще немного хочется сделать себе чаю, но на кухню я точно не пойду, а они там не угомонятся до самой ночи. Так что чай на сегодня отменяется.

Мы досматриваем с Настеной серию, и она предлагает поиграть в приставку, что мы и делаем следующие пару часов без всякого удовольствия. Из-за стены то и дело доносятся обрывки новостной передачи, перемешанные с обрывками диалога родителей в какой-то сюрреалистический винегрет.

— ...ситуация на Ближнем Востоке...

— ...просто ужасная, как я это терпел восемнадцать лет...

— ...канцлер Германии заявила во время итоговой пресс-конференции, что президент Белоруссии...

— ...просто конченный! Как был всю жизнь безотцовщиной...

— ...на чемпионате мира по фигурному катанию российская участница...

— ...всю жизнь на тебя потратила, все хренову жизнь...

— ...и о погоде...

Когда из-за двери доносятся особенно громкие выкрики, Настена поднимает на меня глаза, полные муки. Один раз я даже пытаюсь закрыть ей уши: родители как раз начали обсуждать вопрос, кто из них кого и сколько раз подозревал в супружеской неверности, и насколько обоснованными оказались эти подозрения. Настена вырывается, чуть отодвинувшись от меня.

— Да иди ты... — бурчит она, глядя на экран. — Я это все уже сто раз слышала.

И действительно. Какой смысл, если все это не в первый раз и даже не в десятый? Наверное, я это сделал, потому что с большим удовольствием закрыл бы уши себе самому. Я бы вообще был рад, как говорят в Интернете, «развидеть» и «расслышать» все то, что видел и слышал за последние полгода. На меня словно вывалили целый самосвал грязи, а самые близкие мне люди с завидным упорством мажут этой грязью друг друга и меня заодно.

Через пару часов Настена начинает клевать носом, и я волевым решением выключаю телек. Она предлагает поиграть еще, но я говорю, что она может поиграть в телефон в кровати, если хочет. Все равно отрубится почти мгновенно. Настена тут же напяливает

наушники: такой вариант ее тоже устраивает. Я ложусь в кровать и тоже начинаю тупить в телефон, натянув наушники и включив в ВК первую попавшуюся песню.

Меня охватывает чувство собственного бессилия и глупой, скользкой жалости к себе.

И в тот момент, когда я уже готов выключить телефон и уткнуться в подушку, мне приходит СМС уже с нового номера: «Привет! Игорь, ты в большой опасности, и никто тебе не поможет, кроме меня. Seriously, это не шутка».

Глава 2

Дата: 20 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 35.

Фирма настоятельно предупреждает участников от контактов с сотрудниками Ордена.

При любых попытках вербовки и получении иных предложений рекомендуется немедленно сообщать дежурному администратору.

Следующий день начинается для меня с урока английского, который я провожу, уставившись в телефон. Не могу даже делать вид, что слежу за ответом Сони Антоновой, безуспешно пытающейся совладать с грамматикой. Языком я занимаюсь серьезно на курсах, а в школе что за английский?

За сегодняшнее утро я получил уже три СМС, пяток сообщений в ВК, и даже одно пуш-сообщение, как будто сгенерированное самим телефоном. Если честно, меня это уже начинает немного напрягать, и я подумываю написать в службу поддержки оператора. Что это вообще за хрень такая? Может быть, хоть они могут как-то это заблокировать?

Суть всех посланий сводится к тому, что я в большой опасности, но в то же время у меня есть возможность стать чуть ли не богом. Бредятина редкостная, конечно. Я даже не знаю, кто на такое покупается. Нигерийский спам и то осмысленнее.

Антонова уже явно приближается к неизбежной тройке, когда провисшая дверь открывается, шкрябнув, как обычно, по полу, и в кабинет к нам заглядывает Колобок. Колобком мы зовем математичку Галину Борисовну, нашу классную — за общую необъятность и, в общем-то, добродушие. Не в глаза зовем, естественно.

Выглядит она слегка взволнованно. Оба ее подбородка дрожат, словно желе, а глаза хаотично блуждают по классу, словно ищут, кого бы назначить крайним.

— Наталья Сергеевна, можно я Ростовича заберу? — спрашивает она у англичанки. Та величественно кивает, сохраняя на лице чопорное выражение лица британской леди, и я поспешно поднимаюсь из-за парты, повинуюсь нетерпеливому жесту Колобка. Зачем, интересно, я ей понадобился? Что-то случилось? С родителями? Почему-то именно эта мысль возникает первой. Чувствуя, как грудь наполняется противным холодом дурного предчувствия, я выхожу из класса и закрываю за собой снова шваркнувшую дверь.

— Ты что-то натворил, что ли? — немного подавленно спрашивает Колобок своим булькающим голосом. — В Интернете что-то написал, да?

— А что, собственно... — начинаю, было, я заранее виноватым тоном. Ну, в самом деле, дурацкий же вопрос. Конечно, я что-то писал в Интернете, и не раз. Покажите мне человека, который ничего не пишет в Интернете. Даже сама Колобок, наверное, пишет. Какие-нибудь статусы в Одноклассниках. «Ставь класс, если тебя тоже достали ученики».

— Да меня сейчас завуч вызвала: говорит, пришел какой-то по твою душу из психологического центра, в учительской сидит. А я думаю: ты, вроде, ни в какие истории не попадал, учишься нормально, в полицию приводов не было, семья у тебя хорошая. Наверняка, значит, в Интернете что-то.

Мысль о том, что все несчастья мира происходят из Интернета, Колобок доносит до нас регулярно, на каждом классном часе.

— А что за центр-то такой? — интересуюсь я. — Из полиции, что ли?

— Типун тебе на язык! — машет рукой Колобок. — Еще чего не хватало. Не знаю я, что за центр. Сейчас тебе все расскажут.

Я задумываюсь на минуту. Писал ли я в самом деле в Интернете что-то такое, чтобы мной могли заинтересоваться какие-то органы? Да нет, вроде, ничего. Вообще почти ничего не писал в последние месяцы. Настроения не было. И что за психологический центр такой? Может быть, узнали что-то про родителей и хотят со мной об этом говорить? Но откуда? И кому какое дело?

Терзаемый этими вопросами я вслед за Колобком вхожу в учительскую.

* * *

За столом сидит низкорослый мужчина лет сорока в растянутой черной водолазке, с короткой стрижкой и в очках, которые ему совершенно не идут. На спинке стула висит его заношенная синяя стеганная куртка. В руках он вертит ручку, а на столе перед ним лежит маленький блокнотик — похоже, он собирается записывать что-то из нашего разговора.

— Игорь Ростович? — спрашивает он, не поднимаясь из-за стола и протягивает мне руку. — Меня зовут Андрей Арсеньевич, фамилия моя Коновалов. Меня прислали побеседовать с вами из Центра психологического мониторинга молодежной среды.

— Это что за центр, простите? — недоверчиво спрашивает Колобок. — Я про такой раньше не слышала.

— Нас, собственно, только недавно оформили в отдельную организацию, — говорит Андрей Арсеньевич. — Знаете, сейчас много негативных явлений стало наблюдаться именно в молодежной среде. Ну, вы, конечно, слышали про все эти случаи. Мне не хочется даже лишний раз об этом говорить, если честно.

— Да-да, — с пониманием говорит Колобок. — Вчера-то в метро, вы слышали?

— Слышал, — вдруг посерьезнев говорит мужчина. В его голосе прорезаются какие-то военные нотки. — Но давайте мы сейчас тут об этом не будем. Как говорится, не поминай нечистого, верно? Наша задача как раз в том, чтобы предотвращать подобное.

— Это вы правильно, да, да, — кивает Колобок. — Но Игорь-то тут причем?

— Видите, тут одна смежная организация проводила недавно в школах тестирование, мы получили их результаты и решили провести выборочные беседы с учащимися по результатам анализа.

Я в самом деле припоминаю, что в сентябре вместе со всем классом писал какой-то нелепый тест. Там были вопросы о том, часто ли я думаю о смерти, чувствую ли я иногда себя в безвыходной ситуации и слышу ли голоса в голове. Совершенно естественно, что на все подобные вопросы я ответил отрицательно. И вообще, по результатам этого теста я должен был бы выглядеть невероятно позитивным человеком, чувствующим поддержку в семье и школе, дружным со всеми одноклассниками, довольным экологической ситуацией и международной обстановкой. Но вот не помогло. Кто-то, видимо, решил докопаться.

— Я хотел бы побеседовать с Игорем наедине, если возможно, — произносит Коновалов, протирая очки. — Знаете, тут есть некоторые вопросы доверительного характера...

— Да, да, я понимаю, — кивает Колобок. — Но, все-таки, я же законный представитель, и по правовым нормам...

— Ну, что вы, Галина Борисовна, — слегка укоряет ее психолог. — Я же не из полиции сюда пришел, и не допрос собираюсь Игорю устраивать. Мы просто побеседуем. О жизни, так сказать, и ее перипетиях. Уверяю вас, никаких правовых последствий наша беседа иметь не будет, и даже теоретически не могла бы. Вот вы, Игорь сами что скажете?

— Да почему нет? — равнодушно отвечаю я. Мне, откровенно говоря, все равно. Я предвижу довольно скучную беседу, но избежать ее явно не в моих силах.

— Ну... Ладно, — неуверенно произносит Колобок. — Только вы недолго, а то урок скоро закончится, тут ходить будут постоянно.

— Хорошо-хорошо, — кивает психолог, и Колобок выкатывается из учительской.

— Присаживайтесь, — Коновалов кивает на старый стул с истрепанной подкладкой напротив него. Я сажусь, равнодушно глядя на его жесткое, небритое лицо. — Ну, рассказывайте, Игорь, что вы думаете по поводу всего этого?

— По поводу чего, простите? — вопрос застал меня врасплох.

— По поводу моего визита.

— Эм... ничего. А что я должен думать? — начало разговора кажется мне каким-то странным. Он что, сам не знает, по какому поводу пришел?

— Ну, что-нибудь думаете, наверное, — он дорисовывает в блокноте какую-то закорючку и поднимает глаза на меня.

— Если честно, я уже не очень хорошо помню, что я отвечал в том тесте, — говорю я. — Но мне кажется, ничего особенного.

— То есть, в целом вы к разным противоправным и необдуманным действиям не склонны? — спрашивает он без всякого интереса в голосе, поигрывая карандашом в пальцах.

— Абсолютно.

— Ну, и отлично.

Он делает еще один росчерк в блокноте, причем с таким нажимом, что едва не протыкает страницу. Я смотрю на него, как завороченный.

— В общем, так, Игорь. Слушай меня внимательно, — он как-то резко переходит на «ты». У меня такое чувство, что даже голос у психолога изменился, стал ниже и наполнился какими-то металлическими нотками. Такими голосами говорят в кино актеры, играющие больших начальников. — Возможно, то, что я сейчас тебе скажу, покажется тебе бредом, но поверь, что в действительности все очень серьезно. Ты не первый и не десятый, с кем я разговариваю на эту тему, и большинство из твоих предшественников горько пожалели о том, что меня не послушали. Доступно?

— А что, они прям все не послушали? — переспрашиваю я.

— Почти, — вздыхает Коновалов. — И я надеюсь, что ты будешь благоразумнее.

На мгновение в учительской воцаряется полная тишина. Я нарушаю ее, машинально чуть отодвинув свой скрипучий стул от странного психолога.

— Одним словом, — продолжает он, — в самом скором времени на тебя выйдут очень непростые люди. И начнут делать очень заманчивые предложения. Ты меня понимаешь?

Я молчу, переваривая услышанное. Это что, как-то связано с тем спамом, который валится на меня со вчерашнего дня? Но откуда он-то знает?

— Судя по тому, как забегали твои глаза, я предполагаю, что уже вышли, — произносит он, чуть понизив тон. — Неудивительно. Вышли ведь уже, так?

Я все еще молчу.

— А у вас в вашем Центре какое звание? — спрашиваю я.

— Ах-ха! — усмехается он. — Ну, допустим, капитан. И что с того?

— Нет, ничего, — говорю я. — Такой же из вас психолог, как из меня звезда балета.

— Да это, собственно, я только для учителей твоих психолог, — отвечает капитан, немного смутившись и подтянув вниз рукав водолазки. Я успеваю заметить у него возле запястья татуировку, изображающую раскинувшую крылья черную птицу. — А с тобой мне поговорить надо по существу, без этой всей мутоты. В общем, слушай сюда. Эти ребята, кто бы они ни были, начнут предлагать тебе бочку варенья и корзину печенья за то, чтобы ты влез в их дела. Не соглашайся и звони мне, доступно?

— Вы все ходите вокруг да около, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя получается не очень. — Что, по-вашему, они мне предложат?

— Ну, скажем, тебе предложат поучаствовать в некой игре. Они это могут представить по-разному, суть не в этом. Главное, помни — ни в коем случае не соглашайся, и вообще — не вступай ни в какие разговоры с этими людьми. Поверь мне — так будет лучше и для тебя самого, и для твоих близких.

— А можно, все-таки, узнать, кто они такие?

— Игорь, — капитан вздыхает и заглядывает мне в глаза. — Я понимаю, что я сейчас только растравил твое любопытство, но поверь мне — в таких делах чем меньше знаешь, тем лучше. Да и мне слишком многое придется тебе рассказать такого, чего я не имею права разглашать кому попало. Я подписку давал. Но я очень тебя прошу — когда они выйдут на тебя, а они наверняка выйдут, ты сразу поймешь, что это именно они. Так вот когда это произойдет — откажись играть в эти их игры. И свяжись со мной — вот визитка.

Он щелчком пальца отправляет в мою сторону картонный прямоугольник с номером телефона, после чего поднимается из-за стола.

— Подождите, это что, все?! — я тоже встаю и делаю движение, словно хочу загородить капитану выход из учительской. — Но я же так ничего и не понял.

— А оно, может, и к лучшему, — устало улыбается капитан. При этих словах в дверь заглядывает Колобок.

— Заходите, заходите, Галина Борисовна, — говорит Коновалов, надевая куртку. — Мы с Игорем уже закончили.

— И, что теперь с ним будет? — спрашивает она взволнованно.

— Ничего не будет, — улыбается капитан. — Мы пришли с ним к полному взаимопониманию по всем вопросам. Верно, Игорь?

— Да... Наверное... — только и выходит ответить у меня.

— Ну, и чудесно.

Словно подводя черту под странным разговором, за дверью начинает звенеть звонок.

Глава 3

Дата: 20 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 35.

Настоятельно рекомендуем участникам турнира соблюдать осторожность при взаимодействии друг с другом.

Отдельные участники могут проявить чрезмерную агрессию.

Просьба по возможности проводить встречи в безопасных местах, санкционированных Фирмой.

Выйдя из учительской, я сажусь на подоконник и начинаю размышлять о том, что же, все-таки происходит. Все это казалось бы каким-то изощренным розыгрышем, если бы не слишком большие задействованные силы и совершенно непонятная конечная цель. Словно и непонятный капитан, и мой сотовый оператор, и бог знает кто еще сговорились, чтобы потроллить меня. В то же время, никакого другого объяснения в голову не приходит. Что, например, значит, «предложат поучаствовать в игре»? В «Синего кита», что ли, поиграть? Мне кажется, этим уже даже малолетки не развлекаются. И капитан Коновалов совсем не похож на дурака, который верит в «группы смерти» и прочие байки из Интернета.

Но тогда что же происходит? Меня пробирает легкая дрожь при мысли о том, что все это, может быть, именно то, чем кажется. Какая-то неведомая жуть, вползающая в мою жизнь. Я привык быть скептиком. Считать, что инопланетяне бывают только в кино, привидения приходят только после третьего стакана, а таинственные звонки из ниоткуда существуют только для того, чтобы прорекламирровать новый тариф. А вдруг нет? Что тогда? Как с этим жить, и куда бежать от этого? К капитану-психологу Коновалову? А точно ли он поможет, или он сам часть этой жути?

Мои мрачные размышления прерываются заунывной мелодией звонка. Словно вторя ему, в моем кармане начинает вибрировать телефон. Я достаю и вижу новое сообщение: «Позвони! Это не шутка! Они могут убить тебя уже сегодня!». Разозленный, я выключаю телефон. Однако посреди урока он вдруг включается сам и начинает вибрировать. «Я не успокоюсь, пока ты не ответишь!» — написано на экране. Черт, как он это делает?!

* * *

После школы я иду домой. Впрочем, иду я туда весьма условно — я был бы рад не прийти туда вовсе или прийти туда только к вечеру, как вчера. После того, что я рассказал о своей семье, думаю, вы меня понимаете. Пару кварталов мы проходим с Пашкой, обсуждая текст новой песни.

Года полтора назад Пашкет заболел музыкой, и его посетила гениальная идея создать собственную группу. Музыкантов он рекрутировал из нашего же класса — всех, кто умел хоть немного сносно на чем-то играть. Надо ли говорить, что слово «сносно» в отношении их игры можно использовать только из жалости, но зато энтузиазм Пашки, а также его

какой-никакой талант вокалиста принесли плоды. Сейчас они иногда выступают на каких-то площадках на разогреве, а летом собираются подать заявку на фестиваль.

Пашкет пробовал и меня в это дело затащить, но так как слуха и голоса я лишен напрочь, то отморозился от ждавшей меня за поворотом славы рок-звезды, и теперь помогаю ему с текстами. С текстами у него беда.

Вот и сейчас я пытаюсь что-то втолковать ему насчет стихотворного размера, а он уверяет, что под хороший риф и так сойдет. В принципе, определенная логика в его словах есть: многие в текст не вслушиваются. Нолично я терпеть не могу плохие стихи.

На повороте мы расстаемся. Пашке налево, а мне прямо — вдоль шоссе, мимо парка. Никто из нашего класса в тех краях больше не живет, так что хожу я обычно один. Точнее, именно там живет Таня, но хожу я все равно один, сами понимаете. Не навязываться же ей в провожатые. Да и как бы я это обосновал? Портфель предложил понести, как в пятом классе?

Из размышлений о том, как сделать текст Пашкета более съедобным, меня выводит вибрация телефона. Я включаю экран и вижу там сообщение с незнакомого номера: "Ты в большой опасности. Позвони сюда". По коже пробегает нехороший холодок. Я невольно оглядываюсь по сторонам.

Никакой опасности вокруг не наблюдается. По шоссе проносятся машины. Женщина с детской коляской выходит из подъезда. Возле надземного перехода через шоссе стоят дед с бабкой и о чем-то спорят, слов отсюда не разобрать. Мимо них в мою сторону идет девушка с волосами, выкрашенными в серебристый цвет. Симпатичная. В ней есть что-то сразу располагающее к себе, вызывающее желание смотреть на нее вновь и вновь. Не красота фотомодели, а скорее просто доброе и открытое лицо. Видимо, поймав мой взгляд, она улыбается и подходит ближе.

— Эй, привет! — машет она рукой, обнажая белоснежные зубы. — Ты не подскажешь, где здесь детский сад? Меня подруга сестры попросила ее дочку забрать, а я тут заблудилась, и телефон сел как на зло.

На секунду я задумываюсь. Детский сад, в который я когда-то ходил, далеко отсюда, за парком. А здесь? Вроде бы был какой-то, но точно не помню. Я лезу в карман за телефоном — спросить у Гугла. Но девушка вдруг накрывает мою ладонь своей и заглядывает мне в глаза. У нее очень нежные пальцы, а глаза почти черные, словно два глубоких колодца.

— Так глупо вышло, да? — улыбается она немного смущенно. — Главное, я весь день помнила, что надо зарядить телефон, но думала, что успею. А потом закрутилась, да так и забыла. Ношушь тут уже минут десять, спрашиваю — никто не знает. А Вика мне точно сказала, что должно быть где-то здесь, возле магазина.

Я хочу ответить, что сейчас посмотрю в телефоне и скажу ей, но не могу. Мне не хочется прерывать ее. Хочется слушать ее голос. Я был бы не против, чтобы он звучал вечно.

— Очень боюсь опоздать за ее дочкой, — продолжает щебетать девушка, снова встречаясь со мной глазами. — Она такая классная. В пять лет уже в шахматы играет.

Я хочу сказать в ответ, что она уж точно не опоздает, потому что сейчас всего три часа, а детский сад, наверное, работает часов до семи. Мне приходит в голову мысль, что вообще-то рановато она пришла, но я пропускаю ее мимо сознания. Мало ли. Может быть, попросили зайти пораньше.

Следующее, что я помню, это то, как мы с девушкой идем вдоль шоссе вместе, но не к моему дому, а в противоположную сторону. Телефон я так и не достал, но, видимо, детский

сад как-то сам собой нашелся, а может быть, она и сама поняла, что идти туда еще рано. Она о чем-то говорит: кажется, рассказывает мне о том, как неизвестной мне Вике тяжело одной с маленьким ребенком, но я не вслушиваюсь. Мне просто нравится ее голос, тонкий и чистый, словно журчание ручья.

— Пойдем, — говорит она с милой улыбкой, и направляется к подъезду ближайшего дома. Я иду за ней, хотя не совсем понимаю, а зачем, собственно.

Когда мы оказываемся возле дверей, она отвлекается на секунду, чтобы набрать код домофона, а у меня появляется какое-то странное ощущение. Я вдруг понимаю, что не могу пошевелить рукой. И даже пальцем. При этом мне не кажется это чем-то страшным и даже ненормальным, я просто отмечаю про себя этот факт. Моя правая рука так и остается в кармане куртки, куда я полез за телефоном. Она ощущает его гладкую поверхность, а также лежащий рядом с ним камешек-талисман, но достать телефон я не могу. Или просто не хочу? Толком не разобрать.

Девушка открывает дверь подъезда, и я захожу туда за ней следом. На лестнице мне на секунду кажется, что что-то идет не так. Серьезно, что у меня с руками? Куда мы идем? Я хочу спросить у нее, но она снова смотрит мне в глаза, на этот раз долго и со значением. Я чувствую, что что-то значу для нее, и это открытие отбивает у меня желание о чем-то спрашивать. Мне гораздо больше нравится думать об этом, склонять эту мысль в голове на разные лады, чем формулировать какие-то дурацкие вопросы. За нами закрываются двери лифта, мы поднимаемся на шестнадцатый этаж и выходим на балкон на лестничной площадке.

И вот здесь мне становится не по себе. Девушка еще ничего не сказала, но я уже чувствую, что сейчас произойдет, хотя и не понимаю, зачем ей это нужно.

Девушка, не отрывая от меня взгляд, делает легкий кивок в сторону перил балкона. После этого, не в силах сопротивляться я заносу над ними ногу. Все мое существо сопротивляется происходящему, и в то же время я не могу ничего поделать. Еще секунда, и я полечу вниз. Потом будет несколько секунд полета и небытие. А где-нибудь в газете появится заметка: «В Москве подросток покончил с собой, не оставив предсмертной записки. Наш эксперт, отец Иннокентий, подозревает, что во всем виноват Интернет и компьютерные игры». И все. И меня больше не будет.

Эта мысль просто выворачивает меня наизнанку. Все мои силы я вкладываю в единственное движение: сжимаю пальцами камень в кармане. Я понимаю, что это никак не может помочь, но ни на что больше у меня нет сил. Мне отчего-то кажется, что если удастся совершить хотя бы маленькое движение, то оцепенение с меня спадет. Нелепая надежда. Внутренне я понимаю, что ее чарующему голосу ничто не способно противостоять.

И вдруг камень в моих пальцах становится горячим, словно уголь из костра. В следующую секунду я слышу взрыв. Нет, не слышу — чувствую. Этот взрыв беззвучный и невидимый, но меня он отбрасывает от перил балкона и вжимает в бетонную стену. Девушка тоже отлетает от перил и ударяется о бетон головой, осев на пол и задавленно вскрикнув. Я же чувствую, что снова обретаю способность двигаться. Не теряя ни секунды, я рывком открываю балконную дверь и несусь вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и боясь оглянуться.

Я не помню, как оказался дома. Вся дорога до него — десять минут бегом — смешивается в моем сознании в один комок из страха и сбитого дыхания. Остановившись перед дверью квартиры, я пару минут не могу попасть ключом в замочную скважину — так сильно трясутся руки. Страх только усиливается, когда я думаю о том, что этих минут может оказаться достаточно, чтобы меня догнать.

Этого, однако, не происходит. Все-таки открыв дверь, я тут же запираю ее за собой на все замки, и только в этот момент страх немного отпускает меня. Я оседаю на пол прямо у двери, прислонившись к ней спиной и тяжело дыша.

В прихожую входит Настена — у нее уроки сегодня закончились раньше. Она смотрит на меня с ужасом. Еще бы — я бы и сам сейчас себя испугался.

— Ты чего? — спрашивает она.

— Ни... Ничего... Ты это... Обедала уже?

— Неа, тебя ждала... Что случилось-то?

— Да, ничего, Насть... Серьезно... — я поднимаюсь с пола и отряхиваюсь. Нужно что-то делать и срочно. Но что? Позвонить кому-то из родителей на работу? И что потом? Они же не поверят мне. В полицию? Эти тем более не поверят. Может быть, капитану Коновалову?

Я достаю из кармана успевшую уже немного помяться карточку и несколько секунд верчу ее в руках. Ну, хорошо, я сейчас позвоню ему, и что дальше? Примчится сюда толпа мужиков с пистолетами под пиджаками и начнет меня нарочито охранять? Ах, боже мой, как бы мальчик не пострадал! Мне становится противно. Я отчетливо понимаю, что мне не нужна никакая защита ни от каких татуированных психологов. Если меня убьют, значит так тому и быть.

Словно в ответ на мои мысли, телефон начинает вибрировать: пришла новая СМС. Открыв ее я читаю: «Я предупредал тебя. Теперь ты видишь, что я тебе не вру? Пожалуйста, отзовись. Они убьют тебя, если ты не поговоришь со мной».

Черт, оставят они меня в покое или нет?! Хочется заехать в стену кулаком. Или накрыться одеялом и надеяться, что все пройдет как-нибудь само собой. Сильнее всего хочется проснуться.

Как это часто бывает в тот момент, когда нужно принять какое-то решение, а мне его принимать совершенно не хочется, я открываю ВК и начинаю просто листать свою ленту. Я не жду, что там окажется что-то полезное. Просто это такой способ оттянуть неизбежное. Иногда мне кажется, что, когда я бессмысленно серфлю в соцсети, время останавливается. На самом деле это, конечно, не так. Именно в этот момент время бежит с удвоенной скоростью.

Неожиданно, прямо в своей ленте я натыкаюсь на сообщение человека, которого нет у меня в друзьях: «Я тебя предупредал, парень. Seriously, возможно, это твой последний шанс. Они тебя найдут очень скоро».

Мне хочется помотать головой из стороны в сторону. К горлу подкатывает тошнота — одновременно от страха ощущения нереальности, глупости происходящего.

В следующую секунду сообщение с тем же текстом падает мне уже в личные.

— Да кто ты такой?! — пишу я в ответ.

— Я твой друг, — отвечает незнакомец. — Твой единственный друг в той ситуации, в которую ты попал. Больше тебе никто не поможет.

— А можно без загадок? — пишу я, с трудом попадая по нужным буквам дрожащими пальцами. — Можешь объяснить нормально, кто ты, и что тебе от меня надо?

— Объясню при личной встрече, — отвечает мой собеседник.

Меня разбирает нервный смех. Первый его приступ выходит настолько громким, что из кухни прибегает испуганная Настена, уставив на меня широко открытые глаза. Seriously, какая личная встреча черт знает с кем, когда я нос высунуть из дома боюсь? Не знаю, как теперь в школу-то идти — ведь если эта тварь подкараулила меня один раз, значит она знает, какой дорогой я хожу. Знает, где я живу и где учусь. Черт, да она может прямо сейчас стоять за дверью и ждать.

— Я понимаю, это смахивает на ловушку, — честно признается мой визави. — Но такие вещи в переписке не рассказывают — все равно ты не поверишь. Нам придется встретиться. Не волнуйся, у нашей с тобой общей знакомой есть другие дела. Вряд ли она будет ловить тебя сегодня.

Это «вряд ли» весьма обнадеживает, конечно.

— Почему я должен тебе доверять? — спрашиваю я.

— Потому что у тебя нет выбора, — появляется на экране телефона.

Логично. Что-то мне подсказывает, что мой собеседник, кто бы он ни был, прав. Нет, один выход у меня есть — набрать, все-таки, номер капитана Коновалова. «Моя милиция меня бережет»? Что-то мне не слишком в это верится. А если так, то остается в самом деле встретиться с этим неизвестным.

— Ладно, допустим, я верю тебе, — пишу я. — Где мы встретимся? И когда?

В ответ мне приходят координаты. Судя по карте, это не так уж далеко: две остановки на метро. Вот только само место... Какой-то пустой дом рядом с лесопарком. Следом приходит сообщение: «21.00».

Черт, может, все-таки, не ходить?

Раздумывая над этим вопросом, я беру из подставки на столе кухонный нож, который сам же позавчера наточил. Посмотрев на него пару секунд, засовываю за пояс. Только бы меня с ним менты не остановили. Посадить-то за кухонный нож, наверное, не посадят, но до чего же глупо я с ним буду выглядеть.

Дата: 20 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 35.

Напоминаем о том, что Фирма проводит набор желающих на обучение по профессии идентификатора осколков и артефактора.

Вас ждут стабильная заработная плата и стипендия на время обучения.

По всем вопросам обращаться к дежурному администратору. Участники текущего турнира могут заключить договор только после прекращения участия.

За окном серое осеннее утро. Дождя нет, но тучи висят над городом грязным ватным покрывалом. Из просторного кабинета с панорамным окном любуется крышами старинных особняков высокий человек лет пятидесяти с седыми висками в синем костюме со строгим галстуком. За его спиной висит огромная, во всю стену, карта Москвы и окрестностей с воткнутыми в нее булавками: несколько зеленых, но намного больше красных. Похоже, хозяин кабинета современным технологиям немного не доверяет, предпочитая размышлять и выстраивать стратегию в старинном стиле. В руках он вертит ручку с золотым пером, о чем-то раздумывая.

Его размышления прерывает звонкий стук в дверь. Странно, дверь в кабинете железная. Обычно так не делают, с чего вдруг в офисном кабинете ставить дверь от сейфа?

— Войдите, — бросает хозяин кабинета и возвращается к своему столу красного дерева с двумя телефонами и статуэткой черного ворона, расправившего крылья.

— Вызывали, Экселенц? — спрашивает вошедший. Это тот самый капитан Коновалов, и даже водолазка на нем та же самая.

— Да, садись, капитан-командор, — хозяин протягивает визитеру руку и кивает на стул, приставленный к другому столу, попроще, который, вероятно, используется для проведения в кабинете небольших совещаний. — Что у тебя там с похищениями детей в Ясенево?

— Там, в принципе, дело довольно понятное, — начинает капитан. — У меня сейчас на выходе справка по этому вопросу...

— Ладно-ладно, я тебя не по этому поводу позвал, — произносит начальник. — Я тут прочитал твой доклад: ну, который по поводу наследственного турнира. Мне понравилась мысль, что кого-то из них можно попробовать завербовать. Это было бы разумно сейчас, когда мы потеряли последних трех агентов среди нездешних.

Капитан кивает.

— Перед турниром всегда так, — поясняет он. — В прошлый раз они тоже начали резать друг друга без разбора, и под раздачу попали наши агенты. Зато в этот период появляются новые нездешние, которые до этого жили обычной жизнью. Кого-то из них можно постараться перетянуть на свою сторону. В случае успеха мы можем получить стабильный канал поставки сведений. Возможно, даже из самого Тир-На-Ног: вот это уже была бы уникальная удача.

— Ну, на такое бы я не рассчитывал, — холодно замечает начальник. — Но в целом, мысль интересная. Ситуация сейчас нестандартная кто знает, какая ниточка окажется полезной.

— Мне кажется, что при определенном сценарии мы можем добиться вступления

одного из них в Орден, — произносит Коновалов.

— С ума сошел, что ли? — дергается вдруг доселе невозмутимый начальник. — Вот еще кого нам в Ордене не хватало.

— Но может быть, нам и в самом деле не хватало одного из них? — парирует Коновалов. — Вы сами сказали, что ситуация сейчас нестандартная. Она требует и нестандартных решений. Я уже поговорил с тремя наиболее перспективными ребятами, будем приглядывать за ними.

Несколько секунд начальник барабанит пальцами по столешнице, размышляя.

— Ладно, это все пока что воздушные замки. Главное, нам нужен там свой человек. Ну, в смысле, не человек, а... ну, ты понял. Одним словом, операцию по внедрению я тебе утверждаю.

— Разрешите идти? — спрашивает капитан с немного подчеркнутым перебором.

— Да, добро, — бросает начальник.

Железная дверь за капитаном закрывается с громким лязгом.

— Хоть бы смазали ее, что ли, — морщится начальник.

* * *

От метро я иду минут пятнадцать, причем большую часть пути — мимо лесопарка, который в эту вечернюю пору не выглядит безопасным местом. К ночи заметно похолодало, и под деревьями начинает клубиться едва заметная туманная дымка, от которой становится совсем не по себе. Людей в этой части парка почти нет: здесь даже дорожки не вымощены и фонари горят не все.

Тропинка ведет меня вдоль проржавевшей ограды из железных прутьев с облупившейся краской, за которой темнеют силуэты каких-то низких домов с выбитыми стеклами. Я никогда не задумывался над тем, что здесь раньше было, хотя видел это место не раз. Меня не тянуло лазить по заброшкам. Теперь, видимо, придется.

Четырехэтажное промышленное здание, куда приводит меня навигатор в телефоне, выглядит так, словно его не то бомбили, не то обстреливали из артиллерии: одна стена рухнула, половина крыши обвалилась, засыпав обломками верхний этаж. Лезть туда совершенно не хочется — того и гляди завалится то, что еще осталось. Впрочем, может быть, оно прочнее, чем кажется? Стоит же оно тут уже какое-то время.

Оглядевшись по сторонам, я протискиваюсь между разогнутыми прутьями ограды и быстро перебегаю в тень козырька над низеньким крыльцом. «Еще не поздно уйти,» — настойчиво твердит внутренний голос, возможно принадлежавший моему ангелу-хранителю. С его точки зрения для человека, которого только что пытались убить, идти на ночь глядя в заброшку по приглашению незнакомца — так себе идея. Да чего уж там — идея, достойная номинации на премию Дарвина. В принципе, я с ангелом согласен, но есть одно важное обстоятельство: те, кто хочет меня убить, найдут меня и так. Уже нашли, собственно. Здесь же у меня есть хоть какой-то шанс понять, что происходит. А значит и спастись.

Левой рукой я машинально легонько сжимаю в кармане куртки камень (мне показалось, или он немного потеплел?), а правую кладу на рукоять ножа и вхожу в дверь — она не заперта и едва держится на полуотвалившихся петлях.

Он стоит, повернувшись ко входу спиной. Парень чуть пониже меня ростом, в черной куртке с капюшоном, надетым на голову, и джинсах. Я бы, наверное, не заметил его, если бы он не стоял на фоне окна.

Под моей ногой издает тихий хруст битый кирпич. Парень вздрагивает и оборачивается.

— Привет, — произносит он высоким, чуть дрогнувшим голосом. Немного постарше меня — лет двадцать, наверное. Под капюшоном светлые прямые волосы почти по плечи, нос с горбинкой, глубоко посаженные настороженные глаза. Мы останавливаемся, разделенные несколькими метрами замусоренного пространства, изучая друг друга.

— Я был почти уверен, что ты не придешь, — продолжает он. — Я бы и сам не пришел, наверное. На твоём месте.

Несколько мгновений мы молча смотрим друг на друга — я обдумываю услышанное. Может, и в самом деле не стоило приходить?

— Только не надо меня готовить и щадить мои нервы, ладно? — я решаю перейти, наконец, к делу. — Ты хотел мне рассказать, что тут происходит — давай, жги! После сегодняшнего меня уже ничто не удивит. Инопланетяне? Вампиры? Секретные эксперименты КГБ?

— Все мимо, — он легонько улыбается. — Хотя близко. В каком-то смысле действительно инопланетяне. А в каком-то и вампиры. Насчет секретных экспериментов ничего не знаю — на то они и секретные. Но, наверняка, и они есть.

— А попроще можно?

— В общем, парень, ты попал в поле зрения тирнов. А такое может быть только в одном случае — если ты сам тирн. Частично, конечно же.

— Вот сейчас намного понятнее стало, спасибо.

— Прости, я просто даже не понимаю, с чего начинать-то, — он разводит руками.

— Давай начнем с начала. Кто такие тирны?

— Хороший вопрос. Вот только сомневаюсь, что кто-либо на Земле даст тебе на него полный ответ, если вкратце — тирны это высшие существа. В каком-то смысле — боги. «Люди из стекла и тумана» — так про них говорят, но правда это или просто красивая фраза, я не знаю. Еще говорят, что они не могут прикасаться к железу — не знаю уж, почему. Они живут в некоем параллельном мире — или на другой планете, черт его знает. Но иногда являются сюда. И иногда у них бывают дети и внуки. Такие, как мы с тобой.

— Что за бред? Я могу прикасаться к железу. И мои родители никакие не тирны.

— А бабушки и дедушки? Ты всех их знаешь?

— Э... нет. Моя бабушка по отцу умерла, когда я был маленьким. А дедушка...

— А про дедушку ты ничего не знаешь, так? И даже твой отец ничего о нем не знает, он рос без отца? Верно?

— Подожди, но ведь это же ничего не значит! Полстраны так росло!

— Вот только полстраны не становятся претендентами на наследственном турнире!

— Так, слишком много всего. Что за турнир?

— Тирны живут очень долго, — начинает он, делая маленький шаг ко мне. Ему явно нравится говорить загадками и нагнетать. — Может быть, даже вечно. В смысле, не умирают от старости. Но иногда кто-то из них погибает, не оставив наследника. Тогда они призывают наследники кого-то из нас. Потомков умершего тирна, живущих на Земле. Обычно это несколько десятков молодых парней и девушек.

— Ну, допустим, — я прислоняюсь к шершавой кирпичной стене, не сводя с него глаз, и

стараясь внимательно слушать, что происходит на лестнице. Меня не покидает подозрение, что все это ловушка. — Но турнир-то здесь причем?

— А при том, что наследник должен быть только один. Смекаешь?

Я в самом деле смекаю. Пустой дом на отшибе. Ночь. Наследник должен быть только один. Быстро, как только возможно, я выхватываю из кармана нож и выставляю его перед собой.

— Не подходи! — кричу я. Выходит немного жалко и истерично, но тут уж не до эффектов. Парень делает шаг назад и поднимает руки вверх.

— Эй, ты чего! Ты не понял! — голос у него дрожит. — Я в этом турнире не участвую. Мне незачем тебя убивать.

— Тогда зачем ты меня сюда притащил?

— Чтобы поговорить. Ты мой единственный шанс. А я — твой.

— Поясни. Для начала почему я твой единственный шанс.

— Я проиграл свой турнир, — он усаживается на подоконник, достает зажигалку и закуривает. — Два года назад. Теперь я никогда не стану тирном. Я могу быть только...

— Подожди, — перебиваю я. — Ты только что сказал, что всех проигравших убивают.

— Я этого не говорил, — он пожимает плечами, выпуская изо рта струю дыма. — Я сказал, что наследник должен быть только один. Это значит, что все остальные должны его таковым признать. Или погибнуть. Либо до турнира, либо во время него.

— И если признаешь, тебя оставляют в живых, так?

— Так. И победитель может взять признавших его право в свои вассалы. Будет делиться с ними теми осколками, что сможет добыть в Тир-На-Ног. Не за просто так, конечно.

— То есть, ты один из таких вассалов?

— Нет, — он отводит глаза в сторону и с яростью сминает сигарету об подоконник. — Меня в вассалы не взяли. Человек, которому я присягнул... в общем, он обманул меня. Оставил меня без покровительства. Поэтому мне взять осколок негде, а значит я должен быть простым человеком. Ты не представляешь, какое это мучение!

— Почему же, мучение? — я пожимаю плечами. — Еще вчера я был обычными человеком. Ничего особенного.

— Ты не понял! Одно дело не знать, что где-то рядом есть волшебный мир, в котором возможно... вообще все! Не знать об этом и просто жить обычной жизнью. И совсем другое — знать, но все равно жить обычной жизнью. Это как... ну, вот у тебя, к примеру, нет миллиона долларов, и тебя это не особо беспокоит. А представь, что тебе подарили этот миллион, дали подержать в руках, а потом отобрали назад. Понимаешь?

— Теперь немного понимаю. Но, все равно, как тебе это мешает? Мне не очень мешает отсутствие миллиона.

— Ну, вот смотри. У меня была девушка. Она сама квартиронка, дочь известного бизнесмена, полукровки. Он вассал тирнского герцога, даже отправлял дочь в Тир-На-Ног учиться. Я бы мог поехать с ней, хотя бы в качестве слуги, и мы бы были вместе. Но для этого мне нужно было иметь хоть какую-то магическую силу, хоть несколько осколков, чтобы хватило сил на переход. Или чтобы продать один из них полукровке-перевозчику. Но у меня ничего такого не было, и она отправилась в Тир-На-Ног одна, а когда вернулась оттуда через год... В общем, вернулась она уже совсем другой. Какие-то другие интересы, которых я уже не понимаю. Ей было скучно со мной. Может быть, у нее кто-то был там... Не знаю. Даже если не было, тот мир изменил ее настолько, что я перестал для нее представлять

всякий интерес. Да и не только для нее — для любого, кто имеет доступ к настоящей магии. А мне не интересны те, кто его не имеет. Понимаешь? Иногда мне просто хочется влезть в петлю.

— Нда, жиза, — вздыхаю я. — Ну, а я-то тут причем? Зачем я тебе понадобился?

— Так ведь если ты выиграешь, то сможешь сделать меня своим вассалом! Самому мне уже никогда не стать полноценным тирном: у меня не будет своего хрустального дворца в Тир-На-Ног, магических источников и всего такого. Но ты можешь стать таким. И уж наверное, не забудешь того, кто тебе в этом помог. Оставишь мне хотя бы пару осколков, мне этого хватит на первое время.

— Погоди, всего очень много. Например, что за осколки?

— Тоже сложный вопрос. Это такие вещи, которые несут в себе магию. Осколками их называют потому, что большинство из них и правда похоже на осколки стекла: прозрачные, бесформенные, часто с острыми краями. Если ты квартерон, то без них не сможешь колдовать.

— Кварте... Кто?

— Квартерон. Ну, если кто-то из твоих родителей — тирн, то ты — метис, полукровка. А если бабка или дед — то в тебе четверть тирнской крови. Значит, ты — квартерон. Вот мы с тобой как раз такие и есть.

— А есть разница?

— Огромная. Метис может творить магию сам по себе. Правда, обычно что-то одно, специфическое. А квартерон — только пользоваться осколками. А без них он — обычный человек. Вот поэтому у меня все так.

— А эта девушка, которая на меня напала?

— Она называет себя Сирена. Дурацкий ник, как по мне, но она действительно опасная. Вот она как раз метис — то, что она сделала с тобой, она умеет без всяких осколков. На нее самые большие ставки в этом турнире.

— Ставки? А кто ставит?

— Разные богатые люди. Ну, то есть, не совсем люди, конечно. Такие же метисы и квартероны. Кто ставит деньги, кто — осколки.

— А на меня кто-то ставил?

— Нет, разумеется. Кто ж на тебя будет ставить? Только вот я поставил немножко. Коэффициент-то огромный, вот я и подумал...

— Понятно. А ты не думал, что я ведь могу и отказаться участвовать во всем этом? Что ты тогда со мной сделаешь?

— Я с тобой сделаю?! — парень вдруг начинает смеяться продолжительно и как-то слегка наигранно. — Ну, ты остряк! Что я сделаю? Да ты сам все себе сделаешь. Хочешь, расскажу тебе, что будет, если ты откажешься? Вот представь, что я Ванга. В общем, слушай. Закончишь ты свою школу, без троек, на выпускном тебя училки хвалить будут. Пойдешь в универ. На юриста, как тебя, небось, родители нороят запихнуть. Окончишь его. С красным дипломом даже, может быть. Дальше работать будешь — младший юрист, старший юрист, все дела. На работе будешь до ночи сидеть — ну, чтобы заметили, оценили. Где-то между делом женишься на какой-нибудь обычтоян. Квартиру с ней возьмете в ипотеку. Однокомнатную. В Марьино. Родит она тебе ребенка, назовете его каким-нибудь дурацким именем — ну, чтобы богатый внутренний мир продемонстрировать. Как же без этого? Первый год вообще ад будет — забудешь, как люди спят. А потом ничего, полегче. Между

делом начнешь жене изменять — дело житейское. Она об этом будет знать, будет тебя ненавидеть, но разводиться не будет — ребенок, ипотека, да и привыкла уже. А ты тоже привык, никуда уже уходить не захочешь. К сорока годам благодаря ударному труду с девяти до девяти заработаешь на новую квартиру побольше. Ну, а заодно — лысину и гипертонию. А там уже и до пенсии недалеко. Только ты до нее не доживешь — найдут у тебя лет в пятьдесят с небольшим рак поджелудочной железы, и сразу на четвертой стадии, потому что мы, мужики, ведь как — пока совсем не вмоготу не станет, к врачу не идем. Будешь все на гастрит списывать, а когда станет ясно, что не гастрит, уже поздно будет. Помучаешься на химиотерапии несколько месяцев, и привет семье. Короче, я прямо даже и не знаю, как тебя от такого счастья отговаривать... Я молчу, придавленный этой тирадой к полу. До сих пор я как-то не слишком задумывался над тем, как собираюсь провести жизнь. И перспектива, очерченная этим парнем вдруг вгоняет меня в страх, почти такой же, какой я испытывал сегодня днем, заноса ногу над перилами балкона. Если честно, я уже сдался.

— А альтернатива-то какая? — спрашиваю я, понизив голос. — Я, все-таки, не совсем понял.

— Альтернатива — овладеть магией, — говорит парень, мечтательно прикрывая глаза. — Причем, в таких масштабах, которые не снились даже твоей новой знакомой с седыми волосами. Такие, как она, будут смотреть на тебя снизу вверх. Ты сможешь путешествовать из мира в мир, у тебя будет свой хрустальный дворец и прочие владения. А уж что со всем этим делать — от тебя зависит. Можно просто жить в свое удовольствие, можно совершенствоваться в магии, можно помогать людям. В конце концов, ты просто будешь жить если не вечно, то очень-очень долго. Плохо, что ли?

Я вновь молчу, потирая лоб и переваривая услышанное. Если честно, собеседник кажется мне слегка тронутым. Я бы ни за что не поверил в весь этот горячечный бред, если бы не сегодняшние события и не фантастически технологии отправки смс.

— Откуда ты вообще узнал, что я этот самый кварталон? — спрашиваю я, понизив голос. — Откуда вы все об этом знаете?

— Хах! — усмехается мой визави, зажигая новую сигарету. — Так твое ж лицо и имя в «Хрустальном дворце» на большом экране светится. А прочее в сети узнать нетрудно. Так что все, кому надо, прекрасно знают, кто ты и что ты. Я, похоже, просто первый успел — а так на тебя кто-нибудь бы да вышел в скором времени. Возможно, предложил бы альянс, но скорее — просто убить для верности. Пока не началось. А еще тебя без личного согласия нельзя на турнир запихать, надо, чтобы ты в здравом уме согласился.

— Погоди, в каком еще дворце? — переспрашиваю я.

— Завтра покажу тебе. Если захочешь.

— Ты знаешь, — говорю я, — мне всегда было интересно, как на самом деле выглядит сделка с дьяволом. Ну, ведь нет же на самом деле этой глупой бутафории с договором и кровавой подписью. Теперь, кажется, я знаю.

— Это ты меня, что ли, дьяволом считаешь? — он улыбается. — Где мне. Я, можно сказать, всего лишь мелкий бес. Кстати, можешь меня так и звать. Кличка у меня такая, еще из времен, когда я был обычным человеком — Бес.

— Почему?

— Да просто фамилия у меня — Бессонов. Вот так и прицепилось, еще с начальной школы. А потом я ее в Фирме зарегистрировал, так что теперь меня фактически так зовут. Ладно, пойдем отсюда. Нечего тут мерзнуть. Если ты согласен, встретимся завтра возле

метро и поедем в центр.

— Зачем?

— Будем тебя регистрировать на турнир. Заодно посмотришь, как у них там все делается. Приложеньку тебе установят, чтобы за турниром следить и с внешним миром общаться. Очень полезно может быть.

— Ладно, — киваю я. После сумбурного рассказа Беса я надеюсь, что в таинственной Фирме мне все объяснят лучше.

— Ну, тогда пока! — он гасит очередную сигарету, и прямо через окно выпрыгивает наружу, растворяясь в темноте за окном. По пустой заброшке проходит дуновение холодного осеннего ветерка. Мне становится не по себе, и я стараюсь выйти наружу как можно скорее.

Дата: 20 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 35.

Напоминаем участникам, что реализация осколков производится в офисах Фирмы по текущим расценкам.

С расценками можно ознакомиться на официальном сайте Фирмы.

Имейте в виду, в период проведения Турнира расценки могут быть снижены ввиду повышения числа сдаваемых осколков.

Утро выдалось ясным и удивительно теплым для конца октября. Солнечные лучи весело играют в окнах стеклянного офисного здания на широком проспекте в центре Москвы. В раздвижные прозрачные двери вяло вливается жиденький поток сотрудников: сейчас половина девятого, еще рановато. Мы с Бесом стоим чуть поодаль от входа, возле проезжей части. Он докуривает сигарету прежде чем войти.

— А нас вообще туда пустят? — спрашиваю я. Уж очень мы с ним непохожи на офисных работников в костюмах, один за другим исчезающих в стеклянных дверях.

— А чего не пустят-то? — удивляется Бес. — У меня вообще пропуск есть.

Он помахивает перед моим носом пластиковой карточкой с собственной фотографией и синим логотипом «Инсервис».

— У меня-то нет, — отвечаю я.

— Не бойсь, новичков сюда пускают, если они свои. Куда ж им еще идти, как не сюда? — с этими словами Бес давит окурок об край урны и, сбросив его внутрь, направляется к дверям.

Мы проходим в просторный холл, где нам приветливо улыбается светловолосая девушка в белой блузке, сидящая на ресепшене.

— Делай, как я, — тихонько говорит мне Бес, после чего проводит раскрытой ладонью перед самыми глазами девушки и... исчезает. Я аж подпрыгиваю от удивления, а вот девушка как будто и не замечает ничего. Я повторяю жест Беса, и холл вокруг меня преобразается. Вместо обитой деревом стенки возникает блестящая поверхность из зеленоватого стекла, похожего на бутылочное. Стойка ресепшена превращается в гранитную, металлический турникет исчезает, и вместе с ним пропадает охранник в строгом костюме и офисные сотрудники, зато возле меня появляется Бес, а рядом с ним — молодой мужчина лет двадцати пяти, вертящий в руках что-то вроде синего кристалла неправильной формы, размером с пачку сигарет.

Девушка, как ни странно, остается на своем месте, лишь на груди у нее появляется кулон, напоминающий камень в моем кармане, только угольно-черного цвета.

— Добро пожаловать в компанию «Инсервис», — произносит она с дежурной улыбкой. — Это ваш первый визит к нам? Вам необходимо пройти идентификацию. Пройдемте со мной. Меня зовут Алина.

— Иди, — говорит мне Бес. — Я тут сейчас в один кабинет зайду, по поводу зарплаты, и внизу тебя подожду.

Представившись, я следую за девушкой к лифтам. Их дизайн тоже изменился: вместо

металлических наружных дверей нечто, смахивающее на полупрозрачный белый пластик. Войдя внутрь, Алина нажимает кнопку шестого этажа.

— Ваш друг уже объяснил вам все, что с вами происходит? — интересуется она.

— Эм... в общих чертах, — отвечаю я. — С одной стороны, вроде и объяснил, но я не все понял, а из того, что понял, не во все поверил.

— Но вы уже знаете, что выбраны для участия в турнире, да?

— Да, но... я так толком и не понял, что за награда на этом турнире.

— Награда возможность отправиться в Тир-На-Ног и стать тирнским лордом. Это большая честь, — поясняет девушка. В ее тоне проскальзывает что-то такое, словно она объясняет ребенку, как пользоваться ложкой.

— А если у меня не получится? — спрашиваю я. Девушка смотрит на меня немного удивленно.

— Вам в самом деле ничего не объяснили? — удивленно спрашивает она. — Давайте я вам организую беседу с нашим сотрудником. Он вас введет в курс дела, пока я буду идентификацией заниматься.

Я киваю. Действительно, может быть, мне уже хоть кто-то объяснит, что происходит? В глубине души я надеюсь, что все это окажется каким-то пранком.

Войдя вместе со мной в довольно тесную переговорную с фотографиями горных пейзажей на белых стенах, Алина поднимает трубку телефона:

— Антон, зайдешь к нам в семьсот шестую? — спрашивает она. — Тут с молодым человеком нужно ориентирующую беседу провести, пока я с идентификатором поработаю.

Сама она при этом садится перед экраном стоящего на столе ноутбука, а меня приглашает сесть напротив. К ноутбуку подключена какая-то штука, напоминающая манжету для измерения кровяного давления. Моя мама пользуется таким аппаратом.

— Наденьте на левую руку, — кивает она на устройство. Я покорно надеваю его. Оно автоматически затягивается на моей руке, но не слишком туго — не как при измерении давления. Девушка начинает набирать что-то в ноутбуке.

Пару минут спустя в комнату входит подтянутый мужчина лет тридцати, в рубашке в узкую полоску с хипстерской бородкой. Мне он напоминает актера Козловского.

— Добрый день, — говорит он, протягивая мне руку. — Меня Антон зовут. Первый раз тут?

— Да, — говорю я и жму его руку, стараясь выглядеть уверенно. — Меня зовут Игорь. Я до вчера еще не знал о вас ничего.

— Ты из турнира, да? — спрашивает Антон. — Повезло тебе.

— Не уверен, — говорю я. — Это же опасно.

— Опасно, конечно. Но знаешь, я бы с тобой поменялся местами.

— Так давайте поменяемся, — не уверен, что я действительно этого хочу, но мне интересно посмотреть на его реакцию.

В ответ Антон усмехается.

— Не, это так не работает, — покровительственно отвечает он. — Уж кого выбрали в претенденты, между теми и игра идет.

— А какие правила игры?

— Может быть, ты мне не поверишь, но я их до конца не знаю, — разводит руками Антон. — Просто в определенный момент, никто заранее не знает, когда, к нам в Фирму приходит... извещение, назовем это так. Его ни с чем не спутаешь и не подделаешь. В нем

содержится список — обычно это сорок-пятьдесят человек. В возрасте от пятнадцати до двадцати. Эти люди объявляются претендентами на наследство тирнского лорда. Независимо от того, знают они о своем происхождении, или нет. Мы публикуем список. Также нам сообщают, когда именно и где состоится турнир. В назначенный день все претенденты, которым повезет, отправляются туда через портал. Обрато возвращается только один. Что происходит с остальными, я не знаю, но...

— Но предполагаете худшее? — уточняю я.

— Угу, — кивает Антон. — По крайней мере, никто из проигравших никогда не возвращался.

— Вы сказали, отправляются туда те, кому повезет? — уточняю я. — А кому не повезет?

— Видишь ли, — начинает Антон. — Традиция эта очень древняя, и методы решения проблем остались тоже древними. Тирнам все равно, сколько именно из претендентов войдет в портал. Их не волнует, если таковых будет, скажем, двадцать или десять. Это приводит к тому, что претенденты начинают... заранее повышать свои шансы.

— То есть, убивать друг друга?

— Все так, — кивает Антон. — Кроме того, некоторые заранее сдаютс кому-то, надеясь на его покровительство в дальнейшем. Хорошим тоном считается это покровительство оказывать. Такие потом становятся вассалами тирнов. Это довольно почетно.

— То есть, они могут напасть на меня где угодно? — спрашиваю я, невольно оглядываясь по сторонам.

— Ну, здесь ты в безопасности, — улыбается Антон, заметив мой жест. — Фирма не позволяет устраивать побоища в своем офисе.

— А где еще?

— Бар «Хрустальный дворец», например. Да вообще в Москве есть десяток мест, где лучше соблюдать порядок. Обычно там висят таблички. Разумеется, невидимые для простых людей.

— Ладно... но вообще у меня куча вопросов.

— Приступай. Я тут как раз для того, чтобы на них отвечать.

— Кто вообще такие тирны? Чего они хотят? Или правильнее спросить «чего вы хотите»?

Антон усмехается.

— Начну с последнего: нет, сам я не тирн, разумеется. Такой же кварталон, как и ты. Ты же кварталон?

Я неуверенно киваю. В этот момент ноутбук девушки издает писк.

— Да, кварталон, — отвечает она. — Но потенциал неплохой. Работа с кристаллами всех уровней вплоть до пятого. Если у тебя в есть подходящие кристаллы, рекомендацию к работе на Фирму можно выдавать хоть сейчас. И не просто курьером, как твой друг.

— Ну, вот, — продолжает Антон таким бодрым тоном, словно у него гора с плеч свалилась. — А кто они такие? Знаешь, если честно, я и сам толком не знаю. Они живут в параллельном мире. Их цивилизация намного древнее нашей, и освоила такие технологии, которые с нашей точки зрения неотличимы от магии.

— Вы их видели?

— Всего три раза. Если не считать людей, ушедших в их мир совсем недавно и не до

конца воплотившихся в тирнов. Таких я вижу регулярно.

— Как они выглядят?

— Они могут выглядеть очень по-разному. Наверное, меняют форму, как им вздумается. Точно не знаю, как. Станешь тирном — сам узнаешь, — он улыбается. — Я их видел в образе людей. За исключением одного случая.

— То есть, если я выиграю турнир, то... перестану быть человеком? — спрашиваю я. Звучит пугающе.

— Можно и так сказать, — произносит Антон словно слегка через силу. — Но у тебя есть шанс стать чем-то лучшим, чем человек.

— А если я не хочу?

— Тогда ты в любой момент можешь сдаться.

— И это единственный путь?

— Ну, другого я не знаю, — Антон картинно разводит руками. — Ты можешь, конечно, отойти в сторону. Но если вдруг кто-то из претендентов решит, что ты для него опасен... А рано или поздно это случится. В общем, мнээ... не советую. Съедят.

Он усмехается и хлопает меня по плечу. Я слегка ежусь от этого жеста.

— Из-за этого? — спрашиваю я и демонстрирую ему лежащий на ладони камень в форме капли.

Антон кивает, не отрывая от камня глаз.

— Это очень сильная штука, — говорит он. — Хотя и малоизученная. Наша фирма готова заплатить за нее два миллиона рублей.

Откровенно говоря, масштаб цен кажется мне поразительным. Таких денег я не держал в руках никогда, и не уверен, что мой отец часто видит такую сумму одновременно. Соблазн велик, но...

— Мне она уже однажды спасла жизнь, — говорю я. — А трупу деньги ни к чему.

— Разумно, — говорит Антон с некоторым разочарованием в голосе.

— С идентификацией, вроде бы, все, — говорит Алина, снимая с моей руки манжету. — Можем ввести имя, и с этой минуты ты полноценный участник.

— Ну, Меня Игорь зовут. Я, вроде бы, уже говорил.

— Настоящее имя — не то, которое человеку дает кто-то другой, — наставительно произносит Антон. — Настоящее имя он выбирает себе сам. Вот твой друг зарегистрировался, как Бес, например.

— Мне кажется, у вас обоих обычные имена, — говорю я.

— Нам обоим по работе приходится много общаться со здешними, — снисходительно говорит Антон. — Когда живешь такой двойной жизнью, лучше не забывать человеческое имя. А так вообще я Драмер. В институтские годы на ударных играл, так с тех пор и повелось.

— Со здешними кем? — переспрашиваю я.

— Со здешними. В смысле, с обычными людьми, которые свои в нашем мире, — поясняет Алина. — А мы сами, потомки тирнов, друг друга называем нездешними.

— Ну, и напоследок, если еще остались вопросы — задавай, — широким жестом предлагает Антон. — Любые

— Любые? Ну, ладно. Чем занимается ваша Фирма?

— Ну, много чем, Но основная цель — помогать тирнам, когда они находятся здесь. А кроме того, поставлять им найденные на Земле осколки. Плюс поддерживать режим тайны.

Сам понимаешь, обычным людям незачем о нас знать. Впрочем, последнее самое легкое.

— Это почему?

— Потому что земной мир и разум обычных людей сам отторгает информацию обо всем, что приходит из иного мира. А уж если ему в этом помочь... о, кстати, чуть не забыл. Алин, принесешь негатор со склада?

— Ага, — кивает она и удаляется, покачивая бедрами. Мне показалось, или Антон проследил за ней взглядом?

— А что вы ей сказали принести? — спрашиваю я.

— Подарок тебе от Фирмы, — улыбается Антон. — Вообще-то, всем подряд мы его не выдаем, но ты — участник турнира, а значит у тебя могут быть разные осложнения по его ходу. Да и следить за турниром тебе нужно. У этого прибора куча функций, но главная — делать тебя незаметным для здешних, когда это нужно.

— Вы покажете, как им пользоваться?

— Если ты пользуешься телефоном, то и с ним разберешься. А нет, так тебе твой друг подскажет.

Вернувшись Алина и в самом деле приносит мне обыкновенный смартфон, разве что без логотипа какого-либо производителя. Смотрится, как какой-то китайский ноунейм. Оно, может быть, и к лучшему — не украдут, например.

— Там на счету сейчас десять тысяч рублей, — говорит она с улыбкой. — Подарок от Фирмы новому участнику. Не смотри такими глазами — это не очень большая сумма для негатора. Некоторые программы весьма затратны.

— Ну, думаю, на этом все, — произносит Антон. — Тебя там твой друг внизу заждался, должно быть. Если будут еще какие-нибудь проблемы, обращайся. Ну, и после турнира еще заходи для профорientации, если...

— Если выживу, да?

— Да не переживай ты так, — с фальшивой улыбкой отвечает Антон и отводит глаза. — Да, правила такие, какие они есть. Не я их установил. Если не чувствуешь себя в силах победить — всегда можешь сдать кому-нибудь подходящему.

— Спасибо за совет, — киваю я и выхожу из комнаты в поисках лифта.

* * *

Как только мы с Бесом выходим из раздавшихся в стороны стеклянных дверей, я тут же чувствую, что-то неладное. У меня уходит пара секунд на то, чтобы понять, что именно: парень, стоящий чуть поодаль от входа, возле поворота в узкий переулок, смотрит на меня, не отрывая взгляд. Потом, видимо, узнав меня, начинает двигаться в нашу сторону. Его лицо наполовину скрыто капюшоном зеленой толстовки, только край светлой челки выбивается из-под нее.

Бес замечает его и останавливается, как вкопанный.

— Я его задержу, беги быстро в проулок и к метро! — шепчет он мне быстро, взволнованным голосом.

— Но... — начинаю, было я. Мне хочется сказать, что я вообще не понимаю, что происходит. Но Бес сильно толкает меня назад, в сторону поворота, давая понять, что

разговаривать некогда.

Я уже и сам это понимаю, так как парень впереди нас переходит на бег.

Если бы он просто бежал на нас или размахивал каким-нибудь оружием, я бы бросился со всех ног на параллельную улицу, до которой можно было бы добраться до метро. Но тут с ним начинает происходить такое, что заставляет меня застыть на месте. По руке парня начинает течь что-то похожее на ртуть, как если бы он сломал в ладони ртутный градусник. Только огромный, потому что странное вещество, излучающее слабое свечение, довольно быстро обволакивает всю руку, причем течет оно от ладони вверх, вопреки законам физики. Мгновение и оно застывает, превращая конечность парня в сияющее лезвие.

— Да беги же ты! — орет мне в самое ухо Бес. Я подрываюсь с места, но тут же понимаю: поздно.

Парень стартует со спринтерской скоростью, его шаги я слышу все ближе. Беса он просто отталкивает, даже не приостановившись, и тот отлетает к стеклянным дверям офиса, плюхнувшись на задницу. Встретившиеся нам на пути две девушки с визгом бросаются в сторону.

Матюкнувшись, отскакивает и прячется за автомобилем мужчина с портфелем. Судя по шагам, врагу осталось всего два прыжка для того, чтобы настигнуть меня. Холодная муть предсмертной тоски накатывает на меня второй раз за два дня. Я чувствую, что всему пришел конец, причем нелепый и глупый. Стоп, а почему все не закончилось в прошлый раз?

В этот момент в моем мозгу вспыхивает воспоминание. Балкон. Скорчившееся тело девушки возле бетонной стены. Ударная волна из камня. Я остаиваюсь и лезу в карман. Все мои мысли сейчас о том, чтобы успеть.

Противник уже заносит свой клинок, готовясь опустить его на мою голову, когда я выхватываю камень из кармана.

— Стоять! — выкрикиваю я машинально, направляя узкий конец каменной капли в его сторону. Выглядит это, конечно, глупо: словно попытка остановить поезд, скомандовав ему: «Поезд, стой!». Мысленно я уже прощаюсь с жизнью, одновременно надеясь на какое-то чудо, которое снова меня спасет.

Секунду спустя я понимаю, что чудо, видимо, произошло. Уже готовое перерубить меня пополам лезвие останавливается в полуметре от меня, словно кто-то поймал клинок клещами и стал давить на него в противоположную сторону. На лице моего противника появляется выражения изумления. Он пытается вырвать руку из захвата, но не может. Секунда — и его отбрасывает в противоположную от меня сторону, а лезвие с противным скрежетом впивается в бетонный столб, застревая в нем, словно топор в колоде.

— Бежим, — орет в мое ухо подскочивший Бес. На этот раз мне не нужно повторять дважды. Оглянувшись на парня в толстовке, безуспешно пытающегося вытащить лезвие из столба, я бросаюсь бежать в переулок.

* * *

— Слушай, это же, наверное, будет сегодня во всех новостях, — говорю я. Мы с Бесом, устав бежать и достаточно запутав следы в лабиринте московских переулков, спокойно идем

по направлению к метро. — «В центре Москвы злоумышленник со странным светящимся клинком напал на прохожего, а тот сбил его с ног телекинезом. На место происшествия уже выехал отряд участников «Битвы экстрасенсов».

— Ага, будет, но не во всех и не так, — отвечает Бес с усмешкой. — Скорее что-то вроде: «В центре Москвы неизвестный открыл стрельбу из травматического пистолета по прохожему. Никто не пострадал, преступнику удалось скрыться. А теперь новости спорта».

— Подожди, ты хочешь сказать, что люди вокруг действительно это видели?

— Это или что-то подобное. В любом случае, нечто не выходящее за рамки привычной реальности. Они видели, как один человек напал на другого, но светящийся меч никто из них не запомнил. Они хорошо знают, что светящиеся мечи бывают только у джедаев в кино.

— Но как это работает? Почему я это видел, ты это видел, а они нет?

— Потому что мы не принадлежим к этому миру, — отвечает Бес, пожав плечами. — Точнее, не до конца принадлежим. Ты и камень свой поэтому нашел. До тебя мимо него сто человек прошло и не заметило, а ты заметил. Не знаю я точно, как это работает.

— Может быть, мозг обычного человека сам отфильтровывает ту информацию, которая не относится к этому миру? — спрашиваю я.

— Понятия не имею, — Бес снова пожимает плечами. — Если уж тебе так интересно, поговори в другой раз с кем-то в Фирме. У них, наверное, есть какие-то ученые, которые это изучали.

Пару минут мы молча меряем переулок быстрыми шагами.

— Значит, так, — говорит Бес, когда мы с ним выходим из переулка на широкую улицу. Я едва поспеваю за ним и уже начинаю выдыхаться. — Тебе теперь желательно не появляться там, где тебя могут искать. То есть, дома и в школе.

— Дома я и сам бы рад. Вот только что я родителям скажу?

— Придурок, у тебя в руках негатор. Отличная штука от родителей и вообще лучший ответ на все неудобные вопросы. Наврешь им что-нибудь, негаторомкрепишь. Правда, тебе дали слабенький. Через недельку они могут начать что-то подозревать. Но к тому времени, глядишь, турнир уже закончится. Ну, или придумаем что-нибудь.

— А со школой как?

— Да точно так же. Заболей. Справку потом сделаешь. Если ты выиграешь турнир, школа тебе больше все равно не понадобится. А если проиграешь — тем более.

— Допустим. И где же мне тогда жить?

— Да у меня, — отвечает он. — У меня тебя тоже, конечно, могут найти. Но, по крайней мере, не каждый дурак это сможет сделать. И потом, со мной спокойнее.

Я хмыкаю. Откровенно говоря, способность Беса защитить меня в случае чего от той девушки с пустыми глазами или еще кого-то подобного вызывает у меня большие сомнения. С другой стороны, лучше уж с ним, чем без него. Опять же, лишний раз подвергать опасности родителей и Настену я точно не хочу. Будет ли мне безопаснее в обществе Беса — вопрос, но им точно будет безопаснее подальше от меня. Если только...

— Подожди, — говорю я, — но если полукровки сильнее нас... ведь мой отец же полукровка! Значит, у него должна быть какая-то способность. Я могу рассказать ему обо всем этом... о турнире. И он поможет мне.

— Ничем он тебе не поможет, — качает головой Бес. — Способность может обрести только тот, кто вступил в контакт с осколком, лет этак до двадцати пяти. Потом — поздно. Наш мир с каждым годом все сильнее давит на нездешнего, который не осознал себя, и в

конечном счете меняет его природу. Твой отец уже человек — смирись с этим.

— Значит, ему тоже будет безопаснее, если я уйду?

— Угу. В худшем случае ему устроят допрос по поводу того, где ты. Но раз он не будет ничего знать, то его отпустят. Бессмысленные жертвы никому не нужны. Обычно.

Прозвучало как-то не очень обнадеживающе. Но уж как есть.

— Хорошо, допустим, я переезжаю к тебе. Что дальше?

— Дальше мы прямо завтра идем в одно место. В схрон, где ты сможешь найти оружие. По-хорошему, рановато тебе еще туда соваться, но выбора у нас нет. Нужно, чтобы ты мог за себя постоять. А без оружия тут никак. Хотя ты, мне кажется, излишне паникуешь. Та же Сирена может загипнотизировать — но для этого ей нужно прямо в глаза смотреть, а с тобой этот фокус второй не провернешь. А маяки магически ставить или внешность менять она не умеет. Все-таки метис, а не полноценный тирн. Да и этот чел — напал на тебя потому, что ты из дверей фирмы выходил, а туда все участники рано или поздно наведаться должны. Тут я сглупил, конечно, надо было тебя через черный ход выводить.

Негатор тебе выдали — присмотришься ко всем участникам, морды выучишь — и считай почти в безопасности. Так-то посторонних к расправе привлекать запрещено, за такое и из турнира могут, эээ... турнуть — Бес расхохотался собственному каламбуру, и на душе у меня стало полегче.

— Погоди, что значит, схрон? Это какой-то склад, что ли?

— Нет. На склад это совсем непохоже. Я тебе объясню, когда домой доберемся. На ходу неудобно.

Перед нами как раз приветливо распаивает пасть подземный переход с алой буквой «М» над ним.

Дата: 20 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 34.

Единственный в Европе Тирн-колледж Осло объявляет о начале приема заявок на обучение с последующим прохождением стажировки в Тир-На-Ног.

С условиями обучения и порядком оплаты можно ознакомиться на официальном сайте колледжа.

Фирма предлагает программу софинансирования обучения при условии подписания с ней абитуриентом предварительного трудового контракта.

— Ну, вот мы и пришли, — говорит Бес, открывая передо мной дверь квартиры на последнем этаже. Живет он, оказывается, не так далеко от меня — соседняя станция метро.

Квартира у Беса маленькая — одна комната и крошечная кухня, в которой давно уже не мешало бы прибраться и вымыть сваленную в раковину посуду. На полу кухни валяются две упаковки из-под пиццы, рядом со столом, на котором поместился монитор компьютера, стоят три пустые пивные бутылки.

— Широко ты тут живешь, — говорю я, усаживаясь на небольшой диванчик, который, видимо, служит единственным в квартире спальным местом.

— А то, — кивает Бес, видимо, не распознав иронии. — Одному, на самом деле, намного удобнее. По куче причин. Скучновато только.

— Так ты хотел рассказать, что это за схрон, в который мы собираемся.

— Видишь ли, в двух словах это и не объяснишь. Представь себе, что в наш мир в какой-то момент начинает просачиваться вещь из другого мира.

— Из мира тирнов?

— Возможно. Хотя, наверное, необязательно. Просто какая-то чуждая. Из-за чего так происходит — никто толком не знает. Возможно, в этом месте истончилась перегородка, которая отделяет наш мир от чужого. А может быть, эту вещь что-то вытолкнуло. Говорят еще, что такие вещи притягивают случившиеся в нашем мире события, связанные с сильными страданиями. Массовые убийства, суицид, войны, пытки. Где этого много, там часто можно найти вход в схрон. Но важно другое: в нашем мире ей места нет, она ему абсолютно чужда. Поэтому наш мир начинает в свою очередь отторгать ее, защищаться. И вокруг этой вещи образуется как бы кокон из искаженного пространства и времени. Это сложно описать, и это каждый раз по-разному выглядит. Там могут расширяться или сжиматься пропорции предметов, могут появляться какие-то странные существа, может по-другому течь время. Обычно оно там ускоряется: ты можешь провести в схроне пару дней, а в реальности пройдет минута.

— И зачем мне лезть в этот кокон?

— Вещь, способная этот кокон создать, почти всегда пропитана магией. Она может стать серьезным оружием, даже если сама по себе для этого не предназначена.

— Если честно, мне не очень верится во все это. Если бы такие места существовали, да еще если бы их было много, да еще и посреди города... Вот этот схрон, в который ты хочешь меня повести, он где?

— В Крылатском.

— Ну, вот. Если бы в Крылатском была аномальная зона, в которой искажается пространство и время, неужто такое возможно, чтобы о ней никто не знал? Ну, там, ученые, спецслужбы, журналисты. Это же густонаселенный район, как такое возможно?

— Я же тебе говорю: наш мир отторгает эту вещь. Кокон, в который она обернута, работает примерно как твой негатор, только еще мощнее. Он начисто убивает всякий интерес к этому месту. Человек, который просто идет мимо, начинает невольно ускорять шаг, отводит глаза в сторону, начинает напевать про себя какую-нибудь песню. Только бы не видеть и не слышать. А часто еще и испытывает безотчетный страх, так что старается скорее унести ноги.

Некоторое время я перевариваю все услышанное.

— Так, ладно, у меня сейчас взорвется мозг от всего этого, — признаюсь я. — Ты говорил, мне нужно поговорить с родителями с помощью этой штуки?

Я осторожно беру в руки новый телефон, словно он может взорваться.

— Ага, смотри, — оживает Бес. Он берет мой телефон и поворачивает экраном ко мне.

— Нажимаешь сюда, — он жмет на иконку из списка приложений, изображающую сердечко. Мне кажется, такая подошла бы для какого-нибудь сервиса знакомств. Однако, никакого окна не открывается — просто сердечко появляется на верхней панели телефона.

— Вот и все, — комментирует Бес. — Теперь, если ты что-то говоришь по этому телефону, собеседник воспримет это, как должное. Доверие к твоим словам сильно повышается. Правда, на нездешних не действует. Только на обычных людей.

— Интересно. А банк так ограбить можно? Ну, уговорить вынести мне деньги, например.

— Сомневаюсь, — качает головой Бес — Много кого придется уговаривать. Да и это не абсолютная волшебная палочка, позволяющая убедить кого угодно в чем угодно. Тут тоньше все. Зависит от того, как человек к тебе относится, и насколько странные вещи ты ему говоришь.

— Понятно. Но ты думаешь, если я сейчас позвоню домой и скажу, что поживу недельку у друга, это никого не удивит?

— Уверен. И на твоём месте, я бы уже звонил, потому что эта штука прямо сейчас расходует твои деньги. А банк с ее помощью не ограбишь, как мы выяснили.

Я набираю номер матери.

— Привет, — говорю я. — Слушай, ты не будешь против, если я недельку поживу у друга?

Я машинально втягиваю голову в плечи, воображая тот шквал вопросов, который вот-вот обрушится на меня. Да, мне шестнадцать лет, я взрослый человек, но подобный вопрос в глазах моих родителей будет выглядеть очень настораживающим. Тем более, мать хорошо знает, что друзей у меня фактически нет. С тем же Пашкой я не настолько дружен, чтобы прямо жить у него дома. Да и с чего вдруг?

— Ну, в принципе, нет, — спокойно отвечает мать. — А что это ты вдруг?

— Да мне к ЕГЭ готовиться надо, а вместе удобнее и... спокойнее как-то, чем дома, — говорю я первую попавшуюся чушь, которая пришла в голову.

— А... — только и произносит мать. — Я понимаю, что «спокойнее» она восприняла, как намек на ситуацию дома. — Ты хоть звони там только. А то без тебя грустно будет.

Настене особенно.

— Да-да, хорошо, — спешу заверить я, радуясь такому простому разрешению вопроса.

Перебросившись еще парой фраз, я завершаю разговор.

— Видал? — гордо спрашивает Бес.

— Круто, — отвечаю я. — Если бы не печальные обстоятельства. Ладно, дай еще отцу наберу.

Разговор с отцом проходит столь же гладко. После него я отключаю приложение и кладу телефон на стол.

— Ну, что теперь? — спрашиваю я.

— Теперь отдыхаем до вечера. Точнее, я отдыхаю, а тебе не мешало бы что-нибудь прочитать в образовательных целях про то, в какой мир ты вообще попал. Я тебе подберу сейчас. А вечером ходим в одно хорошее место. Посмотришь, как у нас народ развлекается.

— Какие развлечения, ты чего? — удивляюсь я. — Меня чуть не убили два раза за два дня!

— Не ссы, там не убьют! — отвечает Бес. — Там убивать нельзя.

Не уверен, что эта реплика меня сильно обнадежила.

* * *

Вечером мы выбираемся из дома Беса. Первым на плохо освещенную улицу выходит он и, оглядевшись по сторонам и просканировав окрестности своим телефоном, делает мне знак: дескать, все чисто. Тогда подъезд покидаю я.

Надо сказать, его проверка не слишком меня успокоила. За каждым кустом мне видится либо девушка с серебристыми волосами, либо парень со шрамом и со стеклянным мечом наперевес. Будь моя воля, я сегодня, пожалуй, не пошел бы никуда. Но Бес сказал, что там, куда мы идем, нападения ждать не стоит. Впрочем, он и про офис Фирмы так говорил.

— Слушай, а как ты мне тогда СМС отправлял? — спрашиваю я Беса по дороге. — Ты ж и телефона моего не знал. А уж тем более чтобы он сам включался, это ты как делал?

— Да тоже приложение есть такое, — отвечает он. — Называется «Сова с письмом». Шутники. Позволяет достать человека, который не хочет или не может сейчас ответить, через любую дырку. Благо дырок таких в нашем цифровом обществе хоть отбавляй. Разве что в тайгу уедешь, но и там, наверное, тебя эти сообщения будут доставать. Прямо на коре сосны будут появляться.

Я едва не захожусь хохотом при мысли о том, как выглядели бы такие сообщения. Должно быть, это нервное.

Проехав несколько остановок на метро и выбравшись на поверхность, мы оказываемся возле входа в бар со старомодной неоновой вывеской. Как раз начинает накрапывать дождь, и, глядя на розовый неоновый свет я чувствую себя персонажем какого-то старого американского детектива. Так и хочется поднять воротник плаща и надвинуть шляпу на глаза. Вот только шляпы у меня нет, а воротник у куртки короткий.

— Вот это-то и есть самое труднодоступное заведение Москвы? — удивляюсь я. — Выглядит, как обычный кабак в спальном районе.

— Не суди по внешности, — отвечает Бес. — Идем, там уже полно народу, наверное.

Но вопреки замечанию Беса, внутри бар выглядит примерно так же, как можно предположить, глядя на вывеску. Помещение довольно тесное, в нем играет какая-то старая попсовая песня, и сильно накурено. В дальнем углу за большим столом гуляет компания в стиле «кому за сорок»: на одной громогласно хохочущей даме даже леопардовые лосины. А за спиной ее спутника на спинке стула висит коричневая кожаная куртка, в которой, наверное, он еще в 90-е годы крышевал ларьки. Чуть поодаль на них опасно поглядывают двое молодых парней в костюмах — видимо, зашли после работы. У барной стойки расположились две крашенные блондинки с печатями безысходности на лице. И это самое секретное заведение в Москве, место сбора магической элиты? Серьезно?

Бес подходит к бармену и прямо перед его лицом хлопает в ладоши. После чего исчезает. Что ж, кажется мне пора начинать привыкать к таким штучкам. Приблизившись к стойке я повторяю его жест, втайне ожидая, что ничего не произойдет, а бармен и окружающие посмотрят на меня, как на идиота.

По стенам бара проходит рябь, словно они стали жидкими. Они начинают медленно таять, меняя свои очертания и даже размеры. Вокруг нас с Бесом возникает зал, намного больший по размерам. Теперь он скорее похож на какой-то элитный клуб в центре Москвы. Честно сказать, я в них ни разу не был, но представляю их себе примерно так. Высоко под потолком сияют множеством граней люстры, собранные из неровных хрустальных осколков. На стенах огромные зеркала в вычурных оправках перемежаются гигантскими мониторами. Вот только мониторы почему-то транслируют не клипы и не спортивные состязания, как было бы уместно в баре по моим представлениям. На них то и дело появляются то лица каких-то парней и девушек крупным планом со скупыми подписями, то какие-то цифры и таблицы. Некоторые лица перечеркнуты красными ли зелеными крестами. В правом нижнем углу бежит секундомер, словно отсчитывая время до какого-то события. Судя по нему, осталось десять дней и пятнадцать часов с минутами.

— Здесь вся потусторонняя Москва собирается, — говорит мне тихонько Бес. — Ну, не совсем вся, конечно. Есть еще пара мест. Но это главное.

Когда проходит первый шок, я понимаю, что вся потусторонняя Москва не так уж и велика: в зале несколько десятков человек. Может быть, от силы сотня. Впрочем, дальше виднеется еще один зал, возможно, не меньше этого.

Но посмотреть есть на что. За ближайшим к нам столиком сидит девушка, платье которой словно сделано из расплавленного зеленого стекла. Ее подруга при этом одета в обычные джинсы и свитер.

Чуть поодаль беседуют друг с другом трое мужчин лет тридцати, у каждого из которых из лиц шеи и ладоней торчат небольшие переливающиеся кристаллы: словно они заразились друг от друга какой-то стеклянной ветрянкой.

Возле одного из мониторов парень моего возраста с азартом втолковывает что-то мужчине лет пятидесяти, разрисовывая блокнот какими-то таблицами, и то и дело указывая концом карандаша на цифры на экране.

Мы проходим через зал и усаживаемся за столик в углу. Через пару минут возле него появляется официантка, облаченная в стеклянное платье, но в отличие от девушки возле входа, у нее оно черно-белое и более открытое.

— Готовы что-нибудь заказать? — приветливо интересуется она.

— Два «Гринхауда», пожалуйста, — говорит с достоинством Бес. — А меню оставьте, еще что-нибудь выберем.

— Что ты заказал? — спрашиваю я, когда официантка удаляется.

— Попробуй, классная штука, — отвечает он, протягивая мне меню. — Ну, и выбери себе еще что-нибудь.

Я обнаруживаю в меню несколько знакомых названий обычных человеческих коктейлей, но по большей части мне незнакомы не только названия, но и ингредиенты.

— Что такое «Коа-ром»? — спрашиваю я.

— Ром, сделанный из сахара, добытого из белого корня, которая растет в Коа.

— Где?

— Коа — это не то маленький мир, не то огромный схрон, никто толком не знает, — отвечает Бес. — Туда не так просто попасть, но зато там растет огромное количество странных растений. И живность не менее странная. Некоторые тамошние растения съедобны, и в Фирме есть отдел, который собирает и доставляет их сюда. Многие нездешние платят большие деньги за то, чтобы попробовать блюда с продуктами из Коа. Здешним их продавать запрещено. Во избежание лишних вопросов.

— То есть, «салат из белого корня с рукколой», «стейк с пряностями Коа» и «текила из красной агавы-Коа» это все из другого мира?

— Угу, — кивает Бес.

— Тогда понятно, за что такие деньги.

— Пей «Гринхаунд», — бросает Бес. — Там тоже немного специй из Коа есть в составе. Вкус немного странный получается.

Я следую его совету и отпиваю из бокала. Вкус действительно необычный, но мне никак не удается уловить, чем же именно. Такое чувство, что разлитую в жидкости чуть островатую кислинку я ощущаю не языком, а щеками, нёбом и даже, возможно, сразу мозгом. Очень странное чувство. Возможно, это что-то наркотическое?

Неожиданно краем глаза я замечаю что-то необычное, и сперва не могу даже осознать, что же именно. И только когда поворачиваю голову, понимаю: на одном из огромных экранов крупным планом светится мое лицо. Подпись небольшим шрифтом внизу гласит: «Игорь Ростович, 16 лет, Москва, имя не выбрано, побед 0, вассалов 0, осколков 1, коэффициент 184,649».

— Что это? — спрашиваю я ошарашенно Беса.

— Так я ж тебе говорил, что твое лицо тут на всех экранах, — отвечает тот. — Здесь главный центр приема ставок на исход турнира.

Секунду спустя изображение сменяется какой-то таблицей, а затем на экране появляется знакомое лицо, обрамленное серебряными волосами. От доброжелательного, казалось бы, взгляда черных глаз хочется немедленно залезть под стол. Текст под фотографией услужливо сообщает: «Диана Спиридонова, 17 лет, имя — Сирена, побед 11, вассалов 2, осколков 39, коэффициент 1,445».

Из прострации меня выводит подошедшая к нашему столику русоволосая девушка в коротком платье, словно сделанном из непрозрачного черного гибкого стекла. Мне представляется возможность получше рассмотреть этот материал: нет, это не какой-то пластик, а скорее именно стекло, обретшее вдруг способность струиться, словно ткань. Я уже заметил тут еще несколько человек в такой одежде: особенно часто в ней ходят девушки. Мужчины, по большей части, одеты ничем не примечательно. Разве что через два столика от нас сидит высокий тощий человек, одетый во что-то вроде римской тоги, сделанной из такого же материала. Только не черного, а серебристого цвета.

— О, Андрюш, привет, как ты? — спрашивает девушка с довольно холодной улыбкой, немного растягивая слова.

— Привет. Я... Э я... ничего, в общем, — смущенно отвечает Бес. — Вот знакомься, это Игорь. А это Женя.

Девушка переводит на меня равнодушный взгляд.

— Новичок, да? — спрашивает она. — Где-то я тебя уже видела.

— Да, — отвечает Бес. — Только что на экране.

В глазах девушки вспыхивает слабая искорка интереса.

— И какой коэффициент на тебя? — спрашивает она слегка насмешливо.

— Да так себе, — отвечаю я, вертя в руках стакан.

— Тогда мой тебе совет: лучше сдавайся. Ну, только не абы кому. На кого там сейчас самые высокие ставки?

— На Сирену, но... — начинает, было, Бес.

Девушку передергивает, словно суеверного человека, при котором помянули к ночи нечистую силу.

— Да уж, ей, пожалуй, не надо, — говорит она, задумавшись. — Найди еще кого-то, кому можно будет сдать. И кто нормально в вассалы возьмет. Вообще в шоколаде будешь.

— Ну, вообще я собираюсь всерьез участвовать, — неуверенно говорю я. Хотя сам я в этом не очень уверен совет девушки кажется вполне разумным.

— Ну, и зря, — пожимает она плечами. — Убьют и все. Оно тебе надо? На самом деле, то, что ты попал в претенденты, это уже большая удача. Не всем выпадает. Ей только надо уметь воспользоваться.

Она замолкает, слегка покраснев. Видимо, решила, что последняя фраза звучит, как упрек в сторону Беса.

— Ну, ладно, я пойду, — говорит она немного смущенно. — Увидимся еще.

Бес провожает ее неуверенным взмахом руки.

— Вот так всегда теперь, — говорит он, когда девушка отходит от нашего столика и присоединяется к компании возле барной стойки. — «Привет, как ты?», и все...

Мне становится неловко. Совершенно не умею утешать людей.

— Мне вечно не везет в отношениях с людьми, — продолжает он. — Вот только когда я был обычным здешним... Точнее считал себя таковым... Это было нормально.

— В смысле?

— Видишь ли, каждый потомок тирнов подсознательно чувствует свою чужеродность по отношению к этому миру. Если тебе кажется, что твоя жизнь идет абсолютно не так, что ты здесь чужой и все тебе здесь чуждо — это знак. Люди, кстати, тоже подсознательно сторонятся нездешних. Поэтому мы часто одиноки и своими можем стать только в обществе себе подобных. Часто бывает, что даже не осознавшие себя нездешние сбиваются в группы, и даже женятся нередко на таких же, как они сами. Нас тянет друг к другу. Это дело обычное. Вот только я как-то умудряюсь оставаться чужим и для нездешних тоже.

Некоторое время мы молча тянем второй уже за вечер коктейль. Настроение у меня не то, чтобы прямо улучшается, но немного отступает давящий страх, преследовавший меня неотступно с момента встречи с серебряноволосой девушкой. Мне уже кажется, что жизнь, пусть сложная и опасная, но, все же, интересная штука. Но одновременно с этим я замечаю, что настроение Беса словно бы движется в прямо противоположную сторону. Встреча с девушкой явно выбила его из колеи, и он то и дело поглядывает в сторону ее столика.

— Может, пойдём? — спрашиваю я. — Я чувствую, мне впечатлений на сегодня уже хватит.

— Да? Ну, ладно, — отвечает Бес, словно спросонья. — Пойдём тогда.

Он расплывается, и мы отправляемся домой.

Когда мы проталкиваемся к выходу — народу постепенно стало побольше — я встречаюсь глазами с рыжеволосой девушкой, сидящей за столиком с большой компанией. Она задорно улыбается мне, и ее улыбка едва не выводит меня из равновесия. Сидящий рядом с ней смуглый парень чуть постарше меня машет мне рукой.

— Эй, новый претендент? — спрашивает он.

— Допустим, — отвечаю я, настораживаясь. Наверное, в этот момент мне полагалось бы подготовиться защищаться, но как, собственно, я могу это сделать. Ну, в лоб ему засветить могу: благо, он сидит, а я на рукопашный бой ходил три года. Но что-то мне подсказывает, что мои умения здесь не очень помогут.

— Да ты не бойся, — весело отвечает он. — Меня Артур зовут. Рекламирывать себя не буду — в сети про меня считаешь. Приходи к нам — у нас печеньки есть.

Он подмигивает мне и отворачивается, обращаясь к кому-то из своих друзей. Рыжая девушка посылает мне еще одну задорную улыбку.

— Кто это был? — спрашиваю я Беса, когда мы возвращаемся в обычную версию бара и выходим на улицу.

— Один из твоих соперников на турнире, — отвечает Бес неохотно. — Я бы ему не доверял.

Я невольно вспоминаю всех претендентов, с которыми уже успел встретиться. Да, пожалуй, я тоже не доверял бы ему.

* * *

Полночи я не могу заснуть, поражаясь спокойствию Беса, мерно засопевшего на своем диване почти сразу после того, как мы закончили болтать. У меня это вообще бывает от непривычной обстановки, но сейчас к этому примешивается страх. Стоит мне закрыть глаза, как кажется, что именно в это самое время кто-то аккуратно и бесшумно отворяет окно, которое Бес, кстати, оставил приоткрытым и пробирается в квартиру. Черная тень застывает в проеме окна. И только лунный свет играет на серебряных волосах...

Я тут же открываю глаза и вглядываюсь в ночную темноту. Естественно, за окном никого нет. Да и кто там может быть: шестнадцатый этаж. Даже моя неприятная знакомая, при всех ее фантастических способностях летать, наверное, не умеет. Впрочем, кто ее знает...

Я остаюсь лежать с открытыми глазами: закрывать их мне теперь не хочется. В голову лезут разные мысли. Например, о том, зачем я ввязался во всю эту безумную, не лезущую ни в какие ворота историю. Может быть, лучше было бы в самом деле спокойно закончить школу, поступить в институт и в итоге умереть в пятьдесят лет от рака поджелудочной железы? Все лучше, чем в шестнадцать прыгнуть с балкона или быть разрубленным надвое стеклянным мечом. Или не лучше? Трудно сказать. Никогда не думал раньше о том, как бы я хотел умереть. Честно говоря, я бы предпочел жить вечно.

Я беру с тумбочки камень, уже дважды за два дня спасший меня от смерти, и рассматриваю его. Ничего особенного мне увидеть не удастся, тем более в темноте. Он не светится, не издает никаких звуков, а теплый он, наверное, лишь от того, что я постоянно верчу его в руках.

— Что же ты такое? — шепотом спрашиваю я. — Ты знаешь, что стоишь, как Лексус?

У меня вдруг закрадывается подозрение, что Антон, может быть, назвал мне даже заниженную цену.

В этот момент в моей голове появляется отчетливое видение: два человека в стеклянных доспехах стоят друг напротив друга. Они говорят на каком-то совершенно невозможном языке, состоящем больше из мыслей, чем из слов, но я отчего-то их понимаю. Один из них говорит другому, у которого на груди закреплен такой же камень, что хочет получить его. Он называет какую-то цену. Мне названная цена ничего не говорит, я даже не знаю такой валюты, но откуда-то знаю, что цена эта непомерно велика. Его собеседник отказывается. Тогда первый хватается за меч...

Впрочем, может быть, это был просто сон. Потому что дальше я ничего не помню. Уснул, скорее всего.

Глава 7

Дата: 21 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 32.

Напоминаем участникам и зрителям турнира о необходимости быть осторожными и не обсуждать ход турнира в открытых источниках: в Интернете, по телефону, а также в присутствии непосвященных здесьних.

Обменяться информацией и мнениями о турнире вы можете при помощи защищенных каналов, предоставляемых Фирмой, включая данное приложение.

Благодарим за понимание!

Дом перед нами самый обыкновенный: панельная шестнадцатиэтажка с детской площадкой во дворе. Массивная исцарапанная железная дверь охраняется старым кнопочным домофоном. Беса это нисколько не смущает: он набирает комбинацию, и дверь с противным писком открывается, пропуская нас в темный подъезд.

— Провел тут разведку еще тогда, — поясняет он, когда за нами закрываются двери старого, дребезжащего лифта. — Здесь четыре квартиры на десятом этаже, и все стоят пустые. Сначала съехали из соседней. Потом умерла бабка, что жила в квартире напротив. Потом из последней квартиры жильцы куда-то делись. Я смотрел ради интереса ее предлагают снять в Интернете. Очень задешево. Но все равно никто не берет.

— А почему не берут? Разве люди в Интернете могут почувствовать, что с квартирой что-то не так?

— Могут, — уверенно отвечает Бес. — А кто не может, тот обязательно почувствует, когда сам сюда явится.

При этих словах двери открываются, и мы выходим на лестничную площадку. В отличие от площадок выше и ниже, здесь не горит свет. Но и это не главное — здесь отчетливо чувствуется... нечто. Не знаю, как это описать, но чувство такое, будто кто-то шепчет тебе на ухо: «Беги!». Ледяными губами и совершенно нечеловеческим голосом. Я невольно сжимаю камень в кармане, отчего тот слегка теплеет.

— Чуешь, да? — тихонько спрашивает Бес. Голос его при этом дрожит. — Я думаю, никто из арендаторов в квартиру даже не заглянул.

— А мы-то, кстати, как зайдём? Она что, открытая стоит?

— Почти что, — Бес направляется к электрощитку и открывает железную дверцу с облупившейся зеленой краской. Возле электросчетчика висят два ключа на одном кольце. Они тихонько звякают, когда Бес снимает их с маленького крючка.

— Зачем их здесь оставили? — спрашиваю я. С каждым шагом к темно-коричневой двери с криво наклеенным номером меня все больше переполняет чувство невыносимой жути, словно накатывающее волнами из-за двери. Мне уже не хочется никакой победы в турнире, никакого другого мира, даже жить уже не очень хочется — лишь бы только оказаться отсюда где-нибудь подальше. Если бы Бес сказал сейчас: «Ну его нахрен, пойдём отсюда», я бы тут же бросился вниз по лестнице.

Вместо этого Бес открывает дверь и включает свет. Я внутренне сжимаюсь, ожидая чего угодно: пулеметной очереди, нападения кровожадных зомби, развезшейся прямо за дверью

черной дыры. Но там оказывается обычная узкая прихожая с раскрашенными под кирпич обоями. На вешалке висит несколько дешевых курток — одна на другой — и одна черная женская шуба. Под ними валяется в беспорядке десяток пар обуви. Запах в квартире затхлый — словно здесь годами не протирали пыль. Впрочем, так, вероятно и есть. На стене — календарь с изображением раскрывшего пасть китайского дракона. Календарь за 2000-й год.

— Давненько здесь никто не живет, — говорю я шепотом, осматривая убранство прихожей, и все еще не решаясь сделать шаг внутрь.

— А здесь теперь почти невозможно жить, — отвечает Бес, тоже понизив голос. — От квартиры осталась одна оболочка, вроде как шкура от змеи. Все это только видимость, а внутри — что-то совсем другое.

Мне трудно в это поверить. Несмотря на то, чему я стал свидетелем в последнее время, я все еще верю своим глазам. А глаза мои видят всего лишь обычную квартиру, пусть и давно заброшенную.

Я делаю шаг в прихожую. Ничего не происходит. Еще пара шагов. Я оборачиваюсь на Беса, который все еще стоит в дверях.

— Удачи, — говорит он. Я заглядываю за поворот коридора.

В этот момент свет в прихожей гаснет, и я оказываюсь в полной темноте.

— Эй, ты сдурел! Включи обратно! — я бросаюсь назад к Бесу, но его там нет. И выключателя нет тоже. Руками я могу нащупать только шершавые стены без обоев. Хотя только что обои в прихожей были. И вот тут мне становится по-настоящему страшно.

Я быстро лезу в карман, чтобы достать телефон, роняю его, опускаюсь на колени и матерюсь, пытаюсь найти его на полу в крошечной тьме. В любую секунду я ожидаю, что на меня обрушится удар или чьи-то зубы сомкнутся на моей глотке. Хочется бежать, не разбирая дороги, вот только непонятно — куда.

Наконец, телефон в моих руках, я включаю его, пальцы скользят по экрану — где же этот фонарик! Секунда и его луч прорезает густую тьму вокруг меня. Я тут же начинаю водить им вокруг себя, осматриваясь.

Никакой прихожей с отставшими обоями вокруг меня уже нет. Я в коридоре, но коридор этот образован стенами, сложенными из дикого камня, холодными и древними, как сама вечность. На полу лужа — вода капает туда с потолка. Черт возьми, что это такое?

Нет, разумеется, я знаю, что это такое. Это и есть тот самый схрон. Вещь, погребенная здесь, подсовывает мне кусок другого пространства и другого времени. Но зачем я во все это полез? Я же даже понятия не имею, ни где искать эту вещь, ни как вернуться обратно. Куда вообще идти? А идти куда-то надо: здесь довольно холодно, даже несмотря на то, что на мне теплая куртка.

Машинально, как и всегда, когда не знаю, как поступить, я нащупываю в кармане зеленый камень. Теперь, когда я знаю, что это не просто оброненная кем-то безделушка, мне особенно хочется хвататься за него, как за соломинку, в любой непонятной ситуации. И камень не подводит: я чувствую в нем пульсирующие волны, явно увлекающие меня по коридору вперед. Ради эксперимента я поворачиваюсь в обратную сторону. Теперь волны движутся в противоположном направлении — назад. Значит, я не ошибся. Камень явно хочет мне что-то подсказать. Но что за бред? Камень не может ничего «хотеть». Наверное, он просто улавливает какие-то вибрации. Но что их вызывает? Осколок иного мира, заключенный в кокон? Или выход из этого кокона? Или... Быть может, трехметровая многоножка из параллельной вселенной, притаившаяся где-нибудь здесь под потолком и

щелкающая челюстями, предвкушая добычу? Я машинально поднимаю луч фонарика к потолку. Никого там нет.

В любом случае, выбирать мне не из чего. Я начинаю медленно двигаться туда, куда указывает мне камень. Дорога идет немного в гору, и вскоре я уже чувствую движение воздуха. Выключаю фонарик и в самом деле, впереди виднеется выход. Нет, это не пресловутый «свет в конце тоннеля»: похоже, там, снаружи тоже темно. Но темная ночь на свежем воздухе, все-таки, светлее, чем абсолютная тьма каменного мешка. Я не включаю фонарик и иду к выходу уже целенаправленно. Пару раз я спотыкаюсь о валяющиеся на полу камни и один раз наступаю по щиколотку в лужу с противной почти ледяной водой, но в итоге добираюсь до низкой, почти в мой рост, арки, за которой начинается открытое пространство.

Тут и в самом деле ночь. Прохладный ветер шевелит траву у моих ног, и она сверкает в лунном свете: кажется, это горят на ней капли росы. Я поднимаю голову и так и остаюсь стоять, замороженный зрелищем: надо мной в небе сияют две луны. Одна чуть поменьше земной и зеленоватого оттенка, другая побольше и отливающая красным. На красной можно разглядеть два симметрично расположенных огромных кратера, похожих на усталые глаза, напряженно смотрящие прямо тебе в душу. Я вздрагиваю.

Господи, это что, все на самом деле? До сих пор, я как будто не до конца верил во все, что со мной происходило. Все это, если поднапрячься, можно было как-то объяснить. Девушка, едва не сбросившая меня с балкона, могла быть просто ловким гипнотизером. Парень, от которого я сбежал на Чистых Прудах, решил протестировать на мне какое-нибудь экспериментальное оружие спецслужб. А Бес, допустим, просто сумасшедший. Но две луны... Нет, или уж это я поехал кукушкой, а не Бес, причем поехал радикально, с абсолютно реалистичными глюками и бредом, или это все... реальное.

Я наклоняюсь и дотрагиваюсь до травинки: она действительно вся в росе, но совсем непохожа на траву, что обычно можно увидеть на газоне: какие-то овальные листья, растущие прямо из земли. Похожие на листья щавеля, только без черенков. Камень в моей вспотевшей ладони снова начинает вибрировать, указывая направление через поросший этими листьями луг к виднеющейся в нескольких сотнях метров опушке леса. Я осторожно ступаю на траву и оглядываюсь по сторонам.

За моей спиной оказывается обвалившееся здание, от которого остался только цоколь. Больше всего оно похоже на небольшую крепость, пережившую грандиозную осаду. Разрушения столь масштабны, словно кто-то лупил по нему гигантским молотом. Слева от меня виднеется башня, рухнувшая внутрь собственных стен, справа вдалеке другая, завалившаяся на бок. Стена между ними, за исключением основания и арки, из которой я вышел, превратилась едва ли не в щебень. Мне становится немного не по себе: хорошо хоть вся эта конструкция не рухнула на меня, пока я был внутри. Такое впечатление, что для этого достаточно было громко чихнуть.

В лес идти совершенно не хочется. Я один, кругом темная ночь, а из оружия у меня только таинственный камень, который неизвестно, поможет ли. Не лучший расклад для похода в лес, расположенный, к тому же, неизвестно где. В другом мире? В искривленном пространстве? Что здесь вообще может водиться?

В нерешительности я делаю еще несколько шагов по мягкой траве. С другой стороны, а куда еще идти? Обследовать крепость? Но не факт, что это безопаснее. Где вообще выход? Я чувствую, как у меня начинается легкая паника. Может быть, разумнее сесть где-нибудь на

открытом месте и дожждаться наступления дня? А вдруг он вообще не наступит?

С этой мыслью я добираюсь до опушки леса. Деревья здесь тоже растут невиданные. Когда я смотрел на них от крепостной стены, мне казалось, что лес березовый — потому что стволы белели в окружающем сумраке. Но сейчас я вижу, что на березы они похожи только издали: абсолютно ровные, с идеально гладкой корой и шелестящими где-то на большой высоте кронами.

Я опускаю глаза к своему путеводному камню.

Лес очень чистый: нет и поваленных деревьев, ни оврагов, лишь кое где виднеются редкие заросли кустарника с длинными острыми листьями. Такое ощущение, что кто-то ухаживает за ним. Вот только ни одной тропинки тоже не видно. И, разумеется, никаких признаков жилья. Даже птиц не слышно.

Войдя под полог этого странного леса, я тут же начинаю вертеть головой во все стороны. За каждым деревом мне чудится голодный зверь. Или лучник с натянутой тетивой. Или девушка с серебристыми волосами. Я стараюсь идти как можно тише, но все равно чувствую, что почти каждый мой шаг хорошо слышен — и возможно, слышен довольно далеко. Впрочем, уверенности в том, что во всем лесу есть еще хоть одна живая душа, у меня нет.

Идти приходится немного в гору: похоже, что передо мной поросший лесом пологий холм. Мне кажется странным, что неведомые строители разместили крепость не на его вершине, а у подножия, но гадать об их мотивах я не берусь. У меня есть более насущные вопросы.

Спустя минут десять ровные белые стволы передо мной расступаются, и я оказываюсь на краю небольшой круглой полянки, диаметром шагов в тридцать. Я внимательно осматриваю ее. Вроде бы, ничего особенного, но внезапно камень в моих пальцах, только что размеренно пульсировавший, начинает дрожать, словно телефон в режиме вибрации. Я замираю на секунду, и только тогда замечаю что-то. У противоположного края поляны спиной ко мне стоит человек. Точнее, человек ли это, до конца неясно. Его руки и ноги длинные и тонкие, и надето на них что-то черное и облегающее. Я бы и не увидел его, если бы не сигнал от камня, и если бы его не освещала зеленая луна: красная в это время как раз скрылась за облаком.

Человек стоит не шелохнувшись, зачем-то уставившись в ствол дерева. Что он там видит? Почему стоит спиной к поляне? Знает ли он, что я здесь? Стоит ли мне окликнуть его и попросить о помощи? Отчего-то мне кажется, что нет. По крайней мере, взбесившийся зуммер камня я могу понять только так. По коже начинают ползти мурашки, словно дрожь камня передалась мне. Одно дело бродить одному в ночном лесу, а другое знать, что ты в нем не один.

Моя нога медленно тянется назад, чтобы сделать шаг в спасительную тень деревьев. Еще пара шагов, и я смогу спрятаться за белый ствол. Потом нужно будет осторожно отойти поглубже в лес и обойти поляну стороной. То, что мне нужно, явно находится за ней.

Но стоит мне поставить ногу на склон, как она соскальзывает вниз по влажной траве. Секунду пробалансировав в воздухе с раскинутыми руками, я хватаюсь за ветку ближайшего куста и, держась за нее, проезжаю назад и падаю на колени. Звук падения выходит не таким уж громким, но вот шелест кустарника...

В ту же секунду человек на другой стороне поляны поворачивает голову. Сразу на сто восемьдесят градусов, словно сова. Собственно, с этого момента можно уже перестать

называть его человеком. Глаз у него один и светится неярким желтым светом. Но возможно это только кажется, потому что левой половины лица не видно совсем. Отсюда невозможно разглядеть, отчего так — это какой-то капюшон или что-то другое. Просто на меня смотрит существо, голову которого словно разрубили вдоль от затылка до шеи, оставив на плечах лишь одну половину.

Дальше думать уже нечего.

Я бросаюсь бежать, не разбирая дороги. Впрочем, ничего даже отдаленно похожего на дорогу тут и нет: только огромные деревья и мертвая тишина, нарушаемая только моими шагами. И шагами за моей спиной.

Со всех ног я несусь по пологому склону, думая только о том, чтобы не треснуться с разбегу об один из торчащих тут и там стволов. Существо, бегущее за мной, как будто не приближается, но и не отстает. Я слышу, как трава шуршит под его ногами. Оно не кричит, не сопит, не требует остановиться. Я не уверен даже, дышит ли оно. Не удивлюсь, если нет.

Я чувствую себя героем какой-то дурацкой игрушки для телефона, которому нужно постоянно огибать препятствия, появляющиеся из-за края экрана, а снизить скорость он не может. Деревья словно вырастают из-под земли, и я едва успеваю от них уворачиваться. Один раз я перепрыгиваю через сухое русло ручья, которое успел увидеть в самый последний момент: еще секунда и растянулся бы на его берегу. А это верная смерть я в этом не сомневаюсь.

Силы постепенно оставляют меня, а одышка берет свое. Бежать я все еще могу — тем более, дорога идет под гору, но следить за препятствиями становится все труднее. От камня, зажатого в моей руке, исходит истеричная дрожь. Впрочем, меня предупредить об опасности уже и не надо.

— Помоги! Сделай что-то! — хрипло выдыхаю я, обращаясь к камню. Я уже привык к тому, что он едва ли не всемогущ. Наверное, это опасная привычка. Надеяться нужно только на себя. Но сейчас мне плевать. Я отчаянно хочу, чтобы неведомая сила вновь пришла ко мне на помощь. Боже, как же глупо было лезть в эту квартиру, не зная, ни как из нее выйти, ни что меня здесь ждет!

Камень ничего не отвечает. Шаги за моей спиной только приближаются.

— Сделай что-то! Я не хочу умирать! — отчаянно хриплю я. В следующую секунду мир вокруг меня начинает вертеться кувыркком.

Нет, это не спасение. Я просто споткнулся об огромный узловатый корень дерева и полетел, треснувшись грудью и распластавшись на влажной от росы траве. Все, на что хватает моих сил, это перевернуться на спину и смотреть на приближающуюся ко мне черную фигуру.

Мой преследователь переходит на шаг. Теперь я могу рассмотреть его лицо, отчетливо понимая, что это последнее, что я увижу в жизни. Оно бледное, словно у вампира, и покрыто мелкими шрамами, словно собрано из кусков. Желтый глаз похож на камень с неровными, подсвеченный из глазницы. Вторая половина лица ничем не скрыта — ее просто нет. Лицо существа обращено ко мне, и я не могу рассмотреть его со стороны отсутствующей половины. Там что, видны внутренности его черепа? Почему-то мне это кажется смешным, хотя до смеха ли сейчас?

В качестве последнего отчаянного жеста я выставляю перед собой на вытянутой руке свой талисман. Существо никак на это не реагирует, подходя ко мне еще ближе и скаля половину рта в гротескной пародии на улыбку.

Вдруг оно испускает пронзительный визг и бросается в мою сторону. Тонкие пальцы его превращаются в мощные когти, готовые рвать. Ему остается преодолеть буквально десяток шагов. Скользя по влажной траве, я судорожно пытаюсь встать, хорошо понимая, что это уже ничего не решит.

И вот в тот момент, когда я уже чувствую исходящий от него гнилостный запах, существо вдруг дергается, падает к моим ногам и начинает биться в конвульсиях, постепенно истаивая, оставляя на траве лишь некое подобие черной одежды. Или кожи?

Сперва мне кажется, что меня вновь спас камень. Но секунду спустя я вижу, что среди валяющихся у моих ног черных тряпок что-то блестит в свете одной из лун. Это небольшая стрела, прозрачная, словно отлитая из стекла.

Не успев поднять голову в поисках того, кто ее выпустил, я слышу звонкий женский голос:

— Эй, ты! Стой на месте! Стреляю без предупреждения!

Глава 8

Дата: 21 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 32.

Фирма считает важным в очередной раз указать на безосновательность утверждений о том, что все участники турнира, кроме победителя, после открытия Врат погибают.

За все время проведения турниров этому не было получено ни одного убедительного доказательства, и более того: имеются косвенные подтверждения обратного.

Мы убедительно просим не участвовать в распространении панических слухов!

Я машинально поднимаю руки вверх, хотя здесь, посреди иномирового леса этот жест, наверное, выглядит нелепо. Возможно, здешние жители умеют атаковать и с поднятыми руками. Впрочем, какие жители? Разве здесь может кто-то жить?

Словно в ответ на мой вопрос из-за дерева появляется невысокая стройная фигура, покрытая с головы до ног синеватой полупрозрачной, словно стеклянной броней — очень похожей на ту, что я видел на парне, едва не убившем меня возле офиса. Даже лицо прикрыто чем-то вроде забрала — непонятно, как она через него видит и видит ли. Выглядит она странно — непонятно, как она вообще двигается в этой броне, в которой не видно стыков. Или это какой-то гибкий пластик? Но от чего тогда он может защитить? В руках у девушки — если это девушка — зажат лук из такого-же синеватого стекла с наложенной стрелой, что как бы намекает мне, что угроза стрелять была вовсе не пустой.

— Кто ты такой? Как здесь оказался? Почему без брони? — вопросы сыплются один за другим, а голос ее слегка дрожит. Чувствуется, что она ожидала встретить тут меня еще меньше, чем я ее.

— У меня нет брони, — отвечаю я.

— Здешний, что ли? — удивляется она. — Но как ты в схрон-то попал?

— Нет, не здешний, — пытаюсь я внести ясность. — Я тирн.

— Ты такой же тирн, как я Губка Боб, — ее рука заметно напрягается, слегка натягивая тетиву. Чувствуется, что шутить с ней не стоит.

— Я имел в виду, что я тирн... Как бы это сказать... Потенциально, — я не представляю, как с ней себя вести. Она что, из какого-то другого мира? Но почему тогда говорит по-русски? Да еще Губка Боб...

— Ясно все с тобой, — она машет рукой и делает какой-то жест, после которого ее забрало опускается и открывает лицо.

Это действительно девушка, причем ничего нечеловеческого в ее внешности нет — по крайней мере, на первый взгляд. На вид она моя ровесница, глаза у нее зеленые, а губы пухлые. На щеке виднеется темная родинка, а на лоб из-под голубоватого стекла выбивается темная челка. Обычная, в общем-то девчонка. Если бы только ее тело не было словно облитое стеклом.

— Ты из новеньких, что ли? Как узнал о турнире?

— Да мне Бес сказал, — говорю я, делая шаг ей навстречу.

— Стоять! — вскрикивает вдруг она, вскидывая лук. Теперь острие стрелы — оно тоже

будто стеклянное — смотрит мне прямо в грудь. Я невольно делаю шаг назад, а потом для верности еще пару.

— Да не бойся ты, у меня даже оружия нет, — отвечаю я.

— Врешь, — отрезает она. — Без оружия никто в схрон не лезет.

— У меня нет выбора, — я пытаюсь развести руками, но это не особенно получается, когда они подняты, так что выходит только какой-то нелепый жест, словно я хочу обнимашек. — Я сюда за оружием и пришел.

— Если ты не врешь, то ты очень рискованный парень.

— Я просто вообще толком не знаю, что здесь происходит, — пытаюсь объяснить я. — Позавчера я вообще ничего не знал ни про схроны, ни про тирнов.

— Мне тебя жаль, — произносит она. — Ты на самом деле просто труп.

— В каком смысле? — меня пробирает дрожь. Когда такое говорит человек, целящийся в тебя стрелой, как-то невольно веришь.

— В прямом, — ничто в ее голосе не выдает, что она шутит. — Ходишь, говоришь, но ты уже мертв. Новички почти всегда обречены. А ты еще и очень неосторожен.

— Давай ты просто опустишь лук? — спрашиваю я. — Неудобно так разговаривать.

— А вот я, как раз осторожна, — качает головой она. — Тем более, что ты врешь. У тебя что-то есть. В правой руке.

Я смотрю на свою ладонь, в которой зажат камень. Разжав ладонь, я показываю его девушке.

— Опасная штука, — говорит она. — В умелых руках, конечно.

— Она привела меня сюда, — говорю я.

— Привела? — удивленно переспрашивает девушка. — Ты умеешь с ней общаться?

— Нет, но... Она просто вибрирует и показывает мне куда идти. А что это вообще такое?

— Потом объясню. Она знает куда идти отсюда?

— Сюда, налево — я показываю рукой. Камень в самом деле перешел в прежний спокойный режим вибрации. С его точки зрения, опасность миновала. А по мне так не факт, что эта девушка намного менее опасна, чем мой давешний недолгий знакомый. Ой, не факт...

Девушка качает головой в ответ.

— Там ничего нет. Я была там уже. Сколько ни блуждаешь, все время приходишь обратно сюда.

— Сколько ты здесь уже? — спрашиваю я.

Девушка молчит несколько секунд. Похоже, размышляет, стоит ли мне говорить.

— Третий день, — отвечает она, наконец.

Я молча смотрю на нее. Да, похоже, не один я заблудился.

— Меня, кстати, Игорь зовут, — говорю я. Мне все еще хочется как-то наладить контакт. Хотя бы для того, чтобы она уже опустила, наконец, лук. А то у меня такое чувство, словно чешется грудь — как раз в том месте, куда готова вонзиться стрела.

— Я Тайра, — отвечает она. Но лук не опускает.

— А по-настоящему как?

— Это — по-настоящему. А до этого я была Юля.

— А, понял. Типа, истинное имя?

Она смотрит на меня, скептически приподняв бровь и ничего не отвечает.

— Я бы ни за что не поверила тебе, если бы ты так глупо не попался в зубы фомору, — вдруг произносит она.

— Кому?

— А вот этому, с одним глазом, — она кивает в сторону истаявшего тела.

— А кто они такие?

— А черт их знает, — пожимает она стеклянными плечами. — Их часто можно встретить схронах, трутся вокруг осколков, но к самим им подойти не могут. Зато если появляется рядом человек — атакуют незамедлительно. На куски порвут, если смогут.

— Они разумны?

Тайра бросает на меня такой взгляд, словно я спросил, почему трава зеленая.

— Слушай, тебе что вообще никто ничего не объяснил? — спрашивает она. — Ни в Фирме, ни этот... как ты его назвал... Бес? Кто это вообще?

Я вкратце рассказываю всю свою историю. С момента визита в мою школу капитана Коновалова и до встречи со странным существом на поляне полчаса назад.

— Хреново быть тобой, — резюмирует Тайра. — Ты понимаешь, что шансов у тебя вообще нет?

— Да понимаю... — отвечаю я негромко. — Что тут еще скажешь?

— А то, что я могла бы тебя пристрелить вместе с фомором, забрать с твоего трупа эту игрушку и спокойно пойти дальше, тоже понимаешь?

— И это понимаю, — снова киваю я. — А еще понимаю, что ты боишься: а вдруг эта штука у тебя в руках работать не будет. А без нее ты тут два дня бродила и ничего не нашла.

На этот раз во взгляде Тайры чувствуется заметно больше уважения.

— Хах, вот только не думай, что дело только в этом, — говорит она. — Я бы тебя не убила и так.

— А почему, собственно? Разве правила игры это не предполагают?

— Мне плевать на правила игры. Я не буду убивать того, кто на меня не нападал.

— Но ведь, если я нападу, может быть уже поздно...

— Хах, ну, попробуй! — она небрежным движением вскидывает лук. Даже стрелу не вкладывает, но я чувствую, что она вполне серьезно готова сейчас к атаке. И даже если я сокращу дистанцию и не дам ей выстрелить, меня это все равно не спасет. Впрочем, у меня и в мыслях нет на нее нападать. С чем, с голыми руками?

В голове сами собой всплывают слова Беса, сказанные им по дороге домой из «Хрустального дворца»: «Тебе придется убивать, рано или поздно». Вот, допустим, и наступило это «рано или поздно» и что теперь? Допустим, было бы у меня сейчас оружие. Предположим также, что Тайра проявила небрежность, отвернулась от меня, подставила спину. Смогу я вот так вот взять и всадить ей нож между лопаток? Набросить удавку на шею и затягивать до тех пор, пока она не перестанет дергать? Подсыпать яд в еду, а потом собрать все ценное с ее еще агонизирующего тела? Да блин, разумеется нет! Меня чуть не выворачивает при одной только мысли.

Но зачем же я тогда ввязался во все это? Если я не готов побеждать, значит, я гарантировано проиграл. Разве нет? Я уже труп, как она сказала. Так может быть, лучше сдаться кому-нибудь? Вот хоть бы и ей. Впрочем, она же тоже никого убивать не хочет. Значит, и она тоже труп. До чего же мерзкая получается игра! Либо ты убийца, либо смертник. Либо оставь надежду всяк сюда входящий.

Из мрачных раздумий меня выводит голос Тайры: «Слушай, а покажи еще раз этот твой

камень», — говорит она.

Я разжимаю руку и протягиваю ей твердую каплю на ладони. Она все еще пульсирует, но спокойно, не так, как при появлении фомора.

— Ты знаешь, что это? — спрашивает она, разглядывая камешек, поднеся его близко к глазам, как делают близорукие люди. Мне сразу приходит в голову, что в жизни она, наверное, носит очки. Только сюда их с собой не взяла.

— Это осколок, — отвечаю я. — Сгусток магии. Мне так сказали.

— Да, — отвечает она. — Но не простой. Это слеза. Первый раз такой вижу.

— Чья слеза?

— Говорят, это слеза того, кто создал наш мир. Точнее, миры. Все — и Тир-На-Ног тоже.

— То есть, Бога?

— Наверное, можно сказать и так. Когда он создал мир, то увидел все те бесчисленные страдания, которые уготованы существам, его населяющим. И заплакал. От жалости и бессилия.

— Разве он бессилен?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Это просто легенда. Так-то никто не знает, что такое эти слезы. Но говорят, с ними можно общаться, если правильно себя настроить.

— То есть, они разумны?

— Ну, может и нет. Вроде как голосовой помощник Яндексa. Он, вроде бы, и не разумен, но общаться с ним можно. Вот попробуй ей что-нибудь сказать. Мысленно. Положи палец в выемку и скажи что-то.

Я осторожно касаюсь выемки подушечкой большого пальца. Что же мне сказать?

— Ну, привет, — говорю я тихонько. Камень, как обычно, кажется немного теплым. Никакой реакции я не чувствую.

— Ты слышишь меня? — повторяю я. В ответ тишина. Тайра качает головой.

Камень продолжает вибрировать, словно давая понять, что у меня здесь есть более важные дела.

— Пойдем, — говорю я Тайре, направляясь дальше вверх по склону небольшого поросшего лесом холма. Теперь мне хочется идти как можно тише — я уже знаю, что в лесу мы точно не одни.

— Здесь много еще может быть таких тварей? — спрашиваю я.

— Кто их знает, — Тайра тоже держится настороженно. — Обычно они не бегают толпами, к счастью. Но одиночных тварей вокруг одного осколка может кружить хоть десяток.

— Ты из-за этого до сих пор не добралась до него?

— Отчасти, — уклончиво говорит она.

— А еще потому что не знаешь, куда идти?

Она красноречиво молчит некоторое время.

— Этот лес на самом деле совсем не такой большой, как кажется, — говорит она, прерывая молчание. Куда ни пойдешь — начнешь очень быстро бродить по кругу. В итоге выйдешь или к крепости, или к той поляне, где ты был.

— Это из-за искривления? — спрашиваю я.

Тайра кивает.

— Значит, осколок где-то совсем рядом? — я уточняю.

— Да, — отвечает она. — Но как понять, где?

— Камень вел меня на вершину холма, — говорю я. — Я дошел до поляны, где встретил эту тварь. Скорее всего, это где-то за поляной.

— За поляной ничего нет, — качает головой Тайра. — Я пробовала туда ходить. До вершины холма не дойдешь — не замечаешь, как начинаешь спускаться назад.

— Посмотрим. Возможно, у меня есть пропуск, — говорю я, следуя за вибрацией камня. Тайра скептически фыркает, но все же идет следом.

Мой путь лежит назад, к той поляне, на которой я встретил фомора. Идти приходится в гору, так что в какой-то момент становится тяжело. Тайра же, кажется, совершенно не испытывает усталости, несмотря на свои стеклянные доспехи. Впрочем, весят ли они хоть сколько-нибудь?

Добравшись до поляны, я на в случай озираюсь по сторонам, но на этот раз она пуста. Да и камень теперь не заходится бешеным пульсом, а продолжает посылать спокойные волны, лишь немного усилив вибрацию. Похоже, мы уже близко.

За поляной начинается густой кустарник, через который приходится продираться. Хорошо Тайре с ее стеклянными доспехами, мои же руки теперь все в царапинах от колючек размером со швейную иглу.

— Обычно, забравшись в эти кусты, я оказывалась снова на поляне, — слышится где-то справа от меня голос Тайры.

На секунду я задумываюсь о том, что буду делать, если так окажется и в этот раз. Как выбираться?

Ответ на этот вопрос я не успеваю придумать. Кусты расступаются раньше, и мы оказываемся на голом склоне холма. Еще метрах в ста выше, на самой макушке среди травы виднеется нечто, похожее на белый куб.

— Ого, а здесь я не была, — удивленно произносит Тайра. — Похоже, эта твоя штука правда работает.

Ободренный этим комментарием, я бегом одолеваю оставшиеся метры и подхожу к кубическому изваянию. Вблизи оно кажется похожим на мраморный пьедестал, оплетенный растительным орнаментом, с которого сняли и унесли статую.

Вместо статуи на пьедестале лежат два голубых кристалла, похожих на неровные осколки льда. Каждый из них размером с зажигалку. Они выглядят так, будто были раньше одним большим куском, разломившимся позже примерно по центру.

— Неплохо, — говорит Тайра, цокнув языком. — Смахивает на мечи. У меня как раз меч так себе. Может, этот лучше будет. Ну, что, поделим их по-братски?

С этими словами он берет один из камней с пьедестала. В ту же секунду раздается громкий звук, похожий на чавканье грязи под ногой или звук воды, утекающей в слив раковины.

— Так и должно быть? — спрашиваю я Тайру тихонько.

— Да, — говорит она. — Так всегда бывает, когда осколок кто-то присвоит. Сам мир вокруг начинает пропадать. Коллапсирует. Нам здесь больше делать нечего.

Краем глаза я замечаю какое-то движение на границе леса. И с ужасом понимаю, что черные тени, движущиеся там — это несколько новых черных существ, подобных убитому Тайрой.

— Смотри! — указываю я ей туда, откуда уже приближается несколько противников.

Тайра молниеносно вскидывает лук и достает стрелу.

— Хватай осколок и валим отсюда! — говорит она, спуская тетиву. Может быть, мне показалось, но стрела явно летела чуть левее цели. Однако уже в полете она вдруг дернулась и отклонилась немного вправо, поразив фомора прямо в грудь, отчего он опрокинулся на спину, молотя по земле руками, и через секунду истаял.

Я осторожно беру с пьедестала голубоватый кристалл. На ощупь он холодный, а поверхность очень неровная, словно на грубом сломе.

В ту же секунду, как он покидает пьедестал, раздается тот же противный звук, но уже намного громче. После этого прямо посреди пустого пространства, отделяющего нас от леса, появляется нечто... я бы назвал это трещиной. Только вот такое ощущение, что треснул сам воздух. Трещина начинает постепенно расширяться. Тем не менее, я все еще не понимаю, куда же бежать. Прямо туда? Или я сейчас провалюсь в какой-нибудь разлом между мирами, в котором меня сами тирны не найдут?

Тайра тем временем поражает еще одного противника. Но из леса выбегают все новые — их уже десятка полтора, и они с нечеловеческой скоростью несутся к нам. Еще один выстрел — и вновь удачно, но я понимаю, что всех перестрелять она не успеет.

Тем временем, трещина становится шире, и я вижу сквозь нее кирпичные обои и календарь с драконом. Это же та самая квартира! Значит, туда нам и надо. Но трещина пока толщиной всего лишь с мою руку — пролезть в нее невозможно. А фоморы все ближе — их хищные желтые глаза сверкают уже шагах в двадцати от нас. Они сбились в плотную толпу, оцетинившуюся бахромой длинных рук с искривленным когтями.

— Активируй кристалл и давай в рукопашную! — кричит мне Тайра.

— Я не умею! — отвечаю я растерянно.

Она чертыхается сквозь зубы и выпускает еще одну стрелу. Я понимаю, что еще раз она выстрелить не успеет — когтистая лапа рассекает воздух уже метрах в трех от нее.

Тайра делает взмах рукой, и из ее ладони вырастает голубой клинок, прямо как у парня, едва меня не убившего. Хищный замах, и рука ближайшей твари отлетает в сторону, вместе с половинной головой. Но это ничего не решает — место убитой твари тут же занимают две новые, столь же разъяренные. Тайра делает два шага назад, размахивая клинком перед ними и не давая подойти.

Тем временем, трещина делается шире. Увидев, что она достаточно широка, Тайра разбегается и прыгает в нее. Я даже не успеваю спросить, достаточно ли это безопасно. Мне остается только последовать ее примеру, тем более, что ближайший из фоморов уже всего в паре метров от меня. В течение примерно секунды я ощущаю нечто, похожее на полет в невесомости среди стремительно пролетающих мимо ярких вспышек, словно несусь по тоннелю метро. А потом осознаю себя стоящим рядом с Тайрой прямо в прихожей загадочной квартиры.

Бес встречает нас удивленным выражением лица и даже отшатывается к стене, но похоже, он шокирован не столько нашим возникновением из воздуха, сколько тем, что нас двое.

— Привет! — улыбается ему Тайра. — Ты Бес, да? Больше никогда не отправляй людей в схрон, не проинструктировав нормально. Так нельзя, чуть не угробил человека!

С этими словами она хлопает Беса по плечу и удаляется в дверь. Тот молча провожает ее удивленным взглядом.

Дата: 22 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 29.

Напоминаем зрителям и участникам турнира, что со всеми участниками, имеющими негатив, можно связаться при помощи нашего приложения.

В то же время, просим не злоупотреблять этой возможностью: у участника может не быть возможности поддерживать с вами общение.

Глубокая ночь. Холодный ветер гоняет последние опавшие листья по аллее парка. На дорожке, вымощенной плиткой, стоят друг напротив друга двое парней лет двадцати. Один, низкорослый, светловолосый и бледный, одет в черную куртку. Он ежится от холода, накинув на лицо капюшон. Его визави — смуглый, с черными волосами, одет в серое пальто и держит руки в карманах. Выглядит он заметно увереннее.

— Ты просил меня прийти, я здесь, — говорит второй с едва заметным акцентом.

— Я просил прийти без оружия, — говорит парень в капюшоне.

— Я безоружен. Можешь просканировать.

Блондин достает мобильник и зачем-то направляет на своего визави камеру. После этого удовлетворенно кивает и откидывает капюшон. На его щеке виден безобразный шрам от правого глаза до нижней челюсти.

— Убедился? — спрашивает его визави. Тот кивает. — Ну, так о чем же ты хотел поговорить?

— А о чем мне с тобой говорить? — ухмыляется обладатель шрама. — О том, что ты идиот, разве что.

Не давая противнику опомниться, он тут же наносит ему удар ребром ладони в шею. Причем, еще не успев добраться до тела врага, рука его обрастает блестящим зеленоватым покровом, похожим на бутылочное стекло, и превращается в острое лезвие с рваной кромкой. Точь-в-точь — край разбитой бутылки.

Но и противник его не лыком шит. Удар светловолосого рассекает воздух там, где секунду назад была шея парня в пальто. Тот же, успев присесть, наносит противнику удар кулаком в живот.

Блондин утробно ухает и начинает рубить пространство перед собой руками, нанося удары один за другим. Это похоже на работу какой-то машины: например, лесопилки или уничтожителя бумаги. Кажется, что черноволосый парень уже должен быть изрублен на куски, но он — вот же диво! — благополучно уворачивается от всех ударов. Противник же его все больше входит в раж, рыча от ярости и не видя ничего вокруг себя.

Но вдруг картина резко меняется. Рубанув в очередной раз воздух, парень со шрамом не заносит руку для нового удара, а резко вытягивет вперед ногу, почти теряя равновесие, но в то же время ставя подножку сопернику. Тот, уже начавший двигаться как раз в том направлении, запинаясь об нее и падает на дорожку, разбивая ладони о шершавую плитку и испачкав в луже стильное пальто. Победитель вскидывает руку вверх для завершающего удара.

В этот момент раздается короткий свист, и светловолосый на секунду застывает на

месте, дернувшись, словно марионетка, хозяин которой чихнул. В свете луны на его лбу что-то сверкает, как будто он надел на лоб подвеску с драгоценным камнем. Если приглядеться, можно понять, что это наконечник стеклянной стрелы. А оперение ее торчит у парня из затылка. Мгновение, и тело светловолосого оседает на тротуарную плитку, оставляя кровавую дорожку на пальто его противника. Тот поднимается на ноги и стряхивает испачканные ладони.

Из-за толстого старого тополя на другом конце аллеи появляется стройная гибкая фигура в полупрозрачных доспехах, отливающих золотом. В руках она сжимает длинный стеклянный лук. Шлема на ней нет, так что можно увидеть, что это рыжеволосая девушка с вздернутым веснушчатым носом. Парень молча показывает ей поднятый вверх большой палец.

— Извини, Скарфейс, — произносит он, глядя на неестественно скорчившееся у его ног тело. — Был бы я истинным рыцарем, пришел бы один. Но рыцари долго не живут.

* * *

Бес осторожно взвешивает на ладони синий кристалл. Мы сидим на ковре в его комнате — я только что рассказал ему обо всем, что произошло в схроне.

— Серьезная штука, — произносит он. — Нужно срочно отнести ее в офис фирмы — пусть идентифицируют.

— А сами не справимся? — спрашиваю я, принимая осколок из его рук обратно. На ощупь он немного шершавый, будто и вправду откололся от чего-то большего. — Как вообще они обычно активируются?

— Не знаю, — пожимает плечами Бес. — Я-то сам так ни разу и не попользовался. Женя говорила, что для полноценного слияния с осколком нужно его об этом попросить, но возможно это шутка такая.

— Надо было спросить Тайру, — говорю я про себя.

— Так она тебе и рассказала. Ей чем меньше соперников — тем лучше. Не забывай — среди претендентов у тебя друзей нет.

— Мне кажется, она не совсем обычный претендент, — произношу я, правда без всякой уверенности.

— А много ты видел обычных? — усмехается Бес.

— Ну, если те, что пытались меня убить — обычные, то значит она — необычная. Она ведь могла меня пристрелить там — ничего бы это ей не стоило. Никто бы даже не узнал, что это она. А даже если бы узнал — так ведь можно, когда объявлен турнир. Никто ее за это не накажет, наоборот — она на шаг ближе станет к победе. Однако же она меня не убила.

— Знаешь, она и правда странная немного, — говорит, подумав, Бес. — Я слышал про нее кое-что. Тусовка-то маленькая.

— Да? Что слышал? — по моему позвоночнику пробегает легкий холодок предчувствия тайны.

— Отец ее был вассалом какого-то знатного тирна, а в нашем мире — известным хирургом. Ты, может быть, даже слышал — Антон Кравченко.

Я киваю. В самом деле, краем уха я слышал про такого. Кажется, где-то в Интернете

видел рекламу его медицинского центра — одно время она попадалась довольно часто.

— А потом он исчез, — продолжает Бес.

— В смысле? Погиб?

— Никто не знает, — пожимает Бес плечами. — Возможно.

— И что потом?

— Я не знаю. Говорят, она пытается его найти или хотя бы что-то узнать. Обращалась в Фирму, но там ничем не помогли.

— А причем здесь турнир?

— Ну, если она его выиграет, ее возможности неимоверно возрастут. Так ее даже из нашего мира никто не выпустит — это дорогое удовольствие. А если она станет тирнской леди, то сможет сама организовывать поисковые экспедиции, да и знания получит такие, которые нам и не снились.

Я задумчиво верчу в руках кристалл.

— Так, может, и пусть выиграет? — спрашиваю я. — Вот у человека есть благородная цель. А я что?

— Не раскисай, — огрызается Бес. — Цель тут у всех одна — выжить и взобраться на вершину.

— И, кстати, зря ты забрал только один из парных осколков. Возможно, они вообще не будут работать один без другого.

— Что значит, «зря»? — я даже удивился. — А что мне было делать? Мы вместе нашли кристаллы — хорошо, что она согласилась поделить их по-честному, а не забрала оба.

— Это турнир, — пожимает плечами Бес. — Рано или поздно...

— Да, да, я уже слышал... — меня начинает это уже раздражать. — Но лучше уж поздно, чем рано!

Я взвешиваю кристалл на ладони. Он довольно тяжелый. Не ледышка, а полновесный камень. Пробую нажимать то на одну, то на другую грань. Никакого эффекта. Мартышка и очки.

— Ладно, это, наверное, можно отложить немного, — говорю я. — В конце концов, даже если я смогу вызвать оружие, я пока еще не знаю, как им пользоваться.

— А там ничего знать и не надо, — отвечает Бес неохотно.

— В каком смысле?

— В смысле, оно все сделает за тебя. Они очень умные, эти кристаллы. И чем выше уровень, тем умнее. Говорят, пятый уровень понимает, что хочет сделать хозяин, раньше, чем тот сам это поймет. И сразу же делает.

— А это какой уровень? — я снова взвешиваю кристалл на ладони.

— Почем я знаю? — пожимает плечами Бес. — Вряд ли выше третьего. Судя по тому, как легко он тебе достался. Говорю же, это надо в Фирме выяснять.

— Может, оно и к лучшему, что не выше третьего, — отвечаю я, убирая кристалл в карман. — Не хочется мне иметь оружие, которое умнее меня. Вдруг оно будет исполнять мои желания слишком быстро? Захочется, мне умереть, например...

Бес усмехается и плюхается на диван, положив ноги на колченогую табуретку.

— Ладно, с этим мы разберемся. А на твоём месте я бы пока почитал сеть и набрался ума-разума. Потом такой возможности не будет. Чем дальше в лес, тем больше претендентов будут обращать взгляд в твою сторону. Дома не отсидишься.

— Ты имеешь в виду, что меня будут пытаться убить? — спрашиваю я.

— Нет, блин, они тебя пончиками будут пытаться накормить, — ухмыляется Бес. — До сих пор не понял, что ли, в какую сказку ты попал? Так я тебе расскажу: в страшную. Но интересную. Вот и почитай хотя бы зачин к ней. Чтоб знать, куда на перепутье поворачивать.

* * *

Ночью мне снова не спится. Едва закрыв глаза, я вижу перед собой ужасное лицо, словно разрубленное на две половины, с одним горящим глазом. Как всегда, когда мне хочется успокоиться, я начинаю вертеть в руках камень, взяв его с тумбочки, и вдруг вспоминаю, что говорила о нем Тайра. Неужели с ним правда можно общаться?

Я сжимаю камень ладонями и пытаюсь мысленно сказать ему что-то. У меня не выходит ничего более оригинального, чем: «Ответь мне что-нибудь». Но никакого ответа я не получаю. Тикают простенькие стрелочные часы на стене. Сопит на диване Бес. За окном шелестят по асфальту покрышки. Тишина.

И вдруг... Нет, это совсем непохоже на голос в голове, которого я ждал... Скорее это похоже на воспоминание, но только не мое собственное, а чужое. Как будто я вдруг вспомнил свою прошлую жизнь. Перед моими глазами возникает гигантская картина. Люди в стеклянных доспехах, таких же, как у Тайры. Или не люди? Лица очень трудно разобрать — они словно подернуты туманом. Во всяком случае, у них по две руки и две ноги.

Их много, никак не меньше пары сотен, и стоят они на покрытой лесом вершине холма. Вниз по склону открытое пространство, за которым огромная толпа... нет, вот это уже точно не люди. Этих я узнал. Один из них едва не убил меня в лесу, освещенном двумя лунами. Меня передергивает при одном лишь воспоминании. Нечеловеческие лица, и у каждого из них можно разглядеть лишь половину — у кого правую, у кого левую. Зато тело все на месте, облаченное в черный костюм, смахивающий на водолазный.

Толпа черных существ никак не походит на боевой порядок — они рассыпаны по открытому пространству, как попало. Но в то же время никто из них не бросается бежать прочь от воинов на холме, но и к ним не устремляется. Они явно ждут. Но чего? Сигнала к атаке?

Воины в хрустальных доспехах тоже напряжены. Часть из них опустили мечи, застыв в каких-то диковинных боевых стойках. У многих мечи растут прямо из рук, словно продолжение доспехов. Я уже видел такие — похожим лезвием махал парень, едва не зарубивший меня, и таким же рубила фоморов Тайра.

Одного из бойцов слеза показывает мне ближе. От других его отличает зеленоватая точка на золотистом нагруднике. Я понимаю: это такая же слеза. Возможно, даже она показывает мне именно себя, какой была много лет назад. Сколько? Я не знаю. Непонятно даже, в нашем ли мире происходит дело. И если нет, то применимы ли к этому миру наши понятия о течении времени?

Пока я размышляю над этим философским вопросом, два отряда приходят в движение. Фоморы у подошвы холма собираются в кулак и бросаются вверх по склону. Воины же на вершине рассыпаются полумесяцем, выставляя перед собой частокол из лезвий. У некоторых их них лезвия удлиняются, превращаясь в подобие пик. Несколько напряженных секунд, и

их захлестывает черная волна.

Враги — вовсе не безмозглая масса, прущая напролом. Никакого оружия у них не видно, но они весьма изворотливы, и стараются проскользнуть мимо пик и мечей. Решительные и жаждущие крови, они бесстрашно набрасываются на оцетинившийся пиками строй.

Дальнейшее происходит словно в тумане, распадаясь на отдельные фрагменты.

Клинки. Вихрь пламени, извергаемого магом в первых рядах. Когти. Прорыв. Отступление. Отчаянная оборона последних выживших, окруженных морем напирających врагов. Зубы, яростно рвущие добычу. Черные когти, пытающиеся выковырять мутный зеленый камень из доспехов поверженного воина, но тут же отдернувшиеся, словно от ожога. Голубоватая трава, прорастающая сквозь треснувший нагрудник, и скрывающая под собой наполовину вырванный из него камень.

Дата: 25 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 24.

Служба безопасности Фирмы сообщает о возросшей активности агентов Ордена и призывает участников и зрителей турнира проявлять максимальную осторожность!

Следующие пару дней я, по совету Беса, стараюсь не выходить из дома, а заниматься изучением мира, который теперь меня окружает. Как ни парадоксально, делать это, сидя в четырех стенах, весьма удобно. Негатор подключен к сети, в которой материалов об истории и современном состоянии мира нездешних хоть обчитайся.

Меня, конечно, больше интересует вопрос о том, как пользоваться осколками, но вот как раз на эту тему все те статьи, которые мне удалось найти, высказываются как-то сжато. Все говорят, что нужно «включиться в осколок» или «вливать в него энергию», после чего переходят к частным вопросам взаимодействия с ним. Такое ощущение, что нездешним просто не нужно объяснять это также, как обычного человека не нужно учить дышать. А быть недоумком, не способным сделать вдох, мучительно.

Зато за это время я много интересного узнал о том, что делали тирны в прошлые времена. Масштабы, конечно, поражают. Бес был прав: каждая вторая легенда про богов и героев, сокрушающих царства, разрушающих города и создающих сады в пустынях — это преломившаяся в народном пересказе история о реальных деяниях тирнских лордов и их потомков. Причем эти деяния прекрасно задокументированы, а от некоторых даже сохранилось видео. Для нездешних это не сказки, а исторические факты.

Параллельно я почитываю ресурс под названием «Турнирный вестник», соответствующее приложение мне любезно установили еще в Фирме, и время от времени оно бомбит меня пуш-сообщениями о том, что кто-то из участников погиб или вышел из игры, и что по этому поводу думает кто-то из видных экспертов. Там же можно почитать и комменты от обычных любопытствующих.

Меня хвалят за то, что я дважды спасся и раздобыл осколок. За последние дни несколько человек даже поставили на меня деньги — правда, небольшие. И по коэффициентам я, все равно, пока что на последнем месте, но почти половина участников за это время выбыла, так что мое последнее место становится все более высоким.

Нетрудно заметить, что те, кто выбывает не по причине смерти, группируются вокруг двоих претендентов. С одним из них я уже знаком, и даже лучше, чем хотелось бы. Это Сирена. У нее трое сильных вассалов. По слухам, еще четверо пытались ей сдать, но она посчитала их слабаками и просто убила. Неплохая экономия осколков в будущем — вассалам ведь приходится потом платить. Кстати, соцсети обычного мира в эти дни бьют тревогу по поводу новой эпидемии самоубийств подростков в Москве. Кажется, я знаю ее причину.

Человек, занимающий в рейтинге прогнозов второе место, мне тоже немного знаком. Это Артур, парень, которого я видел в «Хрустальном дворце». Некоторые, правда, посмеиваются над ним, считая, что он уж слишком увлекся антуражем легенд о Короле Артуре: укрытие свое называет Камелотом, а большая часть его вассалов называет себя

именами рыцарей Круглого стола. Выражения, вроде «поехавшие ролевики» в их адрес можно прочесть нередко. Это, впрочем, не отменяет того, что две попытки напасть на этого парня закончились фиаско для нападавших, а по количеству вассалов он обгоняет любого претендента с большим отрывом.

В сети можно даже прочесть своеобразный манифест, выложенный им на своей страничке. Там много букв, но общий смысл такой: давайте жить дружно. Богатства тирнского лорда огромны, и их хватит на всех претендентов, и еще останется. Я обещаю, что буду содержать всех вассалов не хуже, чем известные сейчас лорды содержат своих. Сколько бы их ни было. Нам не за что сражаться: никто из вас или почти никто не хочет убивать только ради удовольствия или ради лишнего осколка.

Звучит разумно и гуманно, вот только он старательно обходит стороной вопрос о том, почему же он тогда не сдастся кому-нибудь, а непременно сам хочет стать тирном. Мне слышится в этом манифесте какое-то легкое лукавство.

Кое-что удастся узнать про сам турнир. Правда, только теории: те, кто прошел через него, хранят молчание, да и на Земле их нечасто встретишь. Бытует мнение, что тирнский портал переносит их в какой-то схрон, где первый добравшийся до осколка становится победителем, а прочие исчезают навсегда. Другие считают, что проигравшие в турнире не погибают, а попадают в Тир-На-Ног не то в рабство, не то на какую-то малопочетную работу. Так или иначе, никто их никогда не видел.

Замечено, что чаще всего победителями в турнире становятся те, кто накопил много осколков. Этим и обусловлено то, что многие претенденты стремятся либо убить побольше соперников, либо набрать вассалов, чьими осколками смогут пользоваться, либо пограбить схроны.

Это единственные способы добыть осколок для себя. Купить, выменять или получить в подарок его не получится — о причинах этого пишут как-то невнятно, но похоже на то, что он обретает некую ментальную связь с хозяином. Правда, Фирма умеет эту связь подавлять, и скупает осколки у тех, кто готов продать. Но обычно их не перепродает, а отправляет в Тир-На-Ног. Что она получает взамен — точно неизвестно.

Помимо изучения окружающего мира, я пытаюсь общаться со слезой (так я теперь по примеру Тайры называю свой талисман), и у меня получается все лучше. Иногда до меня даже долетают не образы, а отчетливо произнесенные слова. Складывается впечатление, что вообще слеза умеет разговаривать словами, но обычно не хочет, или ей проще говорить объемными картинками.

Я расспрашиваю ее о событиях прошлого, о которых вычитал в сети, и оказывается, что некоторые она даже видела своими глазами. Если считать, что у нее есть глаза. В сети я вычитал, что подобные ей артефакты некогда ценились, как отличные советники. И сейчас ценятся не меньше. Возможно, Антон и в самом деле пытался купить у меня слезу по дешевке. Что называется, на лоха.

Мне уютно в том коконе из чтива, который окутал меня в эти дни. Он напоминает мне то, как я проводил свои дни в прежние времена — особенно на каникулах, когда свободного времени — океан. Я бы с удовольствием провел так и неделю, и две. Но внешний мир, разумеется, такой роскоши мне не предоставляет.

На третий день, утром, едва Бес отправляется по своим делам в Фирму, а я располагаюсь с чашкой чая на кухне, решая, чем сегодня заняться, в кармане у меня начинает пикировать мобильник. На экране неизвестный номер. То есть, не совсем неизвестный: где-то я его уже видел, но в памяти телефона он не записан. Я беру трубку.

— Привет, Игорь, — доносится из динамика мужской голос. — Это капитан Коновалов. Помнишь такого?

Надо же, за всем этим калейдоскопом событий я как-то уже позабыл о капитане-психологе, с которым мы познакомились несколько дней назад.

— Здравсьте, — отвечаю я.

— Нам поговорить нужно. Ты сейчас где? Я буду в твоём районе через полчаса, могу подскочить к тебе.

— А о чём поговорить-то?

— Не телефонный разговор, — отрубает он.

Полчаса спустя мы с Коноваловым, одетым в дешёвую синюю куртку и какую-то дурацкую шапку, словно снятую с советского лыжника, встречаемся возле резных ворот входа в парк. Помахав мне рукой, капитан делает жест, приглашая идти вместе с ним по почти пустынной в будний день аллее.

— Значит, вот какие дела, — говорит он, вздохнув. — Все-таки, влез ты в это.

— У меня не было выбора, — отвечаю я. — Меня бы убили.

— Выбор всегда есть, — загадочно произносит он.

— Теперь точно нет, — говорю я. — Либо я выиграю этот чертов турнир, либо меня убьют.

— За энтузиазм хвалю, — усмехается капитан. — Но варианты, все равно, возможны разные. Жизнь сложная штука.

— Вы что-то конкретное имеете в виду? — уточняю я.

— Да уж куда конкретнее. Скажу тебе откровенно: у нас сейчас нет ни единого своего человечка среди московских нездешних, так что если бы ты вдруг... в общем, мы могли бы тебе здорово помочь. В том числе, выиграть турнир, или хотя бы завершить его живым и с выигрышем.

— «Мы», это кто? — уточняю я. — Министерство внутренних дел?

— Нет, — лицо капитана вдруг наливается каменной серьёзностью. — Нет, никакое не министерство. Я, собственно, по другому ведомству, на самом деле.

— А, понимаю. ФСБ.

— И опять мимо. Ладно, хватит в угадайку играть все равно не угадаешь. Корочки можно носить любые, но сейчас в разговоре с тобой я представляю некую международную организацию. Можешь называть её Орденом.

У меня глаза лезут на лоб. Вопрос, не из тамплиеров ли капитан Коновалов, я как-то проглатываю: сейчас заметно, что он не шутит. Но вся его внешность с этой военной стрижкой и стеганной курткой настолько не сочетается с таинственным словом «Орден», что мне едва удается удержаться от смеха. Я вспоминаю, как еще при первой встрече увидел у него татуировку на запястье. Черная птица, раскинувшая крылья. Вот оно, значит, что.

— И... что же от меня нужно вашему Орденому?

— Пока ничего. А может быть ничего и не понадобится. Пока мы просто хотим, чтобы среди них был кто-то, к кому мы можем обратиться в случае осложнений.

— Я правильно понимаю, что вы занимаетесь борьбой с нездешними?

— Не совсем. По крайней мере, их уничтожением мы не занимаемся, если ты об этом. Как ты успел заметить, они и сами с этим неплохо справляются. А мы следим за тем, чтобы они не нанесли непоправимого ущерба нашему миру. Ну, и по возможности, спасаем тех, кого еще можно спасти. Доступно?

— Допустим. А чем вы мне можете помочь?

— У тебя там очень серьезные соперники. Шансы твои, прямо скажем, так себе. Но мы можем подкинуть тебе пару наводок на места, где можно раздобыть экипировку высшего класса. Никто в нездешней среде о них пока не знает, а мы знаем — вот так вот.

— А время на размышления у меня есть?

— Неограниченное, — разводит руками капитан. — Точнее, ограниченное только тем, чтобы тебя не убили за это время. Доступно?

— Более чем, — киваю я.

— Молодец, — кивает в ответ Коновалов. — Схватываешь на лету.

— Разрешите идти, товарищ капитан? — вдруг спрашиваю я с иронией.

— Вольно, — отвечает он и усмехается в ответ. — Можешь называть меня капитаном-командором. Если совсем уж точно. Иди, телефон ты мой знаешь. Кстати, если будут интересные предложения, я сам на тебя выйду.

Я киваю ему в ответ. Почему-то мне становится неуютно. Словно я кого-то предал. Только непонятно, кого.

* * *

Через час после разговора с капитаном-командором мы встречаемся с Бесом на детской площадке неподалеку от его дома. Бес болтает ногой, сидя на деревянной скамейке. Он в хорошем настроении — оно у него все время приподнятое после моего благополучного возвращения из схрона. Он не признается, но я чувствую: он не слишком-то верил, что я вернусь.

— Где был? — спрашивает Бес. — Я вот пожрать купил. Плюс заказ от Фирмы отнес, а заодно показал твой кристалл их идентификатору.

— Ого, классно. И что он говорит?

— Как я и думал. Это очень крутая вещь, потенциально четвертый уровень или даже четыре-плюс.

— Что значит, потенциально? — спрашиваю я.

— А то и значит, — вздыхает Бес. — Он сказал, эти, клинки — ничто по отдельности, каждый из них лишь жалкая тень, если у тебя нет в руках другого. Но на трешку, может быть, потянет и один.

Он передает кристалл мне, и я сжимаю его в ладони.

— А как активировать его он не сказал?

— Да я спросил, — начинает мяться Бес. — А он посмотрел на меня, как на идиота, и говорит: так же, как любой другой. Направляешь энергию в кристалл, и он раскрывается.

— Какую энергию? — спрашиваю я.

— Да откуда ж я знаю? — Бес отводит глаза. — Неудачный тебе попался помощник в этой игре.

— Какой есть, — примирительно говорю я, положив ладонь ему на плечо. — Без тебя меня вообще уже не было бы. А с этой хренью мы разберемся. Раз другие ей пользуются, то и я смогу.

— Ну, а ты-то куда ходил?

— Да я... Понимаешь, когда все это началось, на меня вышел один человек. Мне кажется, он может быть мне полезен, чтобы выиграть турнир.

— Серьезно? Что за человек? — спрашивает Бес настороженно. Мне кажется, его уколола ревность.

— В общем, он из Ордена. Тебе это что-нибудь говорит?

Глаза Беса лезут на лоб.

— Ты в своем уме?! Во что он тебя уже успел втянуть?

— Да, в общем-то, ни во что, — испуганно отвечаю я. — Просто он говорит, что может мне помочь...

— На твоём месте я не стал бы принимать от него помощь! — резко заявляет Бес, усевшись на парапет.

— Почему?

— Ты что, правда не понимаешь? Они же против нас. Мы для них — враги. Их главная, конечная цель — чтобы нас вообще не было. Если бы они могли убить нас всех, законопатить все проходы в Тир-На-Ног и навсегда забыть о других мирах, они бы с удовольствием это сделали.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — я усаживаюсь рядом с Бесом, крутя в руках телефон и глядя на то, как ветер гоняет по намокшему асфальту последние опавшие листья. — Если бы они хотели всех нас убить, то что им, собственно, мешает? Тем более, что мы им сами здорово облегчаем им эту задачу.

— А они пытались! Когда-то давно — пытались всерьез. — Бес распаляется все сильнее. Его глаза вспыхивают каким-то черным огнем таким я его еще не видел. — Ты думаешь, охота на ведьм, Инквизиция, вот это вот все было просто так? Просто убивали ни в чем неповинных людей, не имеющих никакого отношения к магии? Нет! Это они нас убивали! Жгли тысячами! Говорят, к XVII веку нас почти не осталось!

Он вскакивает со скамейки и начинает ходить передо мной из стороны в сторону.

— Так что же их остановило?

— Хороший вопрос! Спроси об этом этого мужика из Ордена — интересно послушать, что он скажет.

— А ты что скажешь?

— А я скажу, что никто не знает. Но в какой-то момент охота на ведьм сошла на нет, — Бес заговорщицки понизил голос, наклонившись ко мне. — На этот счет есть легенда, что однажды к воротам штаб-квартире Ордена которая находилась в ту пору на Мальте подошли несколько человек и потребовали аудиенции у Магистра. Когда им отказались открывать ворота, пришельцы просто прошли сквозь них и убили всю стражу во дворе в считанные секунды. А потом дошли до кабинета магистра, оставив за собой дорогу, усеянную трупами. Вошли к нему, и один из них сказал трясущемуся от страха, забившемуся в угол человеку: «Либо вы прекратите убивать наших детей, либо от вашего Ордена не останется ни единого

человека. Мы уничтожим всех. Помни об этом». После этого они растаяли в воздухе, и охота на нездешних прекратилась.

— Это все правда? — спрашиваю я.

Бес пожимает плечами.

— Никто не знает.

* * *

— А тебе не кажется, что это как-то слишком цинично, делать ставки на то, кто погибнет, а кто нет? — спрашиваю я его, когда мы уже сидим на кухне и пьем принесенное Бесом пиво.

— А тебе не кажется, что мир вообще довольно циничен? — отвечает Бес, отхлебывая из банки. Крыть тут особо нечем. — И потом, это не совсем ставки на смерть. Любой из вас ведь может и выйти из игры. Чисто теоретически кто-то может победить, вообще никого не убивая. Вот этот Артур, например, что-то такое и задумал, кажется.

— А ты его знаешь?

— Нет. Так, слышал имя краем уха раньше. Артур и Артур. Ничем особенным он раньше знаменит не был. А теперь вот какая-то моча ему в голову ударила, похоже, вместе с горшком: вообразил себя настоящим Королем Артуром и собирает вокруг себя рыцарей Круглого Стола. Прикинь? Их уже человек восемь, вроде, ему сдалось. Самая большая группировка сейчас.

— В каком-то смысле это разумно, — начинаю я.

— Что именно? — спрашивает Бес настороженно.

— Если уж сдаваться, то кому-то, вокруг кого уже много людей.

— Наоборот, — отвечает Бес. Ему явно не нравится, что мои мысли текут в эту сторону. — Если сдаваться, то кому-то, у кого вассалов нет. Тогда ты будешь единственным. А если станешь одним из десяти, то перспектив никаких. Поручений не дождешься, наград тоже. Свалит твой сюзерен в Тир-На-Ног, и поминай, как звали. Будешь вроде меня, голь перекатная.

— Ладно, — говорю я успокоительным тоном. — Пока я, все равно, сдаваться никому не собираюсь. Посмотрим, что дальше будет.

Глава 11

Дата: 26 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 22.

Фирма настоятельно рекомендует воздержаться от обращения за настройкой осколков к самодеятельным кустарным артефактерам.

Помните — только опыт и обширные познания сотрудников Фирмы — гарантия правильного раскрытия осколком своих свойств.

Рано утром я просыпаюсь от странного и необычного звука — это какой-то мелодичный звон, словно кто-то позвонил прямо возле моего уха в серебряный колокольчик. За окном еще темно. До меня не сразу доходит, что это пришло сообщение на мой новый телефон. Обычно я хожу с телефоном в беззвучном режиме, но на негаторе я как-то не подумал выключить звук и вообще копаться в его настройках. Я все еще не могу относиться к нему, как к обычному телефону. Кроме того, и подумать не мог, что кто-то захочет со мной по нему связаться. Никто ведь не знает номера!

Открыв телефон, я вижу, что сообщение пришло в том самом сети «Вестнике турнира» — есть там и такая функция. Автором же является некая Джинджер. С фотографии в профиле на меня смотрит худая веснушчатая девушка с короткими рыжими волосами и пирсингом в носу — смутно знакомая. Не сразу я понимаю, что это та самая девчонка, которую я видел в «Хрустальном дворце». Сообщение следующее:

— Здравствуй, я хотела поговорить с тобой от имени Артура. Присоединяйся к нам — один ты не выживешь. Реальные шансы на победу есть либо у нас, либо у Сирены. Но к ней ты вряд ли пойдешь, значит тебе дорога только к нам.

Я расталкиваю Беса, невозмутимо храпящего на диване. Бес спросонья вскидывается на кровати в своих синих боксерах и испуганно таращит на меня заспанные глаза. Я показываю ему сообщение.

— Не ходи ни в коем случае, — решительно заявляет он, когда до него доходит смысл написанного. — Ловушка.

— Но про Артура пишут, что он еще никого не обманывал. И убил до сих пор только двух претендентов, которые сами на него напали.

Я не знаю, кого мне хочется больше убедить: Беса или себя. Мне бы очень хотелось кому-то еще доверять в мире, помимо него. А еще лучше — вообще свалить на кого-то ответственность за происходящее. Этот Артур — лучший кандидат. Я не могу один, почти без оружия сражаться с вооруженными до зубов противниками. Если честно, я бы предпочел вообще ни с кем не сражаться и никого не убивать. Все это только в кино выглядит круто. Но раз уж выбора у меня нет, хотелось бы делать это не в одиночку.

— Я знаю, — отвечает на мое замечание Бес. — Но возможно, это может быть только пиар-ход. Слишком много вассалов ему ни к чему — разоришься потом их кормить. В какой-то момент, пользуясь своей репутацией, он начнет убивать оставшихся претендентов. Такое уже было — я читал.

И тут я понимаю, почему Бесу так не хочется, чтобы я стал вассалом Артура. Ведь кем он сам станет тогда?

— Слушай, Андрюх, если ты думаешь, что я тебя брошу и...

Он раздраженно машет рукой.

— Да не в этом же дело! Я правда боюсь, что ты пропадешь ни за грош, придурок!

Но звучит это, признаться, не очень убедительно.

— То есть, по-твоему, не ходить? — переспрашиваю я.

Бес откидывается на кровати.

— Решай сам, не маленький, — говорит он таким голосом, словно смертельно устал водить меня за ручку по суровому и опасному миру.

— Она предлагает встретиться в «Хрустальном дворце», — говорю я, кивая в сторону лежащего на столе телефона. — Не будет же она меня убивать прямо там?

— Прямо там — не будет, — соглашается Бес.

— Ну, и отлично. Я просто послушаю, что она мне скажет. А дальше — посмотрим.

— Ну, твое дело. Только знаешь, что... — добавляет неуверенно Бес. — Дай-ка сюда свой негатор. Я тебе туда установлю одну приложеньку полезную.

Запустив магазин, он некоторое время ищет то, что нужно, а потом ставит на закачку.

— Вот смотри, — говорит он, когда процесс завершается. — Это «Эфир». Когда ты включаешь трансляцию этой кнопкой она начинает стримить все, что происходит рядом с тобой. Нажми ее, желательнее незаметно, во время встречи.

— В смысле? Оно просто снимает потоковое видео с камеры и отправляет куда-то? Или только звук?

— Нет, не видео и не звук. И не из камеры. Оно создает объемный образ комнаты, как будто камера летает где-то снаружи телефона. И фиксирует то, что считает важным.

— А что именно она считает важным?

— Не волнуйся: если тебя начнут убивать, она посчитает это достаточно важным. Кроме того, она обязательно запишет все, что ты говорил, и все, что сказали тебе. Это может быть важно. На случай, если тебе что-то пообещают, а потом не исполняют. Впрочем, давай я тебе покажу.

Он включает кнопку записи. На экране ничего не происходит, и несколько секунд спустя Бес выключает ее.

— А теперь — смотри, — говорит он и нажимает на воспроизведение.

На экране появляется видео, как будто снятое дроном, зависшим прямо у меня за плечом. При этом он словно все время движется, облетая нас с Бесом по дуге. Я даже невольно оглядываю комнату в поисках невидимого квадрокоптера.

— Нихрена себе, — говорю я, глядя на экран. — Она действительно, как будто в воздухе висела все это время.

— Ну, а я тебе что говорю? — Бес откидывается на спинку дивана, заложив руки за голову. — Только осторожно деньги на счету эта штука жрет очень быстро. Так что включай только если почувствуешь неладное. Понял?

Я киваю. Черт, похоже, в этом мире все жрет деньги еще быстрее, чем в том, к которому я привык. Вот стоило же становиться волшебником и участвовать в смертельной игре, ради того, чтобы с твоего счета постоянно списывали деньги! Тариф «Потусторонний», черт бы его побрал!

В бар «Хрустальный дворец» я являюсь минут на пятнадцать раньше назначенного времени. Чувствуя себя придурком, я хлопаю в ладоши перед лицом отрешенного бармена и оказываюсь в общем зале самого труднодоступного заведения в Москве. Народу здесь сейчас почти нет — неудивительно, на дворе полдень. Для бизнес-ланча рановато, для вечернего отдыха — тем более. За столиком у окна потягивает кофе одинокий мужчина лет пятидесяти, в углу довольно громко общается компания моих ровесников. Среди них я узнаю одного из претендентов, фотку которого видел в «Вестнике», и внутренне напрягаюсь. Но он кидает на меня равнодушный взгляд и продолжает слушать длинноволосого парня, сидящего напротив. Похоже, устраивать бой прямо здесь он не будет. Но поглядывать в его сторону, все же, стоит.

С Бесом мы с утра позавтракали, так что заказывать какую-то еду меня не тянет. Да и перед встречей с представительницей «Короля Артура» я слегка волнуюсь. Можно было бы дернуть пивка, но, наверное, на нее это произведет не лучшее впечатление. В общем, в итоге я заказываю только чашку кофе, чтобы не слишком обременять карточку Беса, и барабана пальцами по крупной фарфоровой чашке, дожидаясь девушку.

Она появляется с десятиминутным опозданием и немного виновато улыбается мне, сразу заметив за столиком. На ней мокрая от дождя зеленая куртка и обтягивающие джинсы. Фигура у этой Джинджер что надо, чего уж тут скрывать. Ладно, куда это я смотрю? Сейчас нужно думать о деле.

— Привет! — бросает она, плюхаясь на протертое красное кресло напротив меня. — Как тебе нездешняя кафешка? Обживаешься?

— Да я здесь уже бывал однажды, — отвечаю я. — Тебя как раз здесь видел. Если честно, крышу немного сносит от всего этого.

Она смеется, откинув голову назад.

— Да, у всех сносит поначалу. Трудно поверить, что существуют другие миры, но еще труднее осознать, что к ним можно прикоснуться прямо возле метро в спальном районе.

Я улыбаюсь ей в ответ. Как-то сразу она мне нравится. Есть в ней что-то такое — милое и располагающее к себе. Сразу невольно думаю, что мне уже хочется присоединиться к Артуру только для того, чтобы побольше общаться с ней...

— Ну, так что ты думаешь по поводу предложения Артура? — спрашивает она, тоже заказав себе кофе с орехом Коа.

— Я пока еще не совсем понял, в чем оно заключается, — развожу я руками.

— Да все просто, — она обезоруживающе улыбается. — Ты признаешь первородство Артура и становишься его вассалом. Вместе с ним мы побеждаем Сирену, ну и остальных претендентов, если те не захотят к нам присоединиться. Сделать это будет не так уж трудно — нас уже девять человек, с тобой будет десять. Цель у нас, чтобы было тринадцать.

— Почему тринадцать? — удивленно спрашиваю я. — Несчастливое же число.

— Ну, у короля Артура же было двенадцать рыцарей за круглым столом, — усмехается Джинджер. — Хотя это неважно, конечно. Нас может быть и больше, и меньше. В конце концов, если понадобится, поставим стол побольше.

— Хорошо, допустим Артур всех победит. Что дальше?

— Дальше все, как всегда. Он получит приглашение принять свое наследство в Тир-На-

Ног. Но настоящий тирнский лорд никогда не забывает тех, кто помог ему взойти по лестнице из тумана. Все мы будем получать часть осколков, добываемых в его хрустальном ручье. А с их помощью сможем сообща вскрывать схроны здесь. Вместе это делать намного проще, чем одному.

— Хрустальный ручей? — переспрашиваю я.

— Все говорят, что тирнским лордам приносит осколки хрустальный ручей. Возможно, это... Как это называют... метафора. Я точно не знаю.

— Звучит заманчиво... — говорю я, оценивая предложение. В общем-то, оно не несет в себе никаких подводных камней. На первый взгляд. Все честно.

— А где находится ваш Камелот? — спрашиваю я.

— Ты же понимаешь, что если узнаешь это, обратной дороги не будет? — отвечает она, и в голосе появляется крупинка стали. — Мы не можем сообщать это кому попало. Первое же твое враждебное действие там, и мы будем вынуждены...

— Я понимаю. Так ты отведешь меня туда?

Джинджер на пару секунд погружается в раздумья.

— Ладно, — соглашается она. — Будем считать, что тебе разрешен ознакомительный визит.

Она говорит это так серьезно, что у меня сразу рождается вопрос.

— А чем ты занимаешься в команде?

— Я? — Джинджер на секунду кажется немного растерянной, однако вскоре прежняя улыбка расцветает у нее на лице. — Да я вот вроде переговорщицы. Плюс еще готовлю на всех в замке. Сам увидишь, какой я делаю лимонный пирог с приправами из Коа — только попробуешь, за уши не оттащишь. Ну что, пойдём?

Я взвешиваю в голове все «за» и «против». Может это быть ловушкой? Наверное, да. Но в этом мрачном мире так хочется хоть кому-то верить! Прочему бы не этой рыжей девчонке — уж она выглядит куда более нормальной, чем вечно нервный Бес, угрюмая Тайра и тем более седоволосая убийца. Так почему бы и нет? Хотя бы взгляну на этот их Камелот, а потом приму решение.

— Хорошо, я согласен, — отвечаю я. — Здесь далеко?

— Да нет, на метро две остановки. Пойдем.

Она встает из-за стола. Я оставляю на столике деньги из выделенных мне Бесом, как он выразился, на представительские расходы. Черт возьми, если я выживу, нужно устроиться работать. Вон, Антон из Фирмы говорил, что у меня есть способности. Пойду туда, не вечно же побираться. Интересно, можно будет совмещать работу там с универом? Да и нужен ли теперь универ?

На метро мы с Джинджер в самом деле проезжаем всего пару остановок, и, болтая проходим метров триста, остановившись возле бетонного дома позднесоветских времен. Если честно, я ожидал чего-то более вычурного. Камелот, все-таки. Или что, все самое интересное в Москве таится исключительно в панельных многоэтажках?

Пока мы поднимаемся на третий этаж, я немного отстаю от Джинджер и достаю из кармана негатор. Не знаю точно, что именно заставляет меня это сделать: возможно, обстановка подъезда напомнила мне визит в схрон с Бесом, а от этого мыслительная ниточка протянулась к сегодняшнему его предупреждению. Но я быстро включаю программу записи и убираю телефон обратно в карман.

Джинджер тем временем открывает передо мной обычную дверь квартиры и делает

приглашающий жест рукой.

— Проходи, — говорит она. — Наши сейчас подойдут.

Я захожу внутрь и осматриваюсь. Квартира кажется мне какой-то отчетливо нежилой. Похоже, Артур и его команда бывают здесь только от случая к случаю. Возможно, это разумно. Тем более, что разместиться такой ораве тут негде: в квартире всего две комнаты и кухня. В одной комнате двуспальная кровать, в другой — раскладной диван. Стеллажи для книг — пустые, шкаф для одежды — тоже.

В комнате с диваном я останавливаюсь у окна и разглядываю детскую площадку внизу. Что-то мне во всем этом не нравится. Но что?

— Стой и не двигайся! — произносит Джинджер. Я даже ее голос не сразу узнаю настолько он изменился. На секунду мне кажется, что там у меня за спиной стоит Стрена. Рефлекторно я пытаюсь повернуться, чтобы убедиться, что это не так.

— Еще одно движение, и я стреляю! Быстро положи осколки на пол!

— Ты чего... — пытаюсь начать разговор я. Меня вдруг охватывает ужас. Надо же было так глупо попасться.

— Ничего! Я сказала, на пол! Живо!

Я медленно, чтобы не спровоцировать ее, достаю из кармана слезу. Беззвучно посылаю ей панический вопрос: «Что мне делать?».

И в ответ приходит образ: осколок, растекающийся по руке и превращающийся в оружие. Отлично, но как это сделать? И как это спасет меня от стрелы, направленной в затылок?

И эти вопросы тоже не остаются без ответа. Вот только ответ не слишком понятный. Образ, возникший в моем сознании, показывает какой-то поток, идущий от моей головы к ладони, на которой лежит кристалл. Словно моя рука и шея стали водопроводными трубами, а по ним от мозга течет в сторону ладони... что? Кровь? Но кровь ведь должна течь от сердца? Наверное, слеза имеет в виду что-то другое. Какую-то энергию?

— Ну, чего застыл?! Быстро камень на пол! — окрик выводит меня из состояния размышления. Все-таки, перемена, произошедшая с Джинджер, поразительна. Еще десять минут назад я и представить себе не мог, что она вообще может так разговаривать. Готовит она еду? Ну, да, как же!

Я осторожно, боясь повредить, опускаю слезу на паркет.

— Теперь другой. Быстро!

Я лезу в карман за вторым кристаллом. В моем распоряжении лишь несколько секунд для того, чтобы понять, как же именно мне его активировать. Поток от головы к ладони. Что это?

Я закрываю глаза. Мысленно представляю себе, что моя рука в само деле превратилась в трубу. И как по ней течет вода. От головы к плечу, и оттуда к пальцам. И тут я едва не роняю кристалл от неожиданности! Я в самом деле чувствую этот поток. Он заставляет мою руку вздрогнуть, и с силой устремляется к моей ладони. Мгновение, и он достигает ее, вливаясь в холодный камень.

Открыв глаза, я вижу, что занавеска, которую только что колыхал ветер, застыла. Точнее, если приглядеться, то видно, что она движется, но только очень медленно, словно в слоу-мо. А камень тем временем начинает таять, растекаясь по моей ладони мерцающей ртутной лужей. Мгновение спустя блестящая жидкость уже течет по всей моей руке, превращая ее в огромное лезвие, удивительно легкое и, как мне кажется, прочное.

Джинджер что-то понимает, но поздно. Я слышу щелчок спускаемой тетивы за спиной, но это уже не имеет значения. Один взмах рукой, совмещенный с поворотом, и летящая чрезвычайно медленно хрустальная стрела превращается в водопад мелких осколков.

В следующую секунду я вижу лицо Джинджер. На нем застыл ужас. Она облачена в доспехи из золотистого стекла: наверное, надела их пока я был повернут спиной. Теперь я понимаю, что это можно было сделать мгновенно. В руках у нее лук, тетива которого все еще колышется. Рука тянется за новой стрелой, но очень медленно.

Я едва успеваю подумать о том, что нужно сделать, как лезвие тут же устремляется вперед, словно акула на запах крови. Девушка пытается защититься, выставив вперед лук, но лезвие разрубает его на две части и с громким хрустом вонзается в стеклянный доспех, выбив из него несколько блестящих осколков. Тот трескается от плеча до живота, но выдерживает удар. Рыжую отбрасывает в прихожую и ударяет о стену. Она кривится и хватается за грудь.

Не давая ей опомниться, я заново беру руку для нового удара.

В руках у Джинджер вместо лука возникает зеленоватое лезвие, похожее на мое, только искривленное, словно турецкий ятаган. Буквально за секунду оно вырастает из кисти ее руки обхватывая пальцы. К тому моменту, как мой удар готов обрушиться на нее, она блокирует его своим клинком, и от удара в разные стороны летят хрустальные искры.

Я отскакиваю в сторону и выжидающе смотрю на нее. У меня есть надежда, что хотя бы теперь мы сможем перейти к конструктивным переговорам.

Джинджер смотрит на меня с удивлением и злобой. Взмахнув клинком, она разбегается, чтобы на нести новый удар. Рука с клинком сама за меня начинает двигаться в нужном направлении. Я еще сам не осознаю, чего от меня требует синий кристалл, как двигаясь следом за рукой, наклоняю корпус, подныривая под клинок Джинджер. Он рассекает пустоту над моей головой, а я тем временем наносю удар в то же место, куда пришелся предыдущий.

Треск разбитых доспехов сливается с воплем Джинджер. Клинок рассекает их вместе с ребрами, застревая в теле, так что у меня едва удастся его вырвать. Алая кровь пульсирующими толчками заливает пол комнаты и мой клинок. Я успеваю только отскочить в сторону, чтобы не быть ей залитому с головы до ног.

Тело Джинджер лежит у моих ног, и вокруг него расплзается алая лужа. Желтое стекло сползает с ее тела, открывая зияющую рану с рваными краями, и собирается в большой золотистый кристалл, через который проходит ветвящаяся трещина. Меня трясет. Я едва сдерживая тошноту. Я что, в самом деле убил ее? Как это вообще произошло?

Я смотрю на свою руку, покрытую голубым стеклом. Вес этого стекла совершенно не ощущается, словно его нет вовсе. И при этом твердость такая, что я смог пробить ее доспех. Пробую поводить рукой из стороны в сторону. Рука вполне мне подчиняется, но в то же время есть в ее движении что-то неестественное. Оно более плавное, чем должно быть. И в то же время рука, словно быстрее, чем обычно, реагирует на мои мысли. Поразительно!

Я пробую представить, как энергия из руки возвращается обратно в мою голову. Секунда, и я в самом деле чувствую холодную волну, которая начинает течь вверх по моему предплечью. Одновременно с этим лезвие постепенно съезживается, превращаясь в голубой кристалл в моей руке. Стараясь не смотреть на тело Джинджер, я поднимаю с пола другой кристалл, желтый. Теперь это мое, видимо? Нужно будет попробовать надеть. Интересно, ничего, что у нас с ней разная фигура?

Но сначала нужно уходить отсюда. Этот ее Артур может появиться в любой момент, а мне с ним лучше не встречаться. Перешагнув через тело, я направляюсь к входной двери. И возле нее меня накрывает вопрос: через сколько еще трупов мне придется в ближайшее время перешагнуть?

Глава 12

Дата: 27 октября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 20.

Фирма настоятельно призывает участников турнира проявлять спокойствие и не устраивать расправ.

Все свои разногласия вы сможете решить непосредственно после открытия Врат!

Утром мы с Бесом завтракаем на кухне, для чего пришлось сгрести гору невымытой посуды со стола, разместив ее возле забитой мойки, а также отыскать в той горе наименее грязную сковородку и пожарить на ней яичницу из последних нашедшихся в холодильнике яиц.

— Я же говорил тебе! — Бес уже раз, наверное, в двадцатый возвращается к этой теме. — Этим людям тебя убить, что косяк выкурить! Поехавшие наглухо ролевики, заигравшиеся в рыцарей Круглого стола! Они реально там конченные! И верить во всей этой комедии нельзя никому!

— Впрочем, мне можно, — усмехается он. — Но это только потому, что мне нет никакой выгоды от твоей смерти.

— Да я уже понял, — мне и впрямь стыдно за проявленную беспечность. Как можно было забыть, в какую игру и с какими ставками я влез?

После завтрака Бес уходит в магазин, перед уходом погрозив мне пальцем и строго-настрого запретив открывать дверь чужим дядям. Я остаюсь наедине со своими мыслями. Запись моего боя с Джинджер мы с Бесом еще вчера разместили на моей страничке в «Вестнике» — чтобы никто не подумал, что я убил ее просто так. Запись мгновенно стала бомбой, обросла кучей лайков и комментов, в основном, нелестных для вероломных рыцарей. Идея союза со странными ребятами из этого Камелота не выгорела, а значит нужно пробиваться самому. Но как?

Я снова включаю телефон и рассматриваю список претендентов. Он немного поредел с прошлого раза. Портрет симпатичной русоволосой девушки с чуть вздернутым носом, чем-то похожей на Таню Бойкову, теперь перечеркнут двумя красными чертами. Земля тебе пухом, Рита. Некий Арнольд, белобрысый коротышка помладше меня, перешел в команду Сирены. Зря ты это, парень. Итого, сейчас остается два десятка не вышедших из игры претендентов. Я, как и раньше, котируюсь ниже всех. Что ж, стабильность — признак мастерства.

Дойдя до портрета Тайры — она одна из немногих изображена на фото в профиле без доспехов, в одной только черной футболке и джинсах — я останавливаюсь. Ее фото, слава Богу, не перечеркнуто. С ней, вроде бы, все хорошо. Может быть, связаться с ней как-то? Просто зайти на ее страничку и написать. Но что? Что я могу ей предложить?

Из раздумий на эту тему меня выводит долгий звонок в дверь, от которого я буквально подпрыгиваю на диване. Может быть, это Бес? Нет, я отчетливо помню, что он закрывал дверь своими ключами, а значит забыть их не мог. Да и рановато он вернулся. О том, что он кого-то ждет, он также не говорил. Тогда кто?

Звонок повторяется — еще более настойчиво. Сжав в ладони кристалл, отчего он постепенно начинает терять свой облик и превращаться в мерцающий синий клинок, я

встаю с дивана и делаю несколько шагов к двери. Вряд ли меня пришли убивать. Тогда не стали бы звонить дверь. А если и так, ждать мне в любом случае нечего: Бес меня не спасет, полиция — тем более. В любом случае, нужно хотя бы понять, с кем я имею дело. В конце концов, если я осторожно подойду к двери и выгляну в глазок, звонящий может даже не догадаться, что я рядом, и что в квартире вообще кто-то есть.

Я уже приближаю лицо к глазку — а звонок в это время уже звонит в третий раз и еще пронзительнее — как вдруг меня поражает догадка, от которой по телу пробегает леденящая дрожь: а вдруг я сейчас загляну в глазок и встречу взглядом с Ней. После чего тут же превращусь в послушную марионетку и сам открою ей дверь...

Я в ужасе отшатываюсь от двери, споткнувшись о валяющуюся прямо посреди прихожей пару роликовых коньков, хватаюсь за тумбочку, и остаюсь стоять на ногах лишь ценой падения с тумбочки ключей, планшета и горы разнообразного хлама. Да уж, теперь о скрытности можно забыть: если человек за дверью не глухой, он уже в курсе, что я в прихожей.

Как бы в подтверждение этой мысли из-за двери раздается голос:

— Игорь, открой, пожалуйста. Мне нужно с тобой поговорить. Ну, или не открывай — поговорим через дверь.

Голос мужской, с небольшим акцентом. Той девушке он точно принадлежать не может. Но кто же это тогда? Тон при этом самый спокойный. Словно парень за дверью — санитар, пришедший успокоить буйного пациента.

Убедившись, что это не Сирена, я все-таки собираю волю в кулак и выглядываю в глазок. Я сразу узнаю стоящего перед дверью парня и вновь отскакиваю от двери, выставив перед собой синее лезвие. Из-за двери на меня смотрит то же смуглое лицо с горбатым носом, которое я уже видел в "Хрустальном дворце". Это Артур. Его Величество собственной персоной.

— Я без оружия, Игорь, — говорит он все тем размеренным тоном, от которого мне, напротив, становится не по себе.

— Мне плевать, — отвечаю я. — Убирайся. Второй раз меня на эту удочку не поймашь.

— Это была никакая не удочка, — говорит он. На этот раз в голосе чувствуется неуверенность. — Я действительно собирался с тобой побеседовать, но не прямо сейчас. Я не просил об этом Джинни — это была ее инициатива. И все дальнейшее — тоже.

— И почему я должен тебе поверить?

— Потому что теперь, после всего случившегося, я прихожу к тебе без оружия. Можешь просканировать, кстати — в стандартном негаторе есть такая функция, и через дверь она работает. Это большой риск для меня. В принципе, ты прямо сейчас можешь убить меня через дверь. Не знаю, разобрался ли ты со всеми функциями твоей находки, но в принципе, такая возможность у тебя есть.

— Ну, и зачем же ты тогда пришел?

— Во-первых, извиниться за случившееся. Я, повторюсь, не приказывал этого, но Джинни была моим вассалом. И я несу ответственность за то, что она делала. Во-вторых, я пришел пригласить тебя в Камелот.

— Самому-то не смешно?

— Нет, не смешно. Если честно, самому мне страшно. Во-первых, потому что я действительно без оружия. Во-вторых, потому что до сих пор был уверен во всех своих

вассалах, как в самом себе. Но Джинни сорвало крышу. Я не знаю точно, какая муха ее укусила, но могу предположить. Она решила, что ты слишком легкая добыча. Парень, который не умеет пользоваться осколками. И при этом носит в кармане слезу и крутой меч. Слишком просто. Как отнять конфетку у ребенка. Убить его, принести осколки и сказать, что он первым напал. Соблазн был слишком велик.

— Она действительно занималась у тебя в Камелоте готовкой? — спрашиваю я.

— Готовкой? — удивленно перешивает Артур. — Да Джинни вряд ли знала, как плита включается. Она прирожденная авантюристка. Была.

— Так зачем я-то теперь тебе нужен? — спрашиваю я. — Ну, помимо того, чтобы меня убить и забрать осколки с моего трупа?

— Затем, что мне перестали доверять. Мои же вассалы. Вчера у меня был очень напряженный разговор с ними за Круглым столом...

— У вас там что, реально есть Круглый стол? — удивляюсь я. Мне делается немножко смешно.

— Ну, есть, и что? — нервно отвечает Артур. — Не в этом дело. Одним словом, некоторые из них сильно засомневались в моей порядочности. А порядочность — это все, что у меня есть. Один решил, что я отправил Джинджер на верную смерть, другая — что я хотел убить тебя. Остальные колеблются. Я прямо кожей чувствую их недоверие. Для меня сейчас единственный шанс доказать им, что я ни при чем — это привести в Камелот тебя. Если ты мне поверишь, и если они увидят, что с тобой все в порядке, я смогу и дальше... э...

— Удерживать власть, так?

— А даже если и так? Никаких дурных целей я не преследую. Я был бы нормальным лордом, уважающим своих вассалов и никому не делающим зла, не то что это седая психопатка!

При одном упоминании седой психопатки меня передергивает.

— Хорошо, допустим, все так, как ты говоришь. Тебе невыгодно меня убивать, а выгодно, чтобы я предстал перед твоими вассалами живым и здоровым. Но мне-то что с того?

— Как это, что? Ты тоже можешь присоединиться к нам.

Я даже не знаю, что мне делать: негодовать или смеяться. Так и застываю с раскрытым ртом.

— Чувак, а тебе не кажется, что это даже не смешно? — спрашиваю я наконец. — Ну, правда. Твоя подруга собиралась меня убить. У меня все еще нет ни единого доказательства того, что она это сделала без твоего ведома.

— Доказательство то, что я здесь и без оружия. Если этого тебе недостаточно, просто убей меня прямо сейчас, — Артур произносит это совершенно спокойно без всякой аффектации. Как самую обыденную вещь. — Seriously, мне незачем жить, если эти ребята от меня отвернутся. Я с огромным трудом их собирал. Других уже не будет. Можешь бить мечом через дверь он пробьет нормально.

С этими словами он садится на пол, уперевшись спиной в стену и откинув голову назад. Я задумываюсь. Идти с ним чистое самоубийство.

— Ты все это серьезно? — уточняю я.

— Я не шучу. Будешь у меня за сэра Ланселота.

— За Ланселота меня брать не советую, — отвечаю я. — У Ланселота там с Артуром плохо все кончилось.

— Да? — удивленно спрашивает Артур. — Я-то сам это все не читал.

— А почему тогда именно этот антураж для себя выбрал, если даже не читал?

— Пойдем со мной — сам увидишь.

Несколько секунд я медлю прежде чем повернуть ключ в двери. Хотя решение уже принял. Чем-то этот парень меня убедил, и где-то я даже теперь понимаю, как он на вербовал в свою команду десяток других претендентов. Может быть, я беспросветный кретин, но мне, все-таки, хочется ему поверить.

* * *

В Камелот мы идем пешком вдоль шоссе. Погода сегодня хорошая — среди низких осенних туч проглядывает редкое в это время года солнце. Наверное, от этого хочется насвистывать что-то себе под нос. Впрочем, несмотря на хорошее настроение, я хорошо помню, что расслабляться нельзя. Мои руки в карманах, и в одной я держу слезу, а в другой — обломанный кристалл меча. Оба камня уже стали теплыми и влажными от моих рук.

— Он ведь на самом деле не там, куда меня привела Джинджер? — уточняю я.

— Нет, — отвечает Артур. — Тебя она привела в квартиру, которую ее родители собирались сдавать. Вот она и стоит пустая. Никакого схрона там нет.

— А Камелот-то где?

— Не спеши, мы уже почти пришли.

Мы проходим под бетонным железнодорожным мостом, нависшим над дорогой. Прямо над нами по нему с размеренным грохотом гигантского барабана проносится товарный поезд.

Сразу за мостом Артур сворачивает налево, и мы поднимаемся по лестнице.

— А вот и Камелот! — с гордостью произносит он, когда мы добираемся до ее верхней ступеньки.

— Это шутка? — спрашиваю я. Прямо передо мной действительно оказывается здание, чем-то отдаленно напоминающее замок или старинный собор: башенки с зубцами, стрельчатые окна, шпиль на крыше. Вот только я отлично знаю, что это не замок. Это просто железнодорожная станция, которую какой-то чудаковатый сто лет назад решил выстроить в готическом стиле.

— Никакая не шутка, — пожимает плечами Артур. — Вход в наше убежище — прямо здесь. Пойдем.

— Дай угадаю, здесь, наверное, есть секретная платформа, с которой можно уехать в ваш Камелот.

— Ты не поверишь, — вздыхает Артур, — но каждый второй, кого я сюда привел, уже шутил эту шутку.

Пройдя вдоль здания станции, мы сворачиваем налево и входим в зал ожидания. Он совершенно пуст в этот час. Артур невозмутимо направляется к расписанию электричек.

— То есть, поезда туда, все-таки, идут? — спрашиваю я.

— Нет, конечно, — усмехается Артур. — Просто делай, как я.

Он подходит к стенду с расписанием вплотную и протягивает к нему палец, словно близорукий человек, желающий получше рассмотреть нужную строчку. Палец упирается в

слово "Можайск", после чего прочерчивает две горизонтальные прямые и круг, после чего Артур растворяется в воздухе.

Последовав его примеру, я оказываюсь в тускло освещенной комнате, уставленной какими-то ящиками, а также неряшливо сваленной разнокалиберной обувью. Здесь же на вешалках висит несколько курток, как мужских, так и женских.

— Добро пожаловать в Камелот, — с гордостью произносит Артур, стоящий рядом со мной. — Чувствуй себя как дома.

Я обнаруживаю, что мои пальцы лежат уже не на пыльном стенде с расписанием, а на старинном дверном кольце, торчащем из медной львиной морды.

Причина, по которой свет в комнате такой тусклый, становится ясна, едва я вхожу внутрь: ее освещает самый настоящий шандал со свечами, подвешенный к потолку! А вправо уходит коридор, который и вовсе освещен чадящими факелами. Я провожу ладонью по стене, сложенной из плохо отесанного шершавого камня. Что-то она мне напоминает...

— Понял теперь? — спрашивает Артур.

— Это схран, — киваю я. — Вы как-то приспособили схран для того, чтобы в нем жить. Но как? Он же должен исчезнуть, если забрать из него осколок, разве нет?

— Вот именно — если забрать! — кивает Его Величество с гордостью. — А если не забирать, но при этом научиться управлять силами осколка, поставить их себе на службу, то в схране вполне можно жить! Не в любом, конечно же. Но в этом — можно. Он очень стабилен, и никакие твари из других миров в него не лезут. Пойдем, я познакомлю тебя с остальными.

Едва мы сворачиваем в коридор, как навстречу нам выходит высокая девушка лет двадцати с длинными каштановыми волосами в невероятной красоты зеленом платье.

— Знакомься, это моя Гвиневра! — произносит Артур, взяв девушку за руку.

— Можно просто Аня, — уточняет она, чуть усмехнувшись.

— Она здесь хозяйка, весь замок слушается только ее.

— Почему? — спрашиваю я. — Меня, кстати, Игорь зовут.

— Да я знаю, но все равно приятно познакомиться, — она грациозным жестом поправляет сбившуюся прическу. — А почему меня слушается замок — так это очень просто. Я первой нашла это место. Но не стала забирать осколок. И решила наоборот — остаться здесь.

— В смысле?

— В смысле, я не могу выйти отсюда. Такой вот печальный факт в моей биографии. Но на самом деле — нет, не очень печальный.

— А если выйдешь, то что?

— То — все. Карета превратится в тыкву, кони — в мышей, а принцесса — в Золушку.

— Это грустная история, — говорит Артур, немного смутившись. — Она для другого раза, наверное. Пойдем, я познакомлю тебя с остальными.

В следующей комнате я застаю немного сюрреалистическую картину: сама по себе она тоже смахивает на покои замка, холодные каменные стены завешаны гобеленами, а в дальнем конце блестит витражное окно, но вот на одной из стен висит большой плазменный телевизор, к которому подключена приставка. Перед ним на соломенной циновке сидят двое очень похожих друг на друга мускулистых парней с джойстиком и азартно рубятся в какой-то файтинг.

— Это Борс и Гарет, — представляет мне их Артур. — Наша, так сказать, основная

ударная сила.

Один из парней машет мне рукой, не отрываясь от экрана.

— А вы тут прям все себе имена из Артурианы берете? — спрашиваю я.

— Да нет, — усмехается Артур. — А что? Тебе не нравится?

— Да несерьезно как-то. Смахивает на тусовку толкинистов, а не боевой отряд.

— Внешность обманчива, — пожимает плечами Артур. — На самом деле, имена из Артурианы тут всем раздает Гви... в смысле, Аня. Она, собственно, тут единственная, кто читал «Смерть Артура».

— Если мы тусовка толкинистов, то шел бы ты откуда явился, — говорит вдруг один из парней тот, что пониже ростом, не поворачиваясь в мою сторону. По тому, как побелели его пальцы, чувствуется, что он сжимает джойстик с огромной силой и вот-вот готов раздавить.

— Гарет! — Артур не кричит, как можно было бы ожидать, но произносит это таким тоном, который мог бы заморозить целое озеро. — Мы уже обсуждали все это, и с тобой в том числе. Игорь ни в чем не виноват, и мы не должны тут собачиться. За столом еще поговорим об этом.

— Ты не обращай внимания, — немного виновато говорит мне Артур, когда мы выходим из комнаты и прикрываем за собой дверь. — Он вообще парень хороший, но просто... в общем, ему нравилась Джинни, а тут такое...

— А, я понимаю, — отвечаю я. — Неудивительно. Мне она тоже понравилась. Поначалу.

— В общем, ты с ним поаккуратнее, ладно?

В следующей комнате обнаруживается огромная библиотека с уходящими под потолок стеллажами, уставленными толстыми томами в кожаной обложке.

— Ого! — удивляюсь я. — Вы это сами собирали?

— Вообще-то нет, — отвечает Артур. — Большая часть книг здесь фейковые. С пустыми страницами. Чисто для красоты. Хотя настоящих тоже немало.

— Сам ты фейковый! — доносится откуда-то сверху высокий женский голос. — Они заполняются постепенно!

Я поднимаю голову, и оказывается, что на лестницу, приставленную к ближайшей полке, взгромоздилась миниатюрная девушка с короткими темными волосами и в очках. Одета она в джинсы и полосатый свитер, а белые потертые кроссовки остались рядом с лестницей.

— Привет, Марта! — кричит ей Артур. — Нашла что-то интересное сегодня?

— Ага, — явно неохотно отвечает та. — Нашла книгу по идентификации. Мерлин будет рад. А это кто с тобой?

— Это Игорь Ростович. Слезай, познакомься.

Марта в самом деле начинает торопливо спускаться.

— Я бы на твоём месте сюда не приходила, — говорит она таким тоном, словно я только что ходил на руках по перилам крыши. — Это глупо и безрассудно. Ты не знаешь, можно ли нам всем доверять. И ему в особенности!

— Я бы попросил тебя, Марта! — взрывается Артур. — Игорь наш гость. Мой гость. И если ты до такой степени мне не доверяешь...

— Нет, это я бы попросила тебя! — выпаливает она в ответ. — Мы еще не разобрались с той историей! Точно ли Джинн писала ему без твоего ведома? Как она взяла доспехи и лук из оружейной, если ключи только у тебя?!

— Марта, я ценю твои детективные способности, но давай мы это все обсудим сегодня за Круглым столом, ладно? — устало произносит Артур. — Серьезно, всему свое место и время.

— Ага, обсудим так, чтобы он не слышал, да? — насаждает на него девушка. — Отличная позиция! Человек, который пострадал от наших действий, имеет право знать правду, между прочим!

— Марта, он ничуть не пострадал. Игорь, да скажи ты ей, в самом деле!

— Да, я... в общем-то, не в претензии, — я пытаюсь примирительно улыбнуться.

— И очень зря, — отвечает девушка. Я только развожу руками.

— Не надо так легко поддаваться на его харизму, — говорит она, поправляя очки в тонкой оправе.

— Я попробую, — отвечаю я с улыбкой.

— Вот так и живем! — вздыхает Артур, когда мы покидаем библиотеку.

— Похоже, у вас тут правда все расклеилось! — говорю я.

— Вот видишь! — Артур кивает. — Теперь ты понял, зачем я тебя сюда позвал? Без тебя мне очень трудно будет все склеить обратно.

— Предлагаешь мне стать вассалом?

— Ну, да, — отвечает Артур совершенно спокойно. — Понимаешь, моя мечта — спасти всех, кого еще можно. И кто сам согласен спастись.

— И что нужно для того, чтобы сдаться?

— Да всего ничего. Достаточно посмотреть на того, чьим сюзереном ты хочешь стать, назвать его имя и внятно произнести: «Я признаю твое первородство». В этот момент сделка станет завершённой. Вот, например, ты можешь прямо сейчас сказать: «Артур, я признаю твое первородство».

Он останавливается на секунду и смотрит на меня, словно ожидая, что я прямо сейчас это сделаю. Чего доброго, с него стасось бы поставить меня на одно колено, положить меч на плечо и посвятить в рыцари. Я же в ответ только киваю.

— Ну, так что, ты остаешься?

— Хорошо, но у меня два условия, — говорю я. Артур смотрит на меня вопросительно.

— Во-первых, я не сдаюсь прямо сейчас, — начинаю я. — Могу поклясться, чем хочешь, что никому из вас не причиню вреда, но прямо сейчас сдаться я не могу. Мне нужно все взвесить.

— Клясться не надо, — отвечает Артур. — Но просьба разумная. Давай тогда попробуем так. Но потом тебе все равно придется это сделать. Убивать тебя я не хочу, ты меня, надеюсь, тоже, а без этого — сам понимаешь. Что еще?

— Еще я хочу, чтобы вы взяли вместе со мной и Беса.

А вот тут лицо Артура подергивает легкая гримаса.

— Не советовал бы я тебе ему доверять, — говорит он. — Парню очень тяжело пришлось, и он ищет любой возможности, чтобы стать полноценным вассалом

— Ну, так вот и станет. В чем проблема?

— Да не знаю я, как он себя поведет. Впрочем, если ты за него ручаешься...

— Я-то ручаюсь, но разве это имеет значение? Ты ведь не знаешь меня.

— Ты поделил находки с Тайрой, — глубокомысленно произносит Артур. — И при этом вы не поубивали друг друга. Это хорошо о тебе говорит. И о ней тоже. Кстати, ты можешь с ней связаться?

— В принципе, могу, — отвечаю я. Мне бы и самому хотелось увидеть ее снова.

— Тогда при случае попробуй узнать, не хочет ли она присоединиться к нам.

— Боюсь, что нет. Судя по всему, она принципиальная одиночка

— Одиночки долго не живут, — вздыхает Артур. — Тем более, принципиальные.

— Мне кажется, у нее есть какой-то план, — говорю я. Мне вдруг становится обидно за то, что Артур так запросто списал ее со счетов.

— Да это понятно, — отвечает он. — План у всех есть. Но практика показывает, что побеждает чаще всего тот, кто обзаведется оружием, наголову превосходящим соперников. Либо у кого есть такая способность. Ну, и обычно еще тот, кто готов шагать по трупам. Если у твоей подруги нет чего-то из этого, ей конец, скорее всего.

— А что из этого есть у тебя?

Он усмехается.

— Подловил, да. У меня пока еще ничего из этого нет. Способности уж точно нет и не будет. По трупам я лишний раз идти не хочу. Оружия пока маловато. Но зато у меня есть то, чего не было у многих победителей — друзья, настоящая команда. Вот сим, как говорится, и победиши. А еще... — он раздумывает пару секунд, прежде чем ответить. — Впрочем, пойдем, сам увидишь.

Мы снова пускаемся в путь по высеченным в камне коридорам.

— Друзья — это, конечно, хорошо, — говорю я. — Но ведь их же нельзя взять с собой на турнир. Или можно?

— Нельзя, — вздыхает Артур. — Зато можно взять их осколки. Да и моральная поддержка кое-что значит. Почитай хроники прошлых турниров при случае. Те, кто старался поменьше убивать и имел много вассалов, нередко выходили победителями.

В итоге мы оказываемся возле массивных дверей с ручками в виде железных колец, такими же, как при входе. Артур берется за одно из них.

— Милости прошу, — церемонно произносит он, потянув дверь на себя с видимым усилием.

Помещение за дверьми действительно похоже на тронный зал. Даже факелы — такие же, как в коридоре — горят здесь как будто иначе. Немного ярче и... торжественнее, что ли. Посреди помещения в самом деле стоит идеально круглый массивный стол, а вокруг него — деревянные кресла, настолько тяжелые, что непонятно, как их отодвигают и придвигают к столу. Но не это привлекает внимание в первую очередь. В дальнем от меня конце зала стоит нечто, похожее на постамент для памятника. Гранитная глыба, возвышающаяся над полом, по высоте — примерно мне до колена. А из нее торчит удивительной красоты кристалл, переливающийся всеми цветами радуги. До меня не сразу доходит, что больше всего он похож на рукоять огромного меча, лезвие которого погружено в камень.

— Даже сейчас я не могу спокойно на него смотреть, — тихо произносит Артур за моей спиной. — Представляешь, что я почувствовал, когда увидел его впервые?

— Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей английской, — говорю я. Меня тоже завораживает как красота кристалла, так и красота момента. — Что же ты его не вытащил?

— Нельзя, — тихо говорит Артур. — Тогда Камелот перестанет существовать. И... не только Камелот.

— Ого, — отвечаю я. — Значит, здесь все держится на острие меча? Серьезное место.

— Ты можешь стать его частью, — отвечает Артур. — Ну, так что?

— Ладно, — отвечаю я. — Давай попробуем.

Глава 13

Дата: 02 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 14.

Фирма выражает озабоченность беспрецедентным сокращением числа участников текущего Турнира еще до открытия Врат.

Призываем участников проявлять осторожность и напоминаем, что уничтожение претендентов никогда не декларировалось турнирами в качестве обязательного или желательного элемента Турнира!

Сквозь узкое, похожее на бойницу окошко моей комнаты пробивается розоватый свет утренней зари. Скорее всего, на самом деле это иллюзия одна из многих, созданных Аней. В действительности, за окном здесь, должно быть, вечная ночь, так же, как и в большинстве схронов.

В Камелоте я живу уже неделю и, конечно, успел уже познакомиться со всеми его обитателями, включая тех, кого в момент моего первого визита здесь не было. Парень и девушка, чем-то неуловимо похожие друг на друга — оба светловолосые и стройные — оказались вовсе не родственниками. Они встречаются уже давно, и Аня, конечно же, прозвала их Тристаном и Изольдой. Тристан — обладатель мощных доспехов, и потому считается серьезным бойцом наряду с Борсом и Гаретом. А Изольда получила в подарок от отца-полуковки какой-то редкий белый кристалл, обладающий лечебными свойствами. И кажется еще диагностическими, которые она использует при помощи особого приложения в негаторе. В общем, она местный доктор Айболит. Если что, пришлет даже новые ножки. По крайней мере, в это хочется верить.

Еще одного местного обитателя Аня окрестила Мерлином, хотя на седовласого мудреца он совершенно непохож. Худощавый, с длинными черными волосами, а также усами и бородкой он больше всего похож на богемного художника, но в действительности — местный мозговой центр. Особенно много он знает о свойствах осколков. Борс говорит, что Мерлин даже бывал в Тир-На-Ног — единственный из местных обитателей. Вот только расспрашивать его об этом бесполезно — никогда ничего не рассказывает.

Сегодня с утра мне предстоит очередное занятие с Борсом, который будет учить меня обращаться с осколками. Казалось бы, чему тут учиться? Осколок все делает за тебя. Но все совсем не так просто. Во-первых, нужно постоянно поддерживать приток энергии к осколку, иначе его боевые качества снижаются. А это требует немалой концентрации. Кроме того, оказывается, что энергия эта далеко не бесконечна. В первый день занятий Борс рассказал мне самое главное — осколки используют мою же жизненную энергию. На простое поддержание боевой формы ее расходуется совсем немного, потому в доспехах можно ходить целый день, и не слишком устать. А вот в бою — другое дело. Увлечшись, можно быстро израсходовать все силы и упасть в обморок или даже впасть в кому — к радости противника.

Когда я вхожу в тренировочный зал, Борс церемонно кланяется мне. В обычной жизни он занимался какими-то восточными единоборствами, да и теперь иногда тренируется, когда время есть. Так что церемониал заимствовал оттуда.

— Включай доспехи и начнем, — говорит он, и тут же окутывается зеленоватой стеклянной броней. Броня у Борса отличная, только шлем, как он признает, барахлит немного. Я же пользуюсь старой броней Джинджер, которая, может быть, и была в свое время хороша, но после того, как я расколошматил ее своим клинком, оставляет желать много лучшего. Отчасти положение спасает мой клинок. Он сам анализирует позицию и выдает мне рекомендации, какую стойку занять и куда бить.

Борс без замаха наносит мне удар тычком, и моя рука, не дожидаясь команды сама парирует его. Движение его я предугадал — за мгновение до выпада кончик его клинка словно налился на моих глазах красным — так работает прогностическая система моих осколков. Мой ответный удар Борс отбивает без труда — у его осколков с прогнозированием тоже все хорошо.

Несколько минут мы кружимся по залу, стараясь подловить друг друга. В какой-то момент серия моих атак буквально загоняет Борса на стену, но тот, оттолкнувшись от нее ногами, делает фантастический пирует и едва не сбивает меня с ног подсечкой. Теперь мне приходится уходить в глухую оборону.

Минут через двадцать этой возни Борс, все-таки, находит брешь в моей защите и чисто символически тыкает меня в грудь стремительным выпадом. Клинок едва не застревает в полузатянувшейся трещине, которую я когда-то оставил своим мечом.

— Все еще много энергии отдаешь, — говорит он мне, когда я весь красный и тяжело дышащий снимаю золоченые доспехи после нескольких таких схваток. — Учись ее контролировать, не давай кристаллам тянуть ее из тебя. А то в бою может плохо кончиться.

Я киваю. Видимо, не мешало бы еще поупражняться в одиночку.

* * *

После занятий я иду в библиотеку помочь Марте разбирать книги. Занятие это довольно странное: время от времени то одна, то другая из стоящих на полках книг вдруг наполняется текстом. Когда здесь только обосновалась Аня, все они или почти все были абсолютно пусты. Когда она узнала это, то долгое время не обращала на библиотеку никакого внимания.

Но когда в замке поселился Артур, он решил как-то раз от нечего делать просмотреть книги: искал, нет ли в них каких-нибудь тайников с осколками или еще с чем-то полезным. И внезапно обнаружил десяток книг с вполне внятным текстом, причем на русском языке. И книги оказались очень любопытными некоторые рассказывали об истории тирнов, другие учили обращаться с осколками. Откуда это все бралось никто не знал, в том числе, и Аня. Все просто приняли, как должное: время от времени в библиотеке возникают новые книги.

Вот только чтобы их найти, нужно было регулярно просматривать весь огромный массив на множестве шкафов, но Артуру этим заниматься было слишком скучно, а у Мерлина была своя подборка книг по магии, доставшаяся от отца. Так библиотека и стояла почти не исследованной до тех пор, пока в Камелоте не появилась Марта.

Для нее, с ее неумемной энергией и педантичностью, это занятие было в самый раз. Вот только прочие рыцари ее не очень-то в этом поддерживали, считая немножко тронутой. Мне же было жалко смотреть на то, как она целыми днями торчит в библиотеке одна, занимаясь,

между прочим, делом, полезным для всех. Уже на второй день я напросился к ней в помощники. Само по себе занятие это было действительно скучнее не придумаешь: залез на лестницу, пересмотрел все книги на одной полке, спустился чуть ниже, пересмотрел книги на другой, опять ничего не нашел, спустился еще ниже, и так, пока не проглядишь весь шкаф. Причем часто на целый шкаф не оказывается даже одной книги с хотя бы страничкой текста.

Уже после часа такого времяпрепровождения на меня обычно нападает зевота и резь в глазах. Спасает только то, что мы постоянно переговариваемся с Мартой, работая обычно с разных сторон одного и того же шкафа. Благодаря ей я узнал немало интересного как об истории нездешних и свойствах осколков, так и о местных обитателях. Между делом узнал, что по паспорту ее зовут Марфой, но имя свое она не любит и переделала вот так. Сегодня же вот речь зашла о хозяйке Камелота.

— А что такое с Гвиневрой? — спрашиваю я. — Она шутит по поводу того, что не может отсюда выйти?

— Да нет, какие шутки, — вздыхает Марта, шелестя страницами очередной книги. — Она правда не может. И не сможет никогда.

— Как-так?

— Видишь ли, — Марте явно приходится осторожно подбирать слова, — она не совсем жива. Точнее, не до конца. Не знаю, как объяснить.

Видимо, мое молчание достаточно красноречиво, чтобы Марта, все же, попробовала объяснить сказанное.

— Я тоже не все знаю, — говорит она, вернув книгу на полку. — Может, это и неправда. Но мне так рассказывали. В общем, она покончила с собой. Прямо здесь, на станции «Кунцево». Бросилась под поезд. Вот только почему-то не умерла. Точнее, умерла, но не совсем. Ее спасло то, что на станции был вход в схрон. Поэтому ее душу затянуло сюда и связало с осколком в наковальне. Вот только не спрашивай меня, как это работает я понятия не имею. Это какая-то высшая магия. Только тирны, наверное, знают ее, а может, и они не знают.

— То есть, она... что-то вроде призрака? — спрашиваю я.

— Не совсем, — отвечает Марта. — Она ведь не бесплотна, как видишь. В замке у нее есть тело, ее можно потрогать, она теплая. Но выйти за пределы схрона она не может. И если достать осколок с пьедестала... никто не знает, что с ней будет. Скорее всего, она погибнет.

Несколько секунд мы молчим. Что тут еще скажешь?

— А что будет, если Артур выиграет турнир? — говорю я. Мне не видно лица Марты, и оттого кажется, что вопрос я задаю прямо безразличному стеллажу. Марта молчит, и оттого вопрос кажется еще более глупым.

— В смысле, он же тогда будет жить где-то в Тир-на-Ног, или где там, — поясню я. — А как же тогда Аня?

— Не знаю, — вздыхает Марта. — Я тоже думала об этом. Возможно, они о чем-то договорились на этот случай. Даже наверняка. Но ведь не спросишь же их. О таком ведь не спрашивают.

Через некоторое время в библиотеку является Мерлин.

— Мар, тебя Его Величество просил зайти, — бросает он, усаживаясь за массивный стол и раскрывая на первом попавшемся месте найденную Мартой книгу: единственный наш

улов за сегодня.

— Какая-то хроника, — разочарованно произносит он, кладя книгу обратно на стол, пока Марта еще даже не успела спуститься с лестницы. — Этот пошел туда, тот сюда. Даже не поймешь, в какие времена это происходило. И насколько это время соотносится с нашим.

— Скажи, а тебе не обидно? — спрашиваю я, спустившись вниз и устроившись в кресле рядом с Мерлином.

— В смысле? — он поднимает бровь, вопросительно взглянув на меня.

— Ну, вот, что Артур отправится в Тир-На-Ног, станет некой почти божественной сущностью, а ты останешься здесь, хотя ты, в общем-то, ничем не хуже.

В присутствии Мерлина меня всегда тянет обсуждать философские вопросы. Наверное, есть что-то такое в самой его фигуре и манере держаться — располагающее к беседам об отвлеченном.

— Ну, во-первых, еще неизвестно, кому будет проще: Артуру или мне, — пожимает плечами мой собеседник, машинально пощипывая пальцами короткую бородку. — Мы же не знаем, через что ему там придется пройти. Может быть, победа в этом турнире и не победа вовсе. Может быть, победители и рады бы вернуться назад, да уже не могут. А нам об этом не говорят, потому что иначе мы бороться перестанем.

— Интересная версия.

— Есть те, кто думают так вполне всерьез. Если хочешь, скину тебе почитать одну статью в сети. Беда в том, что нас никто не спрашивает, если объявлен турнир: тут уж, как говорится, танцуй или сдохни. Но главное не в этом. Просто есть люди, которым нравится командовать, а есть те, кому комфортнее подчиняться. Они не хуже и не лучше друг друга, просто разные — вот и все. И тирны здорово придумали, что предусмотрели в своей иерархии место как для одних, так и для других. Если бы победителю нужно было избавиться от всех прочих претендентов, то главный приз получали бы только психопаты, вроде нашей общей знакомой. Полагаю, тирнам самим такие не нужны — ну, или нужны в ограниченном количестве.

— А зачем вообще все это? Зачем такой экзамен?

— Почему я знаю? — пожимает плечами Мерлин. — Встретишь как-нибудь тирна — спроси. Наиболее популярная версия — это у них так эволюция работает. Ну, ты знаешь — выживает сильнейший. Естественный отбор, вот это все.

— А может быть, они просто заинтересованы в том, чтобы амбициозных нездешних на Земле было поменьше?

Мерлин щелкает пальцами.

— Да, некоторые думают и так, — отвечает он с какой-то странной трудноуловимой улыбкой. — Хотя тогда, наверное, стоило бы не разрешать сдаваться. Просто, чтобы все поубивали друг друга, и остался только один. Вот Сирене такое, наверное, понравилось бы.

— Кто она вообще такая, эта Сирена? — спрашиваю я. Мерлин передергивает плечами и машинально оглядывается по сторонам.

— Таинственная особа, — произносит он. — Мы с Артуром много всего прошерстили прежде, чем что-то узнали о ней. Поговаривали, что ее отец — какая-то важная шишка: не то депутат Думы, не то какой-то генерал. На самом деле, это не так. Но персонаж он странный: работает в каком-то Институте стратегического анализа экспертом по планированию. Вроде бы, нелепая должность, но есть куча отрывочных сведений о его встречах с весьма влиятельными людьми. В общем, с ним советуются. Не знаю, почему. Возможно, он

оказывает какие-то магические услуги. Хотя это вряд ли: он же просто здешний. Но в каком-то анонимном канале его даже называли серым кардиналом.

— А мать? — спрашиваю я.

— А мать ее — тирнская ведьма не из последних. И говоря, в отличие от большинства тирнов, она принимала в жизни дочери большое участие. Поэтому у Сирены с самого детства была возможность упражняться в магии. Еще говорят, что ей устроили поездку в Тир-На-Ног и там усилили ее естественную способность манипулировать мужчинами. Специально, чтобы она была готова к турниру. С первого дня, как только турнир был объявлен и появился список претендентов, она начала методически уничтожать их, благо это были по большей части парни.

— А откуда она узнавала адреса и прочее? Неужто это все тоже публикуют?

— Я же говорю, отец у нее непростой. Наверняка подключил свои связи среди здешних. Да и сама она не промах. При помощи ее гипноза, да и другой магии можно много чего добиться. Seriously, это машина убийств. Я не представляю, как ты от нее спасся.

— Меня спасла вот она, — говорю я, показывая на ладони слезу.

— Да я слышал, — кивает Мерлин. — Мощная штука. Говорят, когда-то их было очень много. У каждого уважающего себя тирна было по одной. Но потом становилось все меньше и меньше.

— Почему?

— Есть у них слабость, иногда сильно привязываются к хозяину. И могут пойти на необдуманные поступки ради него.

— В смысле? Какие у камня могут быть поступки?

Мерлин пожимает плечами.

— Так говорят, — произносит он.

— Я одного не могу понять, — говорю я. — Зачем нас убивать? Почему тирнам это нужно, раз они так организовали турнир?

— Может быть, это нужно не тирнам? — пожимает плечами Мерлин.

— В смысле?

— А ты думаешь, все это просто так? — спрашивает Мерлин, развалившись в кресле и закинув свои длинные ноги в забрызганных грязью джинсах на библиотечный стол.

— Что именно?

— Ну, вот почему мы все чувствуем себя чужими в этом мире, — поясняет он. — Я же помню, ты мне рассказывал у тебя было то же самое. А Аня, думаешь, отчего под поезд прыгнула... а, извини, ты, наверное, еще не в курсе...

— Да в курсе уже, — вздыхаю я. — И почему же?

— Элементарно, — оживляется Мерлин. — Нас мир тоже отторгает. Точно так же, как он отторгает осколки. Только вокруг нас он почему-то не может создать кокон из иного пространства. Поэтому он создает вокруг нас кокон из людской холодности и отчуждения. Это миру мы не нужны, и мир хочет нас убить или выдавить отсюда в Тир-На-Ног. А тирны ему просто помогают.

— Сам придумал? — интересуюсь я.

— В общем, да. Считай это заявкой на Нобелевскую премию. Жаль, там нет номинации «Безысходность».

Я киваю и смотрю на часы в телефоне.

— Слушай, я пофилософствовал бы еще с тобой, но мне бежать пора, — говорю я,

поднимаясь с кресла. Мерлин только поводит в воздухе рукой, давая понять, что ему и одному здесь найдется чем заняться.

У меня же сегодня есть еще одно важное дело, при одной мысли которм немного холодеет в груди

Глава 14

Дата: 02 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 14.

Приглашаем лиц, осуществляющих работу с осколками, пройти обучающий семинар под руководством артефактора с мировым именем Дариуса.

Обращаем внимание на то, что заявки принимаются только от нездеиших, имеющих лицензию Фирмы.

Когда я покидаю Камелот, на меня обрушивается хмурый, неуютный, залитый дождевой водой внешний мир. Шедший, похоже, весь день дождь уже закончился, но над городом продолжают висеть тяжелые тучи. Вышел я из Камелота в такую погоду потому, что вчера наконец-то решился написать Тайре, и она даже согласилась со мной встретиться. Я сказал, что у меня есть важное предложение для нее от Артура. Формально это и правда так, но на самом деле мне просто хочется ее увидеть. Со времени нашей прошлой встречи в схроне я много думал о ней. Мне хочется понять, что же ей движет, и не лучше ли мне будет двигаться в ту же сторону.

Парк Победы, где мы договорились встретиться, в такую погоду пуст и похож на бескрайнюю бетонную степь. По дороге из Камелота, я, поколебавшись, купил в палатке несколько темно-красных роз, и на фоне этого пейзажа выгляжу с ними, должно быть, слегка комично, а чувствую себя глупо. Все-таки, это не свидание. Можно было и обойтись. Но почему-то мне, все-таки захотелось их купить.

Тайру я замечаю издалека. Она идет вдоль проспекта в яркой куртке лимонного цвета, сжимая в руках закрытый синий зонтик.

— Зачем это? — недоуменно спрашивает она, когда я протягиваю ей цветы.

— Ну, просто я подумал... Ты, все-таки, девушка и все такое, — мне становится ужасно стыдно.

— Ну, девушка, и что?

— Просто хотел сделать тебе приятное.

— Эм... Спасибо, конечно... — мне кажется, что ей все-таки приятно. Во всяком случае, ее щеки немного покраснели. — Но вообще, не стоило. Мы соперники — не забывай. Если ты позвал меня серьезно поговорить — то давай поговорим серьезно.

— Хорошо, — отвечаю я. — Если ты так хочешь, тогда — к делу. Я пришел предложить тебе присоединиться к нам.

— К нам — это к кому? — она удивленно приподнимает бровь.

— К Артуру, ко мне и к остальным. Если не победим мы — победит Сирена.

— Но ведь ты сам еще не сдался? — спрашивает она. — Как же тебя туда приняли?

— Ну... У меня немного особый случай... — мне не хочется пересказывать Тайре историю с Джинджер. Не лучшая выйдет реклама Камелота. — В любом случае, я думаю ближе к делу стать вассалом Артура.

Тайра пожимает плечами.

— Извини, но мне это не подходит, — отвечает она, откинув непослушную прядь со лба. — При других обстоятельствах — может быть. Но сейчас — нет. Мне нужна только

победа.

— Это из-за твоего отца, да? — спрашиваю я напрямик.

Тайра глядит на меня слегка удивленно.

— Все это сложнее, чем ты думаешь, — говорит она неохотно, отвернувшись от меня, словно с интересом рассматривая Нику на вершине огромного обелиска. Начинает накрапывать дождь, и она раскрывает зонт, под которым мы, наверное, окончательно начинаем выглядеть, как парочка.

— Тебе важно найти его, да? — спрашиваю я. — Но ведь для этого необязательно становиться тирнской леди. Я могу уговорить Артура. Он вполне адекватный и все хорошо понимает. Он отпустит тебя, даст тебе снаряжение.

Тайра качает головой.

— Ты ничего не понимаешь. Твой Артур никогда не позволит мне отправиться туда, куда мне нужно. А даже если бы и позволил... нет, я не могу так рисковать. Такой шанс выпадает один раз в жизни. Если я стану тирной, то смогу хотя бы попробовать его найти. Если не стану — так никогда и не узнаю даже, жив ли он. Ты не понимаешь, что это такое. Моя мать плачет почти каждую ночь, я же слышу. Если бы она могла, она сама бы бросилась хоть черту в зубы. Но она не может, она обычный человек. А я могу, и она это знает. Она не простит меня, если я откажусь от этого шанса. Я и сама себя не прошу.

— Твой отец, он... что-то искал? В другом мире?

На этот раз Тайра смотрит на меня оценивающе. Словно решая, стоит ли со мной дальше разговаривать.

— Да, искал, — отвечает она. — Он искал что-то очень древнее. И важное не только для него, но и для тирнов.

— Что это могло быть?

— Какая разница! Пойми, он хотел помогать людям! Он всегда к этому стремился, это было его идеей фикс. Работа на сюзерена была ему нужна только постольку, поскольку он мог кому-то помогать. Сюзерен давал ему осколки, и этими осколками он лечил людей. Он очень много жизней спас, действительно много!

— И... что случилось? — спрашиваю я. Я чувствую, что вопрос вышел бестактным, но мне нужно понимать. Вокруг меня все только и делают, что говорят загадками, и это невыносимо.

— Я не знаю, — тихо отвечает Тайра. — В тот день он пришел домой, не находя себе места от волнения. Ходил из угла в угол по комнате, что-то бормотал под нос. Потом сказал маме, что скоро мы, наконец-то, заживем, как люди. А мне — что я смогу учиться в Тир-На-Ног. Это была наша с ним мечта. Мама стала его, конечно, расспрашивать, что случилось. Но он уклонялся от ответов, говорил, что боится сглазить. Потом ушел — обещал вернуться к ужину. Больше мы его не видели.

— С ним могло что-то случиться в нашем мире? Ну, что-то... Обыкновенное.

Я хочу привести примеры того, что случается: попал под машину, ограбили и убили, но решаю не уточнять.

Тайра качает головой. Прошагав бетонную площадь из конца в конец. Мы поворачиваемся и начинаем медленно двигаться обратно.

— Мы справлялись в Фирме. Они бы точно знали. К ним стекается множество информации и от полиции, и много откуда еще. Но они ответили, что им ничего не известно. Причем так, знаешь... демонстративно немного ответили. С намеком. Они точно

знают, что он пропал не в нашем мире. И с этим связана какая-то тайна.

— Мы можем помочь тебе ее разгадать.

Тайра качает головой.

— Прости, Игорь, — отвечает она. — Я верю, что ты говоришь искренне. Но ты не все знаешь, и я не все могу тебе рассказать.

— А хочешь, я сдамся тебе? Прямо сейчас? — выпаливаю я неожиданно для самого себя. Меня пробивает внутренняя дрожь. Тайра смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Ты это серьезно? — уточняет она. — Нет, не хочу. Мне не нужны... слуги. Неприятно даже представлять, что я буду помыкать кем-то.

— Мне сегодня один очень умный человек высказал такую теорию: есть люди, которым комфортно отдавать команды, а есть те, кому комфортно подчиняться. Если ты не относишься к первым, то почему бы не смириться с тем, что ты из вторых? В этом есть свои плюсы. И нет в этом ничего унижительного.

— Передай своему умному человеку, что есть еще и третья категория: те, кому одинаково противно как командовать, так и подчиняться. Одиночки. И я как раз из таких.

— Но это значит, что тебе придется идти по трупам. Ты думала об этом? Убить Артура, убить меня, ну и кто там еще из претендентов остался.

— Я уже убила двоих. Ты в курсе.

— Это немного другое — они, все-таки, на тебя напали. А теперь тебе придется...

— Я никого не буду убивать, пока он первым не нападет, — оборвала она меня.

— Но это значит, что ты ставишь себя в уязвимое положение. Кто бьет первым, у того больше шансов.

— Расскажи это тем двоим, которых я убила.

Мы останавливаемся возле входа в метро. Я понимаю, что проиграл — с нами она не будет.

— Ладно, пока, — говорит Тайра, улыбаясь одними губами и закрывая зонт. — Спасибо за цветы, было очень мило. Может быть, увидимся как-нибудь еще.

— Ну, пока, — отвечаю я ей, стараясь сохранить в голосе присутствие духа.

Хочется верить, что увидимся мы в следующий раз не на поле битвы.

* * *

В Камелот я возвращаюсь не в самом лучшем расположении духа. Настолько, что, усевшись в прихожей на грубую досчатую скамейку, долго не могу снять ботинки, а просто смотрю в одну точку. Минуту спустя в прихожую совершенно неслышно входит Аня в каком-то переливающимся текучем платье — вроде тех, что я видел в "Хрустальном дворце". Я пытаюсь приветливо улыбнуться ей, но улыбка выходит какая-то кривая.

Мне всегда было немного неловко с ней общаться, теперь же, когда я знаю, кто она такая, эта неловкость только нарастает. Чего ждать от призрака? Всякий раз думаешь, что он набросится на тебя или растает в воздухе. Интересно, каково в этом смысле Артуру?

— Ты есть будешь? — спрашивает она тихонько. — Между нами, готовил сегоддня Борс, так что не советую, если не очень голоден.

Она подмигивает мне, ласково улыбнувшись.

— Да, спасибо, — отвечаю я. — Наверное, в самом деле, нет.

— Тогда иди в зал, там Артур хотел тебе сказать что-то.

* * *

Архитектура Камелота поражает меня с первого дня, как я сюда попал. По площади он, наверное, как стандартная школа, но жители его пользуются только десятком комнат или чуть больше, а остальные стоят пустыми. Артур говорит, что еще когда они жили здесь с Аней вдвоем, он все их обыскал и не нашел почти ничего интересного, но мне иногда кажется, что искал он не слишком тщательно. Более того, у меня есть подозрение, что комнаты и коридоры время от времени появляются и исчезают.

Вот и сейчас я иду в зал, вроде бы, знакомой дорогой, но почему-то оказываюсь возле оружейной небольшой темной каморки, где Артур складировал кристаллы. Одного из немногих помещений в Камелоте, которые запираются на ключ. В зал мне удастся попасть лишь с третьей попытки. Впрочем, возможно, никакой мистики тут нет, а просто все эти коридоры, винтовые лестницы и одинаковые двери ужасно мешают ориентироваться.

— Привет! — Артур слезает со стола, на котором имеет обыкновение сидеть, когда он один. — Где был?

— Да вот, думал предложить Тайре присоединиться, но... — начинаю я и, полагаю, по моему тону все настолько ясно, что можно не заканчивать.

Артур в ответ только кивает, барабанив пальцами по столешнице.

— Ну, нет так нет, — задумчиво произносит он. — Всех тоже не спасешь. Слушай, у меня к тебе просьба. Ты не мог бы завтра сходить к артефактору? Я адрес дам. Я ему одну вещь оставил, чтобы он с ней поработал. Меч. Очень крутой, моя гордость. Третий уровень с половиной, но если похимичить с внутренними связями, то может сойти за четвертый. Вот я его и попросил. Фирма за такие бешеные деньги дерет, да еще и в очереди постоит, а он взялся бюджетно сделать. Из любви к искусству.

Я киваю и записываю адрес в телефон. У меня вызывает легкое удивление, что Артур доверил такую вещь постороннему человеку, а теперь посылает за ней еще одного, но спрашивать его об этом я не решаюсь.

— Передаю его тебе во владение, — произносит Артур. — Временно. Теперь он будет тебя слушаться. А то мало ли что по дороге случится.

* * *

Когда я уже собираюсь ложиться спать, раздается неуверенный стук в дверь.

— Да, открыто, — отвечаю я.

На пороге появляется Гарет, и я, внутренне сжавшись, кладу ладонь на синий осколок.

Все то время, что я живу в Камелоте, Гарет старательно делал вид, что меня не существует. Но время от времени я ловил на себе его взгляд, который мог бы прожечь лист

танковой брони.

Я не знаю, как на это реагировать. С одной стороны, мне немного жаль его — у него погибла девушка, и как бы там ни было, погибла от моей руки. Смог бы я так просто простить убийцу близкого человека? Вряд ли.

С другой стороны, я знаю, что не виноват в случившемся, и оттого плохо скрываемая враждебность Гарета заставляет меня сжимать кулаки. В любом случае, с этим парнем нужно держать ухо востро.

— Привет, я чего зашел, — он мнетя в дверях, словно готовясь в любой момент сбежать. — В общем, я поговорил сегодня с Артуром — он прав на самом-то деле. Ты ни в чем не виноват, просто так получилось.

— Да я... тебя не виню, — отвечаю я. — Признаться, я не ожидал подобного. Бывает. Я на твоём месте тоже бы, наверное... не знаю...

— Ну, ладно. Тогда, мир? — он протягивает мне крупную руку, на которой даже пальцы кажутся накачанными.

— Да, мир, — я осторожно пожимаю его ладонь. Он стискивает мою сильно, но не до боли.

— Ну, э... и отлично. Я пойду тогда, спокойной ночи, — ему явно хочется завершить эту сцену побыстрее. Похоже, зайти ко мне и помириться — это был приказ Артура.

— Да, и тебе тоже, — отвечаю я, и он с видимым облегчением закрывает за собой дверь.

Дата: 03 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 13.

В связи с участившимися случаями отравлений растениями, собранными в схронах, напоминаем нашим подписчикам, что самостоятельный сбор растений где-либо за пределами специальных плантаций в Коа, является крайне опасным и может осуществляться только опытными экзоботаниками, прошедшими специальные курсы.

Берегите свое здоровье!

Пожалуй, больше всего в моей новой жизни меня удивляет то, насколько обыденные вещи порой скрывают за собой магию. Вот и сегодня я стою во дворе, окруженном несколькими старыми панельными домами, с детской площадкой посередине, и не могу поверить, что где-то в одном из них, на восьмом этаже живет человек, работающий с древними магическими артефактами из другого мира. Такой человек, по-хорошему-то, должен бы жить где-нибудь в дремучем лесу или в подземной лаборатории, охраняемой спецслужбами. А он живет в обычной панельке в спальном районе, и ему можно позвонить по домофону. Что-то в этом есть такое, неправильное.

Дверь также оказалась вполне обычной, обитой поролоном еще, наверное, до моего рождения. И хозяин тоже не производит мистического впечатления: лысоватый низкорослый мужчина лет пятидесяти, в дешевых очках, заношенной домашней футболке и трениках.

— Чем могу? — интересуется он, приоткрыв дверь, но не приглашая меня войти.

— Я от Артура, — отвечаю я. — За мечом.

— Каким еще мечом? — удивленно спрашивает он. — Да ты проходи, проходи.

Повинуясь его приглашающему жесту, я оказываюсь в тесной прихожей с отстающими зеленоватыми обоями и вешаю куртку на шатающуюся вешалку.

— Ты извини, у меня бардак тут, — разводит смущенно руками артефактор. — Прходи в мастерскую. Я сейчас приду.

Комната, куда я захожу, следуя взмаху руки хозяина, больше всего напоминает жилище человека, часто посещающего блошинный рынок. Чего здесь только нет: неряшливо сложенные старые книги в растрескавшихся переплетах; покрытые пылью хрустальные шары, к одному из которых зачем-то приделан электрический провод; странные конструкции из переплетенной тонкой серебристой проволоки; и, конечно же, осколки. Их много, я насчитал несколько десятков самой разной формы и цвета, отчего стеллаж похож не то на новогоднюю елку, не то на коллекцию геолога.

Один из осколков, похожий на маленький синий лист, лежит на какой-то трехногой подставке, установленной на стол, а рядом горит, коптя темным дымом, круглая свечка-таблетка. Похоже, хозяин работал с этим осколком, когда я позвонил в дверь.

Впрочем, вскоре он возвращается, отвлекая меня от созерцания стеллажа.

— Вот за этой штукой ты пришел? — спрашивает он, протягивая мне на ладони небольшой золотистый осколок, похожий на овальный леденец.

Я киваю. Его фотку Артур показал мне вчера в телефоне.

— Ну, бери. Только какой же это меч? Эта штука просто броню усиливает немного. Артур в самом деле хотел, чтоб я из него меч сделал, но не в моих это силах. Осколок слабенький совсем, первый уровень. Я так только, немного настроил ему быстроедействие, но много от него ждать не стоит, так Артуру и передай. Даже деньги брать не за что.

Меня поражает то, насколько это непохоже на то, что сказал мне Артур. Несколько секунд я верчу осколок в руках, а затем до меня доходит.

Это была проверка. Артур хотел узнать, не соблазнюсь ли я мощным оружием и не сбегу ли с ним. Именно поэтому он и передал мне владение осколком. Мне вдруг становится неприятно, словно меня заранее заподозрили в воровстве. Впрочем, еще пару секунд спустя мне удастся убедить себя, что без этого никак. Я ведь так и не сдался Артуру, а значит, доверять мне он может лишь с оглядкой. О, нет, он совсем не прост, этот парень!

— Все в порядке? — участливо спрашивает меня артефактор.

— А... да, извините, — говорю я, убирая осколок в карман. — Спасибо большое.

Жилище магических дел мастера я покидаю в глубокой задумчивости. Возможно, именно она мешает мне вовремя заметить опасность.

* * *

Выйдя из подъезда, я, по сформировавшейся уже привычке, оглядываюсь по сторонам, но ничего подозрительного не обнаруживаю. На новенькой детской площадке несколько детишек в ярких курточках носятся по резиновому покрытию, а на скамейке бабушка кого-то из них читает книгу в растрепавшейся мягкой обложке. Вдоль стены дома к подъезду идет грузная женщина в сером пальто, навьюченная двумя огромными красно-белыми пакетами из супермаркета. И кто-то еще есть у нее за спиной. Я не могу разглядеть хорошенько: вижу только сверкнувшие на фоне мокрого асфальта белые кроссовки и ступаю на землю, чтобы пропустить скупившую весь ассортимент «Ашана» даму, занявшую всю дорожку, а потом пойти к арке.

Но вместо этого я так и застываю на земле у края дорожки, когда из-за спины у женщины появляется знакомое лицо, обрамленное серебристыми волосами. Девушка улыбается мне. На ней крупные темные очки, что выглядит немного нелепо в пасмурный холодный ноябрьский день. Вот только смеяться почему-то не хочется. Вместо смеха меня мгновенно бросает в жар, и я вскидываю руку, посылая энергию в выросший из нее голубой клинок.

— Спокойно, — произносит Сирена, остановившись посреди дорожки и сложив руки на груди. Голос ее снова производит на меня успокаивающее действие, но, кажется, я еще способен себя контролировать. — Я не убивать тебя пришла, а поговорить. Иначе уже убила бы.

Женщина с сумками, никак не отреагировав на эту сцену, продолжает идти к дверям: похоже, Сирена включила негатор. На детской площадке тоже никто не проявляет беспокойства, как будто не обращая внимания на парня с рукой, превратившейся в сверкающее голубое лезвие. Только одна девочка на секунду взглянула на нас с Сиреной испуганными серыми глазенками, но тут же, как ни в чем не бывало, бросилась догонять что-то ей крикнущую подружку.

Я направляю острие своего лезвия в грудь Сирены.

— Ну, правда, — брезгливо морщится она, словно девушка из хорошей семьи, при которой выругались матом. — Меня такие вещи не впечатляют. Я смогу от тебя защититься, если нужно. А вот ты от меня — вряд ли. Я, вон, специально очки надела, чтобы тебя не смущать. Так что убирай эту штуку, и давай поговорим, как нормальные люди. Тебе к метро? Пойдем вместе.

«Нормальные люди не сбрасывают людей с балкона», — хочется ответить мне, но я понимаю, что этот аргумент не очень-то впечатлит мою собеседницу. Она-то сама явно считает себя нормальной, и ничего такого не видит в своем поведении. А еще я понимаю, что она права: убить она меня может в любой момент. И если до сих пор не убила, значит, ей нужно что-то другое.

Я забираю энергию из осколка, и он с тихим разочарованным жужжанием съезживается до своего обычного размера.

— Вот и славно, — отвечает Сирена, преспокойно поворачиваясь ко мне спиной и направляясь к арке, за которой гудит широкий проспект. Интересно, она действительно настолько доверяет мне, или просто уверена, что контролирует ситуацию? Мне хочется верить, что я ее тоже хоть немного контролирую. Что если я буду настороже, то смогу вовремя распознать в ее голосе парализующую волю интонацию.

Пройдя через тень арки, мы выходим на тротуар проспекта, и я сворачиваю налево к метро, догоняя Сирену. Она идет молча, уверенной ровной походкой, и словно даже и не думает начинать разговор. Наконец, я не выдерживаю.

— Что тебе от меня надо? — спрашиваю я.

— То же, что и всем остальным, — пожимает плечами девушка. — Чтобы ты признал мое право на наследство и стал моим вассалом. Я предлагаю тебе десять процентов от дохода впадения. Это много. Больше тебе никто не предложит: тем более, Артур. У него и без тебя семеро по лавкам. Кстати, столько же я предлагаю и ему. Можешь передать ему на всякий случай. Хотя я уверена, что он откажется. А вот в твоих интересах принять мое предложение.

— И с чего вдруг такая щедрость? интересуюсь я. — Мне не хочется показывать Сирене, что я абсолютно не понимаю, что значит «десять процентов от дохода владения», много это или мало, и что вообще на это можно купить. Я решил, что постараюсь обойти этот вопрос стороной и расспрошу потом Беса.

— Видишь ли, — произносит Сирена, и в голосе ее сквозит чуть заметное раздражение, у тебя есть одна вещь... которая мне бы тоже не помешала. И я считаю, что предлагаю тебе более чем честную сделку.

— Что же тебе мешает убить меня и забрать ее с моего трупа? — спрашиваю я, стараясь продемонстрировать как можно большее спокойствие. Хотя по спине в это время пробегает липкий холодок.

— Эта вещь, она... сама выбирает кому служить, — неохотно произносит Сирена, глядя куда-то в сторону. — И не исключено, что...

— Что забрать ее у меня силой не получится, так? — спрашиваю я.

— Ну, допустим, так, — отвечает моя собеседница, поправив очки на носу. — Только не думай, что это сделает тебя неуязвимым. И я, и твой Артур, и прочие: все мы такие добрые, только пока Врата не открылись. Там все будет по-другому.

— Ничего себе, добрые, — усмехаюсь я. — Особенно, ты.

— Я такая же, как и все, — резко произносит Сирена. — Тебе кажется то, что я делаю, ужасным? Но это единственный путь. К этому рано или поздно придет каждый, кто всерьез хочет победить. Я просто пришла рано.

— Нет, не единственный, — отвечаю я. — Артур...

— Я знаю, что говорит Артур, — устало обрывает девушка. — Но он просто не знает, какие ставки в этой игре. Не знает, что такое Тир-на-Ног. Если бы он знал, он понял бы, что для того, чтобы попасть туда, любые средства годятся.

— А ты, стало быть, знаешь? — спрашиваю я.

— Я знаю, — твердо отвечает Сирена. — Я там родилась.

«Вот это да!» — проносится у меня в голове. До сих пор я думал, что нездешние если и попадают туда, то очень ненадолго. Сирена молчит несколько секунд, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— И как там? — спрашиваю я.

— Ты этого не сможешь себе представить, — с грустью в голосе произносит Сирена. — Серьезно, все, что я могу тебе сказать, даже на сотую долю не передаст того, как там прекрасно. Там даже воздух другой: густой, но в то же время совершенно чистый. Когда ты попадаешь туда, он опьяняет тебя, едва не сбивая с ног. Когда я первый раз оказалась здесь — мне тогда было лет пять — то первым моим впечатлением была духота и серость. Здесь всегда душно и всегда серо по сравнению с тем миром, понимаешь? Ты можешь подняться на Эверест, поехать на бразильский карнавал, обожраться наркотиками, но ты никогда не получишь здесь таких ярких ощущений, которыми там наполнены самые обычные вещи.

— Именно поэтому все нездешние здесь так несчастны? — вырывается вдруг у меня.

— Угу, — кивает она. — Вот только вдвое несчастнее тот, кто понимает, чего лишился, оказавшись тут. На самом-то деле, вы все никакие не нездешние. Вы родились тут. Из всех нынешних претендентов по-настоящему нездешняя только я.

На несколько секунд между нами повисает тяжелая пауза. Мне не хочется даже поворачивать голову в сторону Сирены и не только потому, что я все еще боюсь ее.

— В Общем, я думаю, ты понял, — произносит, наконец, она, прерывая затянувшееся молчание. — Ради того, чтобы вернуться домой, я готова на все. Совсем на все. И поэтому лучше быть на моей стороне.

— А если не буду, ты внушишь мне убить Артура и сделать харакири?

Сирена усмехается.

— А что, если на самом деле я не могу внушить человеку ничего такого, чего он сам никогда не хотел бы, пусть даже в глубине души? Вот взять, к примеру, тебя. Неужели тебе никогда не хотелось прыгнуть с балкона?

На секунду я словно вновь оказываюсь там: порыв ветра бьет в лицо, а я застываю, перекинув ногу через перила балкона и с ужасом глядя на несущиеся по шоссе машины, кажущиеся с такой высоты игрушками.

По моему телу пробегает холодная скользкая дрожь. Я останавливаюсь и делаю шаг назад, словно хочу отойти от края пропасти. И в то же время я с неприятным чувством понимаю, что Сирена в чем-то права: в минуты стыдной жалости к себе, я не раз думал, что хочу умереть, и открытое окно казалось самым простым выходом.

— Вот видишь, — произносит Сирена, и в ее голосе звучит торжество. — Так что же плохого я делаю? Я просто нахожу в голове у человека то, что в ней и так есть, а потом...

— А потом используешь это. Не морочь мне голову! Можно как угодно это называть, но

ты заставляешь людей умирать ради своей выгоды.

— Вовсе не только умирать, — пожимает она плечами. — И не только ради выгоды. Я вообще многое делаю совершенно бескорыстно. Вот смотри.

С этими словами она догоняет идущего впереди понурого парня моих лет в черной куртке и пару минут что-то говорит ему на ухо, а затем спускает очки на нос и заглядывает ему в глаза. Парень некоторое время удивленно смотрит на нее, а потом начинает кивать. Минут пять продолжается странный разговор, после чего парень вдруг срывается на бег. Я вздрагиваю и даже делаю рывок, чтобы остановить его: мне кажется, что он сейчас бросится под автобус.

Сирена останавливает меня мягким движением руки. Парень же, вместо того, чтобы выбежать на дорогу, догоняет идущую впереди девушку с крашенными черными волосами и россыпью значков на рюкзаке, и начинает ей что-то с жаром говорить.

— Теперь она — любовь всей его жизни, — с ироничной улыбкой заявляет Сирена. — Ну, или, по крайней мере, ближайших нескольких дней. Потом без подпитки морок сойдет, конечно.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — говорю я, глядя на растерянное лицо девушки, слушающей парня, достав из уха наушник.

— Скорее всего, — легко соглашается Сирена. — А может, и выйдет. Кто знает? В любом случае, играть роль бога очень приятно.

Мне так и не приходит в голову, что на это ответить, до того момента, когда мы добираемся до входа в метро.

— В общем, я сказала, а ты слышал, — произносит Сирена, остановившись на гранитных ступенях перехода. В ее голосе не звучит явной угрозы, но он становится твердым: серебряный колокольчик превратился в железный. — Десять процентов тебе и десять Артуру. Кто надумает — дайте знать мне через "Вестника". И учти: второй раз я не предлагаю.

С этими словами она грациозно разворачивается на пятках, и спустя пару секунд я уже ее не вижу. Что довольно странно, потому что толпы вокруг нет, и затеряться совершенно негде.

* * *

— Я не буду ей отвечать ничего, — уверенно произносит Артур. Он сидит на краю Круглого стола, покачивая в воздухе ногой в черном кроссовке. Кроме нас в Тронном зале никого нет.

— Ты думаешь, это ловушка? спрашиваю я.

— Для меня почти наверняка, — отвечает он. — А вот что касается тебя, она, может быть, вполне искренне предлагает тебе союз. Ну, насколько к ней вообще применимо слово «искренне».

— И что же? Дело выгодное?

— В принципе, да. Она, кстати, сказала правду: я тебе десять процентов пообещать не могу, ты уж извини. Пять максимум.

— Потому что «семеро по лавкам»? — спрашиваю я, стараясь, чтобы вопрос не

прозвучал слишком едко.

— Ну, а ты сам не видишь, что ли? — он хлопает ладонью по столешнице, чуть скривившись. — У меня есть обязательства, и с каждым днем их все больше.

Некоторое время мы молчим, и в гулкой тишине просторного зала слышится лишь треск факелов.

— Ей правда может быть так сильно нужно это? — я достаю из кармана зеленый камень, разглядывая его на ладони.

— Похоже на то, — отвечает Артур, наклоняясь к моей ладони и тоже пристально глядя на камень. — Знаешь, я раньше никогда не видел эти штуки. Говорят, в них правда скрыта огромная сила, но они очень разборчивы в выборе хозяина. Возможно, Сирена знает о них куда больше — она же была в Тир-на-Ног. Может быть, она даже знает, чем ты мог привлечь слезу. И хочет иметь тебя на своей стороне.

— Не буду я на ее стороне никогда, — отвечаю я, сжимая слезу в ладони.

— Я очень на это надеюсь, — кивает Артур.

* * *

Закрыв за собой дверь своей комнаты, я снова достаю из кармана слезу.

— Что ты такое? — тихонько спрашиваю я. — Или кто?

Я жду, что в ответ увижу какой-то образ, который подскажет мне ответ.

— Я часть, — слышится вместо этого в моей голове тонкий голос, который я и до этого слышал пару раз, общаясь со своим талисманом. Он очень красивый, но все же есть в нем что-то, немного отталкивающее. Наверное, потому что он явно чужероден. Он не мужской и не женский и какой-то слишком отстраненный. Впервые услышав его, я почему-то подумал, что, если бы тысячелетнее дерево могло говорить, оно говорило бы именно так.

— Часть чего? — переспрашиваю я.

- Часть того, что предназначено. Как и ты. Только ты более важная часть.

— Неужели? — удивленно спрашиваю я.

— Да, — отвечает голос. — Ты сможешь сыграть роль. Ты подойдешь. Мне чужд твой мир, но я не желаю ему зла. Поэтому мне нравится, что у твоего мира есть ты.

— Какую же роль я смогу сыграть? Роль тирна?

— А разве ты хочешь им быть? — переспрашивает слеза.

Откровенно говоря, я не слишком задумывался об этом. А правда, хочу ли я? Я ведь совсем не знаю, каково это.

— Я хотел бы увидеть их мир, — говорю я.

— Ты увидишь, — отвечает голос. — Ты много увидишь. Если сумеешь выжить.

— Ты правда... что-то вроде советника? — говорю я.

Я не слышу голоса в ответ. Образ, который приходит в мой разум... больше всего он похож на кивок головы. Сопровождаемый грустным вздохом.

— Тогда посоветуй мне. Что мне делать?

— Я посоветую тебе лечь спать. Узел затянулся. Он начнет развязываться завтра.

Несколько секунд я стою в полной тишине. Ну, и как прикажете засыпать после такого?

Дата: 04 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 13.

Уважаемые участники Турнира. Напоминаем вам, что во избежание сговора, ставки на тотализаторе "Хрустального дворца" как на самого себя, так и на соперников от участников Турнира не принимаются.

Рано утром, завтракая вместе с остальными рыцарями омлетом, который приготовили на всех Гвиневра с Изольдой, я получаю сообщение на свой человеческий телефон.

— Кто тебе там пишет в такую рань? — интересуется сидящий рядом Борс явно без всякой задней мысли.

— Сестренка, — отвечаю я, стараясь сохранять как можно более спокойный тон. На самом деле, по номеру я вижу, что это вовсе не Настена. Это капитан-командор Коновалов собственной персоной.

«Сможешь встретиться сегодня в 12 там же?» — спрашивает он. — «Есть важная информация для тебя».

Я невольно оглядываюсь по сторонам, словно заговорщик. Впрочем, в какой-то мере, я он и есть. Если кто-то из ребят узнает про мои контакты с офицером Ордена, ничего хорошего меня не ждет. О том, как относятся к орденским все нездешние, я наслышан.

— Я схожу сегодня в город? — спрашиваю я у Артура. — Купить кое-что.

— Да чего ты отпрашиваешься? — удивляется его величество. — Ты вообще птица вольная. Только будь осторожен, ладно?

В голосе Артура слышится тревожная нотка. Нет, он, конечно, не заподозрил, что я общаюсь с офицером Ордена. Тут другое: не подумал ли он, что я отправляюсь на встречу с Сиреной?

— К вечеру только приходи, — просит Марта. — Мне сегодня всю секцию «С» перебрать надо, я без тебя не справлюсь!

В отличие от Артура, она о моей вчерашней встрече не знает, а потому поводов для подозрений у нее нет.

— Наш новичок попал в библиотечное рабство, — усмехается Мерлин.

Я доедаю спокойно доедаю омлет, стараясь не демонстрировать, что куда-то тороплюсь.

* * *

— Ну, здорово! — Коновалов протягивает мне свою небольшую узловатую ладонь и крепко пожимает мою. — Как жизнь молодая?

— Да ничего особенно, Андрей Арсеньевич. Живем помаленьку, — я замечаю, что невольно начинаю подстраиваться к солдафонской манере капитана.

— Ну, что значит «помаленьку»? Не скромничай! Ты ведь теперь у нас рыцарь Круглого

Стопа, так ведь? Как тебя теперь называть? Сэр Ланцелот? Или, может быть, сэр Персиваль?

— Да никак. Я пока что временно исполняющий обязанности рыцаря.

— Испытательный срок? Ну, ясно. Все как у нас. Ладно, я тебя не за этим позвал. Помнишь, я тебе обещал, что могу подкинуть ценную информацию? В общем, как раз такая появилась. Одним словом, недавно в Москве зарегистрировано очень подозрительное место. По некоторым признакам, это может быть очень важный схрон. Вплоть до нескольких осколков четвертого уровня. Или одного пятого.

— А откуда стало известно? Вы же не можете заходить в схроны.

— А это тебе знать незачем. У нас свои методы наработаны за сотни лет. В общем, я могу тебе дать координаты этого места. Не за просто так, разумеется...

— Ну... в общем-то, да. Но никаких жертв от тебя не требуется. Ты просто должен пообещать мне, что постараешься убедить своего Артура взять тебя в случае победы с собой в Тир-На-Ног.

— Это как? Разве такое возможно?

— Насколько мне известно, да. Одного вассала с собой можно взять, в качестве слуги, оруженосца или чего-то такого. Здесь важно, чтобы это был ты. Понимаю, это будет сложно. Сам-то Артур наверняка планирует взять с собой свою мадам...

— Полагаю, что нет. Скорее всего, это невозможно.

— Вот как? И почему же?

Я мысленно прикусываю язык. Не слишком ли много я ему рассказываю? В конце концов, не будем забывать, что для Артура и прочих капитан Коновалов... нет, может быть и не враг, но уж и не друг точно.

— Она не может покидать Камелот, говорю я. — Не знаю, почему.

Капитан смотрит на меня немного удивленно. Как учитель на двоечника, неожиданно хорошо ответившего у доски.

— Ну, тем лучше, — произносит он, подумав немного. — Так ты согласен?

Я тем временем взвешиваю в голове условия сделки. На первый взгляд, они выглядят весьма заманчиво. Отправиться в Тир-на-Ног мечта любого нездешнего, это я еще после первого разговора с Бесом понял. Да и интересно ведь поглядеть на другой мир. Опять же, экипировка высшего класса на дороге не валяется, это я уже для себя уяснил. И найдя ее, я уж точно стану в Камелоте своим и обрету уважение. Вот только почему во всей этой истории мне чувствуется привкус предательства?

— Слушайте, а когда появился ваш Орден? — спрашиваю я Коновалова.

Капитан смотрит на меня с удивлением он явно ожидал какого-то другого вопроса.

— Орден возник восемьсот лет назад, — говорит он. Голос его при этом становится скучным, словно он читает вслух книгу. — Сначала это был настоящий рыцарско-монашеский орден, куда брали наиболее искусных воинов из других орденов. Капитан был в португальской Коимбре, потом переместился на Мальту. Формально он был в подчинении Папы Римского, но вся эта религиозная мишура имела к нам мало отношения. Мы знали, кто наш враг. Не дьявол. Хотя и почти.

— То есть, все-таки враг? Вы говорили, что с тирнами не воюете.

— Да теперь-то не воюем, конечно. Я про те времена. Впрочем, это сложно все. Одним словом, Орден непрерывно существует с тех пор. Сейчас в него, конечно, набирают людей не из тамплиеров, а все больше из отставников спецслужб по всему миру.

— А почему у вас эта птица на руке? — спрашиваю я.

— Это ворон, — отвечает капитан-командор, рефлекторно подтягивая рукав водолазки вниз. — Нас часто называют Орденом Ворона, хотя официально мы так не зовемся. Ворон мудр, все видит, но не хищен.

— Ну, да, — отвечаю я. — Питается падалью.

— Мы тоже в некотором роде ей питаемся, — без всякой обиды отвечает Коновалов. — Мы владеем многим, что недоступно простым людям. И владеем этим только потому, что знаем про тирнов, и веками с ними контактировали так или иначе. Можно сказать, что мы питаемся объедками чужой силы. Но неплохо отъелись на них.

Он усмехается.

— Впрочем, это все дела давно минувших дней, а мне теперь важно, что ты ответишь, — спохватывается капитан-командор. Пока он просвещал меня насчет истории Ордена, я уже принял решение.

— Хорошо, — отвечаю я. — Где именно искать схрон?

— Это на улице Космонавта Волкова, — говорит он. — Точные координаты я тебе пришлю. В подъезде между третьим и четвертым этажом есть окно на лестничной площадке. Наши аналитики предполагают, что вход активируется, если взяться за ручку. Доступно?

— Вполне, — отвечаю я.

— Ну, тогда до скорого, рыцарь. Дай знать, когда тебя король Артур возьмет с собой на Авалон. Я рассчитываю на тебя.

* * *

Беса я нашел в библиотеке Камелота. Он рассматривает какую-то книгу, судя по обложке, посвященную хронике турниров в Италии XV века. Подозреваю, впрочем, что его интересуют больше иллюстрации: они там и правда затейливые.

— У меня есть к тебе просьба, — начинаю я, когда он оборачивается, услышав мои шаги.

— Какого рода? — спрашивает он, поставив книгу на место.

— Видишь ли, у меня есть очень важная информация для Артура. Возможно, это реальный шанс для нас. Вот только я не могу ему просто так ее передать.

Бес смотрит на меня удивленно.

— А в чем проблема? — спрашивает он.

— Понимаешь, если я ему это расскажу, он спросит, откуда я узнал. И мне будет нечего ему ответить.

— Потому что информация от твоего капитана, так?

— Именно.

— Я тебе уже говорил, что я думаю по этому поводу, — лицо Беса становится напряженным. — Бойся данайцев, дары приносящих.

— Это не дары. Он хочет помочь нам, потому что не хочет победы этой маньячки. Все честно.

— Не уверен, что слова «Орден» и «честно» можно употреблять в одном предложении. Это может быть ловушкой.

— То же самое ты говорил про приглашение в Камелот!

— И был абсолютно прав! Или тебе напомнить, чем едва не закончилось твое свидание с той рыженькой? Да, пусть она действовала без ведома Артура — хотя на твоём месте я все еще не был бы уверен в этом на сто процентов — но опасаться ее все равно стоило. А капитана и его Ордена нужно опасаться в десять раз сильнее. И ты сам это понимаешь — потому и не спешишь бежать к Артуру со своей информацией. Что это, кстати?

— Схрон. Возможно, с чем-то очень сильным.

Бес в раздумье барабанит пальцами по столешнице.

— Да, схроны обнаруживать они умеют. Может быть, даже лучше нас. А войти в них не могут. Это может быть правдой.

— Так ты согласен сказать об этом Артуру?

Бес снова погружается в раздумья.

— Ты понимаешь, что приближаешь его победу, а не свою? — спрашивает он, нахмурившись немного.

— Его победа — это и моя победа тоже, — отвечаю я. — И твоя.

— Я бы не был в этом так уверен. Знаешь, я давно хотел поговорить об этом с тобой. Я вижу, как ты на него смотришь. Да, он классный парень. Харизматичный, настоящий лидер и все такое... Но насколько реально можно ему доверять? Ты уверен, что мы с тобой не ошиблись?

— Мы не ошиблись просто потому, что никаких других вариантов у нас нет. Как минимум, никто другой не стал бы терпеть рядом с собой другого претендента — живого и не связанного.

— Тут ты, пожалуй, прав, — кивает Бес. — Ладно, я скажу ему. Скажу, что про этот схрон знаю со времен своего турнира, но в одиночку сунуться туда побоялся. Так ведь на самом деле и было — только я знал про другой схрон, и ты там уже был. А раньше не сказал ему я потому, что не до конца доверял. А теперь, вот, доверяю. Так?

Я киваю. Мне хочется обнять Беса, но вместо этого я жму ему руку.

— Цени, — говорит он со значением. — Когда-нибудь я за это попрошу тебя отдать своего первенца. Или что там обычно просят в сказках.

Вечером во время трапезы за Круглым столом Артур с воодушевлением объявляет о том, что с утра мы отправляемся в перспективный схрон.

* * *

Ночью я долго не могу заснуть. Меня мучает вопрос: правильно ли я поступил, согласившись на предложение Коновалова? Не была ли это ловушка?

Как всегда, столкнувшись с неразрешимым вопросом, я беру в руки слезу. Теперь, когда я знаю, что она способна мне ответить, меня все чаще тянет спросить у нее совета.

— Что ты думаешь об Ордене Ворона? — спрашиваю я мысленно теплый камень.

Ответ приходит сразу же. Первое, что я чувствую, это запах гари. Сперва мне кажется, что я не вижу вообще ничего. Но потом я понимаю: мне застилает глаза дым. Он черной тканью клубится перед глазами, не давая разглядеть, что же именно хочет сказать мне слеза. Становится тяжело дышать дым выедаёт мне глаза и заменяет собой воздух в моих легких. Меня пробивает кашель. Я понимаю, что слеза милостиво показывает мне лишь малую часть

страданий человека.

Но вот точка обзора меняется, и теперь я вижу, на чьем месте только что побывал. Слеза показывает мне площадь, полную народа. Я с удивлением понимаю, что это Красная площадь. Вот только не такая уж она красная: стены Кремля выбелены, ни Мавзолея, ни исторического музея нет. Толпа, кишущая на площади, состоит по большей части из бородатых мужиков в кафтанах. Все это кажется кадрами из какого-то исторического фильма.

Посреди площади я вижу три пылающих строения, похожих на избы без крыш. И понимаю: это я только что был в одном из них. Я задышался в жарком дыму среди горящего сена и занимающихся бревен.

И тут точка съемки меняется снова, словно невидимый оператор решил обратить на что-то мое внимание. Отдельно от толпы на возвышении стоит человек, одетый в черную долгополую шубу. В руках у него свиток похоже, он только что читал приговор, а теперь наслаждается зрелищем горящих заживо людей. И тут я замечаю на его ладони знак. Я бы не придал ему значения, если бы не видел точно такого же знака у капитана-командора черный ворон, расправивший крылья.

Спасибо, слеза. Я понял, что ты думаешь об Ордене. Похоже, с Бесом ты в том смысле солидарна.

Спокойнее мне, впрочем, не стало.

Глава 17

Дата: 04 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 10.

Фирма настоятельно рекомендует участникам соблюдать осторожность и не предпринимать никаких авантюр.

Пожалуйста!

В кабинете орденского начальника обстановка выглядит накаленной.

— Вообще-то, подобные операции следует согласовывать со мной и с Управлением режима, — говорит он, нахмурившись, катая по столу восьмигранную ручку. — Это же раскрытие секретной информации.

— Не было времени, — негромко отвечает Коновалов, глядя в стол, на котором лежит аккуратно разорванный на четыре части листок. — Информация только пришла, а положение на Турнире постоянно меняется. Агента могли просто убить за это время.

— Предположим. Но ты хотя бы издали представляешь, что будет, если этот осколок попадет в руки не к твоему агенту, а к кому-то еще?

— Ситуация под контролем, — уверенно говорит Коновалов. — Их там будет целая толпа — никто не позволит другому скрыться осколок и уйти.

Начальник медленно отбивает напряженную дробь ручкой по столешнице.

— Нет, так нельзя, — произносит он, потирая лоб. Похоже, у него болит голова. — Поразительное легкомыслие. С кем приходится работать! В общем, так. Прервать твою операцию я не могу — фарш невозможно повернуть назад. Но ты должен представить мне немедленно свои соображения по поводу того, как гарантировать, что осколок не попадет не в те руки.

— Когда представить? — деловито переспрашивает Коновалов.

— Вчера! — рявкает руководитель. — У него на завтра операция без нормального прикрытия назначена, а он вопросы глупые задает! Быстро, работать! Еще ведь организовать все надо будет, что ты там придумаешь со своими оперативниками. Наблюдение за точкой выхода установить уже сейчас. Все, давай! Одна нога здесь, другая там!

Капитан-командор покидает кабинет со скоростью пушечного ядра.

Его начальник проводит ладонью по лбу с усталыми складками.

* * *

Порядок выхода мы обсудили заранее: всей толпой не идем, внимание к себе привлекаем по минимуму, двигаемся парами и по разным маршрутам.

Первыми покинули Камелот Борс и Гарет. Они вышли из стены станции, чтобы тут же снова зайти в нее, но уже как нормальные люди, через дверь. Потом они должны были купить билеты, доехать до Белорусского вокзала и уже оттуда ехать на Войковскую. Следующими ушли сквозь стену Артур и Марта. Они, изображая парочку, направились на

автобусную остановку. Вслед за ними схожим маршрутом отправилась настоящая парочка: Тристан с Изольдой. Мы с Бесом вышли последними и направились к метро.

На улице еще темно. Мелкий дождь льется с неба на головы одиноких прохожих. Вокруг станции и вдоль шоссе горят фонари. Мы спускаемся по лестнице под мост, недра которого тоже освещены желтым гнетущим светом.

— Ты уверен, что можно доверять этому капитану? — спрашивает меня Бес, ежась в своей легкой куртке с поднятым воротником.

— Теперь уже поздно об этом думать, — говорю я. — Раз уж пошли.

— Ничего не поздно. Можешь позвонить сейчас Артуру и рассказать ему, откуда знаешь про схрон. Он сразу развернет всех.

— И как мы с тобой будем выглядеть тогда? Нет уж, раз полезли чего теперь...

Час спустя мы стоим возле старой кирпичной пятиэтажки с окнами, выходящими в небольшой сквер.

— Все на месте потерь нет, — деловито констатирует Борс, когда последними к нам под ходят Артур и Марта: их автобус встал в пробке.

— Сплюнь, — мрачно отвечает ему Гарет.

— Так, ладно, разговорчики отставить, — становится вдруг совершенно серьезным Артур. — Энергию в осколки, и по двое в подъезд. Там беремся за ручку окна между третьим и четвертым этажами. Попав в схрон, ждем остальных.

Первыми в подъезд входят Борс и Гарет. Минуту спустя, Борс звонит на мобильник Артура.

— Все чисто, мы идем в схрон, — слыша я из гарнитуры Артура бодрый голос Борса.

— Окей, говорит Артур. — Следующие.

Следующими идут Тристан и Изольда. Судя по всему, у них тоже все в порядке. Дальше очередь наша с Бесом.

— Странно, — говорю я, когда мы с ним поднимаемся по старой лестнице вдоль изрисованной несколькими поколениями стены. — В том доме схрон был в квартире. Ты говорил, что в ней, наверное, случилось что-то. Какое-то убийство или что-то вроде того. А здесь что?

— Мало ли, — пожимает плечами Бес. — У капитана своего спроси. Они тщательно собирают инфу о подобных случаях: убийствах, самоубийствах, обо всяких психах. Вся полиция пронизана их агентами. Именно так они и вычисляют схроны.

— Ты думаешь, так? Я думал, у них техника, магия...

— Техника тут бесполезна, — уверенно парирует Бес, — а магия... да какая, нахрен, магия у Ордена? Орден — за то, чтобы никакой магии вообще не было, чтобы забыть ее, как страшный сон.

Болтая таким образом, мы добираемся до нужного нам этажа. Обстановка здесь ничем не отличается от предшествующих лестничных пролетов. Разве что, на полу одиноко валяется бутылка из-под дешевого коньяка. Надо же, кому, интересно, пришло в голову здесь распивать? Я отчетливо чувствую недобрую силу этого места. Правда, ощущение немного иное, нежели в моем первом схроне. Если оттуда хотелось бежать со всех ног, то здесь скорее хочется упасть на пол, обнять колени и рыдать от несовершенства мира. Но в любом случае, какое-то неподходящее место для вечеринки.

— Мне кажется, кто-то убил себя здесь, — тихо произносит Бес. — Возможно, даже не один человек.

Похоже, он чувствует то же, что и я.

Я осторожно берусь за ручку окна, и в ту же секунду мир вокруг перестает существовать. На этот раз я более четко чувствую момент, когда один мир сменяется другим. Кажется, в тот раз это произошло мгновенно. Сейчас же я сперва несколько секунд пребывал... Где? Вероятно, нигде. Посреди ничего. Наверное, что-то похожее чувствуют люди, когда умирают. Ощущение полного ничто. Чувство, что тебя нет.

Это безумно страшно. Страшно, что это никогда не закончится, и я навечно зависну посреди небытия. Но вот оно отступает, и я открываю глаза. Вокруг меня светят телефонными фонариками ребята: мы в какой-то сырой пещере. Это лишь немного похоже на то, куда я попал в своей первой вылазке. Не рукотворное подземелье, а естественный каменный мешок. Воздух пахнет пылью и кажется густым и душным.

— Похоже, мы очень глубоко под землей, — слышится неподалеку голос Борса.

— Скорее, мы глубоко в жопе, — тихо отвечает ему Гарет.

— Отставить разговоры, — в пещере бесшумно появляется Артур. — Есть идеи, куда двигаться?

Я проверяю слезу в кармане, но на сей раз она не пульсирует. Похоже, это подземелье ей неизвестно, и где искать здесь осколок она не знает.

Когда последние из ребят оказываются внутри, Артур делает знак двигаться вперед, к узкому проходу, за которым виднеется длинный коридор с неровными стенами. Все идут молча, поводя из стороны в сторону лезвиями клинков. Изольда вооружилась белым стеклянным арбалетом, а Мерлин держит в руках что-то вроде посоха с заостренным концом. Никакого освещения здесь нет: Марта и Артур светят фонариками, и их лучи выхватывают то бесформенное пятно разросшейся на стене плесени, то струйку воды, стекающей с потолка, то проросшие прямо сквозь стену жутковатого вида белесые корни.

— Совсем непохоже на Камелот, верно? — спрашиваю я Мерлина, проводя ладонью по грубому камню стены.

— Схроны очень разные, — отвечает он. — Никогда не знаешь, куда попадешь. Я однажды был внутри огромного дерева, а в другой раз — в зеркальном лабиринте.

Едва мы собираемся повернуть направо, как из-за него с диким криком выскакивает черный силуэт, в котором я сразу узнаю фомора. Я не успеваю даже изготавиться к бою, как идущий впереди Артур пронзает его мечом, и тот, сделав пару конвульсивных движений рассыпается в пыль.

— Смотреть внимательно! — резко бросает Артур. — Их тут наверняка много! Могут с любой стороны напасть.

Гарет занимает позицию чуть позади всех, и я время от времени оглядываюсь на него. Становится немного не по себе.

Когда мы минуем небольшую нишу, мне внезапно чудится в ней черная фигура, и я бросаюсь на нее с клинком, но тот лишь с глухим стуком ударяется о камень, выбив из него несколько мелких осколков и отразившись тупой болью в руке. Оказывается, я напал на выросший из пола каменный сталагмит. Приглушенный хохот и несколько острот служат мне наградой за победу, и это немного разряжает обстановку. Но в целом все остаются мрачными.

Мы продолжаем двигаться вперед по коридору, заглядывая во все встречные ниши и коридоры. Никаких следов осколка, только сырость, холод и тьма, разрываемая лучами фонариков. Постоянное ожидание нападения висит над нами свинцовой гирей. Хочется уже,

чтобы завязалась драка — в ней хотя бы понятно, что делать.

В какой-то момент, едва протиснувшись через узкий лаз, я вдруг обнаруживаю, что Гарета за мной нет. Кажется, еще минуту назад я слышал его шаги за спиной это точно. Но где же он сейчас? Меня пробивает дрожь. Неужто кто-то или что-то похитило его совершенно бесшумно, всего в паре шагов от меня? Справа от меня, шагах в десяти позади зияет отверстие бокового коридора.

— Стойте, ребята! — говорю я, и все останавливаются, причем некоторые — вздрогнув.

— Что такое? — спрашивает Артур?

— Гарет, — киваю я в сторону прохода.

— Куда он делся? — спрашивает тихо Борс.

— Ушел, — отвечает тем же тоном Мерлин. — Один пошел в тот проход.

— Но зачем? — спрашиваю я.

— Почувствовал что-то, — говорит Мерлин. — Некоторые твари в схронах умеют приманивать людей. А еще это умеют некоторые осколки. Настолько мощные, чтобы выбрать себе хозяина.

— Собраться! — командует Артур, и все послушно подбегают к нему. Я занимаю позицию на правом фланге. В глазах у всех, кроме флегматичного Мерлина и старающегося держать удар Артура, явно плещется ужас.

— Надо идти туда, — говорит Тристан. — Проверить, что с ним.

И тут мы понимаем, что идти уже никуда не надо. Гарет сам выходит из коридора. Он даже и не пытается прятаться и просто идет нам навстречу, хотя и выходит у него это совершенно бесшумно. Тело его залито стеклом полного доспеха. Угольно-черного. Совсем не похожего на обычный доспех Гарета. Сперва я даже не уверен, что это он, но потом замечаю рукоятку его синего меча за спиной. Руки Гарета заканчиваются двумя лезвиями, выросшими из костюма. В такт его шагам начинает дрожать пол под нашими ногами. Похоже, схрон уже разрушается. Осколок нашел своего хозяина.

— Ого, где ты взял такую штуку? — вырывается у Борса. Он опускает меч и хочет сделать шаг в сторону черной фигуры.

— Стоять! — рявкает на него Артур.

— Все закончено, ребята, — спокойно произносит Гарет. — Просто выпустите меня отсюда, если хотите жить.

— Чувак, ты так не шути, — отвечает Борс испуганным голосом. — Сними эту хрень, ес сначала надо идентифицировать.

— А я уже идентифицировал, — отвечает Гарет. — Это пятый класс. Выше не бывает. Да, мы и в самом деле не зря сюда пришли. Такие находки во всем мире бывают не каждый год.

— Просто сними ее, и давай поговорим спокойно, — Артур старается выразиться максимально сдержанно, но меч при этом держит наизготовку.

— Не буду я ее снимать, — напирает Гарет. — И говорить тут не о чем. Да, я сдуру сдался тебе, и титул теперь не получу. Ну, да и хрен с ним. С такой штукой меня возьмет в свою гвардию любой лорд.

— Эй-эй, ты чего! — Борс все еще не понимает, что происходит. Он начинает двигаться в сторону Гарета в боевой стойке.

— Стоять!! — еще громче орет Артур. После этого он снова обращается к Гарету. — Перестань глупить. Ты уже в моей гвардии. Чего тебе еще надо?

— Ну, а чего обычно людям надо? Деньги, уважение, перспективы. Будет ли у меня все это в Камелоте я не знаю. Может быть, тебя завтра убьют, и что тогда? А так у меня все будет. С гарантией.

— Предателей нигде не любят, — произносит Артур. Такого лица я у него никогда еще не вицел.

— Я тебя не предавал, — пожимает плечами черный силуэт. — У нас был договор. Он расторгнут. По не зависящим от сторон обстоятельствам. Неожиданно я стал сильнее тебя, и твоим вассалом уже не буду.

— Мне нужна эта вещь, — спокойно произносит Артур. — Чтобы победить Сирену. Ты это сделать не сможешь она просто застанет тебя врасплох, загипнотизирует и заставит перерезать самому себе горло вот этими лезвиями.

— А зачем ей это? — усмехается Гарет. — Это тебя ей нужно убить. А я ей не соперник.

— Это разумно, — неожиданно спокойно говорит Артур. — Вот только зря ты думаешь, что она будет поступать разумно. Логику психопата сложно понять. Просто она никогда не будет терпеть рядом с собой человека с более сильным осколком, чем есть у нее. А если ты отдашь его ей, то станешь для нее никем. С нами безопаснее.

— Да в гробу я вас всех видал! — шипит Гарет. — После... после Джинджер вы все... видеть вас больше не хочу.

После этого он поворачивает голову в мою сторону. И делает шаг ко мне, поднимая руку.

По моей спине пробегают холодные скользкие мурашки. Я тоже поднимаю лезвие, вставая в защитную стойку.

— А вот об этом я давно мечтал, — спокойно и без всякой агрессии в голосе произносит Гарет. И от этой безэмоциональности слова звучат еще более зловеще. — Сейчас ты признаешься мне во всем. Как ты убил Джинджер, как подделал запись. А вы, остальные, будете слушать его признания, и наконец, поймете, что я был прав.

— Гарет, не глупи, — в голосе Артура проступает паника. — Ты прекрасно знаешь, что он не виноват. «Эфир» не обманешь. Ну, может, и обманешь, но для этого нужно быть артефактором высокого уровня. А он еще неделю назад ничего не знал про тирнов и осколки.

Я привычным уже импульсом направляю энергию от головы к кристаллам, и тут же чувствую, как мое сознание сливается с сознанием древних артефактов, облепивших мое тело. Время замедляется. Движение ребят становятся на удивление неспешными. Всех, кроме Гарета.

В своем костюме он похож на гигантское и очень опасное насекомое. Особенно сходство усиливает шлем: черный с огромными многогранными линзами глаз. Гарет надвигается на меня неумолимо его движения кажутся очень быстрыми и точно выверенными.

Сейчас я намного умнее и осторожнее меня обычного, к моим услугам многовековой опыт почти разумного магического оружия, которое служит мне. Но даже несмотря на это я понимаю, что против Гарета я сейчас бессилен, как кавалерист против танка.

— Вжик! — рассекает воздух его правое лезвие, и я машинально отпрыгиваю в сторону. При этом только чудо и усилившаяся многократно реакция не дают мне попасть в ловушку: изготовившееся для удара второе лезвие проходит в миллиметре от моего лица.

Я даже не думаю о том, чтобы контратаковать. Вся вычислительная мощь моего усилившегося мозга уходит только на то, чтобы просчитывать траекторию уклонения от все новых и новых ударов, обрушивающихся на меня. Один раз я не успеваю уклониться до конца, и черное лезвие выбивает сноп искр из моего правого плеча, которое тут же пронзает боль. Нет, в мое тело клинок не впился: меня поранило осколками моего же доспеха, смягчившего удар.

Прочие рыцари вокруг нас с Гаретом начинают двигаться быстрее: все привели свои доспехи в полную готовность. Но, все равно, они сейчас слишком медленные. Артур, попытавшийся прикрыть меня, получает ленивый удар клинком плашмя и падает на спину, и я даже не успеваю понять, насколько сильно ему досталось, когда новый молниеносный удар черного лезвия заставляет меня уйти в кувырок.

Я слышу, как что-то отчаянно кричит Борс. Кажется, он пытается урезонить Гарета. Естественно, это не работает. Новый удар нацеленный аккуратно на то, чтобы отсечь мою голову, мне едва удается отвести своим клинком.

— Ах ты мразь! — раздается вдруг в гулком подземелье тоненький и даже немного смешной голос. Это Марта со своими низкоуровневыми доспехами только сейчас смогла более или менее войти в резонанс с нами. Теперь мы для нее не просто вихрь бешено вращающихся клинков: она может разобрать отдельные движения. Но не более. Сама же она кажется мне все еще очень медлительной, словно идет по дну моря.

Гарет даже не тратит на нее движение лезвия, а просто пинает ногой в черном блестящем латном сапоге, отчего Марта впечатывается в неровную стену с хрустом. Мне изо всех сил хочется верить, что это хрустнули камни или хотя бы доспехи, а не ее кости.

— Беги! — кричит Артур. Его голос доносится до меня, словно из лесной чащи. Я понимаю, что он прав — против Гарета в его новых доспехах мне не выстоять. Увернувшись от очередного удара, едва не распластавшего меня пополам, я бросаюсь бежать к выходу. Гарет кидается за мной, его шаги гулко отдаются в каменном коридоре.

Вскоре я осознаю, что оторваться от него не смогу. Доспех помогает мне двигаться, но сбитое дыхание никуда не денешь. Он догоняет меня. Стремительно.

Остается всего пара секунд до того момента, когда он догонит меня и пронзит своими лезвиями, как жука булавкой, когда прямо перед моим лицом пространство прорезает наискосок трещина, а в ней виднеется окно на лестничной площадке, через которое мы попали в схрон. Мне не остается ничего другого, кроме как броситься туда, собрав последние силы, которые осколки выжимают из меня.

В следующую секунду я, перевалившись через подоконник, падаю на грязный пол подъезда, чувствуя, что здесь-то мне и конец. Едва успев вскочить на ноги, я оказываюсь лицом к лицу с Гаретом. Лезвия его костюма хищно клацают друг о друга, словно челюсти огромного насекомого. В своей победе он не сомневается.

Я отчетливо понимаю, что от следующего его удара уже не увернусь — все системы моего костюма орут мне диким криком о том, что резервов не осталось, и любая попытка их задействовать закончится тем, что я упаду к ногам противника безвольной куклой. Перед глазами все плывет и откуда-то с краев поля зрения надвигается темная пелена.

И в этот момент лежащая на полу бутылка вспыхивает ярким голубым светом, окутывая Гарета светящимся куполом. Секунда, и он с удивлением смотрит бессильно сползший к нему на ладонь осколок, похожий на черный коралл — словно тьма разрослась в разные стороны древовидными отростками. Он стоит передо мной без всякой брони.

Возможно, будь ситуация немного иной, я бы поколебался. Но сейчас мне раздумывать некогда. Я не знаю, чем вызван сбой доспехов Гарета, и как долго он продлится. Рисковать тут нельзя. Один удар, и Гарет падает на пол, хватаясь руками за пронзенную лезвием шею. В его глазах застыла ненависть — черная, словно его осколок. И безграничное удивление.

Появившийся через секунду из окна Артур удивлен ничуть не меньше.

— Как тебе удалось? — спрашивает он. — Опять эта твоя слеза?

А я понятия не имею, что ему ответить — только отрицательно качаю головой. Этого движения вполне хватает для того, чтобы я потерял последние крохи сил и провалился в черную мглу небытия.

Глава 18

Дата: 06 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 5.

Ввиду гибели в один день сразу нескольких претендентов Фирма призывает к крайней осторожности.

Претендентам и их близким рекомендуется не покидать свои дома до открытия Врат.

Когда я прихожу в себя, то вижу лишь красноватую тьму и чувствую пальцами тепло. В первое мгновение, я не могу понять, где я и что меня окружает. Для этого нужно сделать какое-то усилие, хотя бы приподнять голову. А мне не хочется. Хочется, чтобы всегда была эта тьма перед глазами и теплое прикосновение.

Внезапно тепло вокруг моих пальцев вздрагивает и рассеивается. Я не могу понять, отчего это произошло — возможно, это связано с тем, что я застонал. Я хочу узнать, что случилось. Для этого все-таки придется открыть глаза. И я их открываю.

Эту комнату я видел раньше — это импровизированный лазарет в Камелоте. На самом деле, пациентов в нем никогда на моей памяти не было, но Изольда в свое время настояла, чтобы под него выделили отдельную комнату. А никто и не возражал — свободных комнат в Камелоте было явно больше, чем нужно для всех рыцарей Круглого Стола. Если кто и жил по двое, то не от тесноты.

В глазах у меня все немного мутится, так что сперва мне кажется, что за руку меня держит именно Изольда. Хотя с чего бы ей? Когда зрение проясняется, я вижу, что это Марта.

— Мне было так страшно, что ты не очнешься, — произносит она тихонько.

Я пытаюсь улыбнуться ей, но у меня не очень получается — тело словно ватное.

— Лежи спокойно, — говорит Марта. — Изольда обработала тебя какой-то штукой, возвращающей силы. Все должно быть хорошо. Но не сразу, конечно.

— Сколько времени прошло? — спрашиваю я.

— Ты третий день тут. Лежи спокойно. Тебе рано вставать.

В следующую секунду в дверном проеме появляется фигура Артура.

— О, очнулся! — радостно произносит он. — Слава богу!

— Привет! — вяло киваю я.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Артур. — В разборе полетов сможешь поучаствовать? Твое мнение важно. Для суда.

— Суда? Над кем? — удивленно спрашиваю я. Мне приходит в голову только, что судить будут Гарета, но он же, наверное, мертв. Или его смогли реанимировать? Но зачем?

— Над Бесом, — говорит Артур. — В Камелоте нет тюремных камер, так что мы заперли его пока что в камерке возле библиотеки.

— Не понял, — растерянно отвечаю я. — Беса-то за что?

— Он привел нас к схрону, на выходе из которого стояла сфера отрицания, — говорит Артур. — Такие сферы использует Орден Ворона — они полностью подавляют магию того, кто оказался в зоне действия. В частности, выводят из строя осколки. Эта сфера спасла тебе жизнь. Но установили ее там явно не для этого. Мы хотим понять, зачем. Я не сомневаюсь,

что Бес — агент Ордена и зачем-то заманил нас в ловушку, которая сработала таким вот неожиданным образом. Но нам важно знать детали. И лучше всех их знаешь ты — кроме тебя и Гарета там никого не было, когда сработала эта штука.

— То есть, Бес не сказал, откуда ему на самом деле известно про схрон? — уточняю я.

— Нет, — отвечает Артур. — Говорит, что не скажет, пока ты не придешь в себя.

У меня перехватывает горло.

— Бес ни в чем не виноват, — выпаливаю я.

— Почему это? — удивленно спрашивает Артур. И добавляет, — Марта, ты не могла бы выйти на минутку?

— Потому что про схрон сказал ему я, — отвечаю я, когда Марта выходит из комнаты, напоследок взглянув на нас удивленно.

— Ты не шутишь? — Артур выглядит шокированным.

— Нет, не шучу.

Артур некоторое время барабанит пальцами по дверному косяку.

— Это многое меняет, — произносит он. — Но почему тогда мне про схрон сказал он, а не ты?

Я молчу.

— Это не игрушки, Игорь, — говорит Артур. Тон его становится жестким, как наждак. — Откуда у тебя информация про этот схрон?

— От капитана Ордена, — спокойным голосом произношу я. — Если вы искали агента, то это я, а не Бес.

— Это серьезное признание, — отвечает Артур, удивленно присвистнув.

— Я понимаю. И что ты теперь со мной сделаешь?

— Для начала мне нужно понимать, какое у тебя задание.

— Выиграть турнир. Либо добиться от того, кто выиграет, обещания взять меня с собой в Тир-На-Ног.

— И только? А дальше?

— Дальше — по обстановке.

— То есть, Орден заинтересован в том, чтобы турнир выиграл ты или твой друг?

— Ну, да.

— Это может быть полезно, — задумчиво произносит Артур. — Вот только ты же понимаешь, что ты теперь в моих глазах что-то вроде двойного агента, и я не понимаю, насколько тебе можно не доверять.

— Я готов прямо сейчас поменяться местами с Бесом, — спокойно отвечаю я.

Артур в ответ только устало машет рукой.

— Брось это все. И Беса сейчас выпустим, и ты не бери в голову. Если Орден не против меня, пока по крайней мере, то так тому и быть. У нас есть более насущные вопросы. Да и день рождения Ани не хотелось омрачать этим судилищем...

— Сегодня ее день рождения? — мне хочется уточнить, первый или второй, но я не решаюсь.

— Ну, да, — отвечает Артур. — Ей девятнадцать исполняется. А тут такое. Борс с девчонками пирог испекли, еще что-то приготовили, но не знают, что со всем этим делать. Мерзко это все.

Я осторожно пытаюсь подняться на ноги. По крайней мере, удастся опустить их вниз, сев на кровати.

— Да лежи ты, — машет на меня руками Артур.

Я чувствую, что полежать в самом деле не мешало бы: голова кружится, а прочие части тела слушаются меня не в полной мере. Но с другой стороны, и належался я достаточно.

— Нечего разлеживаться, — говорю я себе под нос. — А то неправильно это. Я лежу, а Бес — сидит.

* * *

Первым делом, встав с постели, я направляюсь в узилище Беса. На эту скромную каморку я раньше никогда не обращал внимания — Мерлин хранил там какие-то ингредиенты для своих малопонятных занятий по идентификации кристаллов. Учитывая его неряшливость, свалены они были в два мешка, а больше в кладовке ничего и не было. На одном из мешков сидел Бес, прислонившись спиной к стене.

— Заключенный, на выход, — бодро объявляю я, отпирая дверь. — Амнистия тебе вышла.

Мне показалось, голос позвучал устало — голова у меня все еще кружится.

Бес тут же вскакивает на ноги.

— О, очнулся, все-таки! — восклицает он. И чуть понизив голос спрашивает: «Что ты им сказал?».

— Правду сказал, — вздыхаю я. — Правду говорить легко и приятно.

— И тебя не посадили на мое место?

— Как видишь. Видать, я у Артура любимчик.

— Похоже на то, — усмехается Бес. — И что теперь?

— Пойдем теперь день рождения праздновать.

Когда мы входим в тронный зал, то обнаруживаем там рыцарей Круглого стола в полном составе: только нас с Бесом не хватало. Прямо над хрустальным мечом кто-то повесил нарисованный вручную транспарант: «Аня, с днем рождения!», а воздухе витает аромат сладкого пирога — похоже, с бананом и еще чем-то незнакомым.

— О, кто-то ореха Коа не пожалел ради праздника, — произносит тихонько Бес. — Попробуй, классная штука в выпечке.

Именинница стоит прямо под транспарантом и не знает, куда девать руки — похоже, она тронута тем, что про нее не забыли даже в такое время. Прочие рыцари распределились вокруг стола и выглядят немного смущенно — похоже, это первый день рожденья в Камелоте, и церемониал еще не установился. — Ребята, — произносит Артур, явно осознав, что кроме него командовать парадом некому. Он говорит негромко, но все как-то инстинктивно замолкают. — Я хотел сказать... В общем, сейчас время сами знаете какое, и я бы рад отметить праздник при более радостных обстоятельствах. Но времена не выбирают — нужно жить в какие есть. Поэтому я рад, что могу сейчас поздравить Аню. Она удивительный человек. Вы сами это знаете не хуже меня. Мы ей всем обязаны, на самом деле. Наверняка нет среди нас того, кому бы она чем-нибудь не помогла или не дала хороший совет.

При этих словах я вспоминаю, как однажды обмолвился при Ане, что не могу уснуть на новом месте, и в следующую ночь услышал в своей комнате умиротворяющий звук прибора,

под который заснул, как убитый.

— Аня, нет слов, чтобы выразить то, как много ты для всех нас делаешь, — продолжает Артур. — Что касается меня лично... ну, это я, наверное, тебе отдельно сегодня скажу. В любом случае, мы все хотели бы пожелать тебе огромного счастья! А сейчас что, давайте веселиться, пирог стынет!

— По-здра-вля-ем! — подхватывает нестройно десяток глоток, а именинница мило краснеет, глядя на своего короля.

Когда мы, сидя за столом, чинно поедаем пирог маленькими вилочками, сидящий рядом Борс протягивает мне что-то под столом.

— Вот, — произносит он. — Все, что осталось от Гарета. В принципе, он твой теперь по праву.

Я верчу в руках зеленоватый скругленный осколок с шишковидными выступами.

— Что это? — спрашиваю я.

— Шлем его запасной, — отвечает Борс. — Он его тогда на задание не взял. А что взял — то все сгорело из-за сферы. Включая и эту его... находку. Сфера все наполнение кристаллов выжигает начисто. Говорят, их в Тир-На-Ног как-то могут восстановить, но тяжело и долго. Так что их теперь только в Фирму сдать можно, и то за символическую цену.

— Спасибо, — говорю я. — Наверное, пригодится.

— Он барахлит, откровенно говоря, и энергию плохо держит — поясняет Борс. — Но зато может трансформироваться под твои нужды. Ну, там, если тебе водолазная маска понадобится, например.

— Ну, а теперь, видимо, танцы! — весело произносит Аня и хлопает в ладоши, отчего свет в зале становится приглушенным, а в воздухе неизвестно откуда начинает играть медленная и щемяще грустная мелодия. В принципе, может быть, это и не магия, а она просто подключила колонки к негатору и настроила освещение. Аня улыбается и кладет ладони на плечи Артуру. Рядом с ними кружатся, обнявшись, Тристан и Изольда.

Я безучастно сижу за столом, рассматривая зеленый кристалл. Вот уже второй, доставшийся мне от убитого мной человека. Мне в голову приходит мысль о том, что я ведь мог его не убивать, в общем-то. Да и Джинджер, наверное, тоже. Почему-то от этого становится мучительно горько, словно я отхлебнул уксуса вместо колы.

От этих мыслей меня отвлекает чья-то ладонь у меня на плече.

— Ты не против... тоже потанцевать? — спрашивает меня Марта.

Откровенно говоря, я не в том настроении, и вообще не слишком понимаю, к чему этот пир во время чумы. Может быть, нас завтра всех убьют, и что тогда? Ане-то, может быть, ничего: ей терять нечего. А мне?

Но я не могу сказать такое Марте. Отодвинув тяжелое кресло, я выбираюсь из-за стола и осторожно кладу ладони на ее талию. Она при этом чуть вздрагивает.

— Ты извини, я тебя приглашать не буду, — говорит Борс закинувшему ноги на спинку кресла Мерлину, отчего оба начинают истерически ржать. Марта тоже прыскает со смеху, но как-то коротко и напряженно.

— Мне кажется, грядет что-то очень важное, — тихонько говорит она, когда мы начинаем кружиться в узком пространстве между креслами и камнем с мечом. — Что все решится очень скоро. Это так страшно.

— Мы справимся, — говорю я, чтобы ее успокоить.

— Наверное, — отвечает она. — Но все равно, такое ощущение, что это последний день, когда еще можно просто жить... перебирать книги... танцевать... а дальше...

Она утыкается лицом в мое плечо, а я машинально провожу ладонью по ее волосам.

— Все будет хорошо, — говорю я. — На самом деле, скорей бы уже это все закончилось.

— Не знаю, — говорит она тихонько куда-то мне в плечо. — Мне хочется, чтобы время остановилось.

Музыка затихает, мы замираем, и Марта поднимает голову, глядя на меня. Я заглядываю в ее глаза и мучительно размышляю о том, нужно ли мне ее поцеловать, или лучше не надо.

Мои секундные размышления над этим вопросом прерывает ритмичная вибрация негатора. Краем глаза я замечаю, что к своему телефону также тянется Борс, дернулась к карману и рука Артура. Похоже, сообщение пришло всем. Если так, скорее всего это сообщение от «Турнирного вестника», разосланное всем участникам.

Я достаю телефон из кармана. Так и есть: на экране сообщение в бело-зеленой гамме «Вестника». Информационный бюллетень турнира любезно уведомляет меня о том, что только что Сиреной был убит Нестор, один из последних претендентов. И теперь в игре остается всего четыре участника: она, Артур, Тайра и я.

Глава 19

Дата: 06 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 4.

Сообщаем последние сводки московского Турнира.

В связи с гибелью одного из последних претендентов Фирма рекомендует его вассалам отказаться от каких-либо активных действий.

Это бессмысленно и очень опасно!

Огонь факелов сегодня, кажется, колышется как-то особенно раздражающе. И вообще, вся обстановка Камелота смотрится какой-то слишком нелепой и наигранной. В особенности, этот стол, который теперь, из-за явной нехватки сидящих за ним рыцарей, кажется похожим на щербатый рот. Артур, похоже, тоже отмечает это сходство. Он тяжело поднимается из-за стола и, побарабанив пальцами по столешнице, начинает говорить:

— Ребят, тратить много слов я не буду. Ситуация хреновая. Нас стало меньше, чем было, и осколок мы упустили. Плюс последнего потенциального союзника только что убили. Это первый момент. Но есть и второй. Может быть, даже хуже первого.

Мы невольно переглядываемся с Борсом. Действительно, что может быть еще хуже?

— Несколько часов назад, — продолжает Артур, — в Интернете появилось сообщение, что станция «Кунцево» временно закрывается для производства каких-то аварийных работ. Причем, производить работы будет недавно созданная фирма. А акционером этой фирмы числится некий Юорис Спиридонов. Понимаете, что это значит?

— Да, — коротко говорит Мерлин. — Они вычислили, где находится Камелот, и теперь будут сканировать местность, искать вход. И найдут. Рано или поздно.

Артур кивает.

— Какие будут предложения? — говорит он.

— Когда эти уроды явятся сюда со сканерами, вырезать всех, — рычит сквозь зубы Борс. — Чтоб неповадно было.

— Это ничего не даст, — отвечает Артур.

— Можно перенести штаб в другое место, — подает голос Мерлин. — Дождаться открытия Врат там. На самой церемонии тебя убить не позволят.

В этот момент все переводят взгляд на Гвиневу. Воцаряется неловкое молчание. Мерлин чуть съеживается, словно человек, случайно сказавший непристойность в неподходящей для этого компании.

— Еще мысли? — спрашивает Артур.

— Лучшая защита нападение, — подает вдруг голос Бес. — Пока они не взяли за нас, нужно самим взяться за них. Нужно убить Сирену.

— Только и всего, — усмехается Артур. — Мы даже не знаем, где ее искать.

— Зато мы знаем, где искать человека, который знает, — отвечает Бес. — Борис Спиридонов — довольно известная личность в определенных кругах. Вычислить нашими методами, где он в последнее время ночует — не слишком сложно. Если он сейчас в Москве или области, можно спросить у него.

Мерлин качает головой.

— Прийти к такому человеку и допросить его, — скептически произносит он. — В общем, не так просто это.

— А в чем проблема? — спрашивает Бес. — Включим негаторы на полную, пройдем мимо камер, и что там у него еще дома есть. Даже если его охраняют, то это делают обычные люди. И он сам тоже человек.

За столом вспыхивает оживленное обсуждение. Борсу и Тристану план явно нравится. Мерлин и Марта против, остальные сомневаются.

— Мы не можем быть на сто процентов уверены, что его охраняют только обычные люди, — произносит Артур. — Его женой некогда была настоящая тирна. В его доме можно столкнуться черт знает с чем.

— А мы сами что, пальцем деланные? — вопрошает Борс. — Нас тут сколько, бойцов с крутыми доспехами и оружием? Единственное, чего нам прям нужно бояться, это если туда живые тирны заявятся. Но это как-то... маловероятно.

— Хорошо, — резюмирует Артур. — Предположим, мы сумеем захватить в плен Спиридонова и допросить его. Предположим, он знает, где логово Сирены — а это, кстати, не факт. Что дальше? Мы тут же побежим его штурмовать?

— Зависит от того, где оно, — подает голос Мерлин. — Это нужно будет обсудить.

— У нас не будет времени на обсуждение, — качает головой Артур. — Если мы узнаем, где оно, и если мы физически сможем на него напасть, то атаковать нужно будет немедленно. Наша единственная надежда — на эффект неожиданности.

— Согласен, — кивает Мерлин. Остальные тоже не возражают.

— И нам понадобятся все силы, какие есть. У Сирены людей хоть и меньше, чем нас, но она завербовала отличных бойцов. Любая помощь будет кстати. И здесь я возлагаю большие надежды на тебя, — произносит Артур, обращаясь ко мне. Взгляды прочих рыцарей тоже обращаются в мою сторону.

— В каком смысле? — переспрашиваю я, вздрогнув от такого всеобщего внимания.

— Во-первых, ты общаешься с Тайрой. Это важный момент, потому что она девушка, а значит ей проще противостоять Сирене. Сейчас критически важно постараться привлечь ее на нашу сторону. Хотя бы временно. А во-вторых... насчет во-вторых, давай поговорим отдельно?

Я киваю, догадываясь, о чем он.

— Тогда перейдем к деталям, — говорит немного успокоенно Артур и открывает на планшете карту местности.

* * *

— Ты хотел о чем-то поговорить? — спрашиваю я Артура, когда совет заканчивается, и рыцари один за другим выходят из тронного зала.

— Да, — отвечает тот. — Помнишь, мы с тобой говорили о том, что нельзя пользоваться помощью Ордена? Так вот, забудь об этом. Я не хотел говорить при всех, потому что неизвестно, кто как на это отреагирует. Но сейчас для нас никакая помощь не будет лишней. Я хочу, чтобы ты связался с ними. Я готов даже что-то им обещать в пределах разумного. Только пусть они нам помогут раздавить эту гадину.

— Все настолько плохо? — уточняю я.

— Хуже не придумаешь, — твердо отвечает Артур. — Я не стал всего говорить, чтобы никто из ребят не запаниковал, но обложили нас крепко. Еще день-другой и кольцо сожмется окончательно. А мы привязаны к этому замку. Уйти отсюда нельзя, сам понимаешь.

— Но если мы победим Сирену, это не будет иметь значения, — говорю я без всякой, впрочем, уверенности.

— Не факт, — отвечает Артур. — Кто их знает. Да и напасть они могут раньше. Но мы им не отдадим Камелот. Я не отдам.

Глаза Артура при этих словах вспыхивают.

— Знаешь, вы тут все, может быть, думаете, что я странный с моим дурацким энтузиазмом, — продолжает задумчиво Артур. — Но посмотри на вещи с моей точки зрения. У меня ведь все одно к одному сложилось. Все это началось год назад, еще никакого турнира в помине не было. Ехал я из Можайска в Москву: тогда я еще был обычный такой кварталерон без всяких наполеоновских планов. Почти уже доехал до вокзала. Подъехал к одной из последних станций, вот к этой самой. И был мне голос. Самый прекрасный голос, какой я когда-либо слышал. Слов было не разобрать, но я понял, что она зовет меня. Зовет, потому что с ума сходит от одиночества и безысходности. Сопротивляться этому зову было невозможно, я выскочил из электрички и стал озираться по сторонам: откуда этот голос? А потом я услышал, как он зовет меня в зал ожидания. Я бегом туда, подошел к расписанию и оказался здесь. И тогда она взяла меня за руку и без слов привела к мечу в камне. Ты можешь представить, какое на меня это тогда произвело впечатление? Понимаешь, как все сошлось? И то, что меня Артур зовут? И этот меч? И станция, похожая на замок, и с замком внутри? Это все не может быть случайностью, понимаешь?!

Глаза Артура горят каким-то сумасшедшим огнем. Я инстинктивно чуть отодвигаюсь от него. Мне кажется, что он слегка не в себе — таким я его еще не видел.

— Не может же быть, чтобы после всего этого я просто бесславно погиб, — лихорадочно шепчет он. — У меня есть какое-то предназначение, и я приду к нему. Мы придем. Я, ты, Гвиневра, Борс, Марта все мы. Про нас когда-нибудь сложат баллады, обязательно.

Я только молча киваю в ответ.

* * *

Вечером, лежа в постели, я думаю о Тайре. Да не в том смысле, в котором вы подумали! Нет, я думаю о том, что мне делать, если они все же столкнутся с Артуром. А ведь это случится рано или поздно. Если наша операция удастся, то кроме меня, ее и Артура не останется больше претендентов на наследство.

Я мог бы быть на ее стороне, но я ей там не нужен. Я мог бы быть на стороне Артура, но это означало бы убить Тайру. Или, по крайней мере, безучастно смотреть на то, как ее убивают. Что бы ни говорил Артур, но он не остановится перед этим препятствием, я это знаю.

Я должен сделать выбор. А если я не хочу его делать? Тогда, вероятно, жизнь его

сделает за меня. И он мне точно не понравится. до чего же все было просто, когда я был обычным человеком!

И в то же время я ловлю себя на мысли, что я не хочу обратно. В мир, где нужно было лавировать между истериками матери и мрачной угрюмостью отца, переживать за балл ЕГЭ и вздыхать, глядя вслед Тане Бойковой. Оказавшись в мире, где от моих действий зависят судьбы других людей, а главное — моя собственная судьба, я уже не смогу вернуться обратно. Теперь я намного лучше понимаю, что хотел мне сказать Бес: уйти из этого мира, стать снова человеком уже невозможно. Это будет вечное мучение. Но как же тогда быть с этим выбором?

Идеально было бы, если бы Тайра сдалась Артуру или мне. Тогда мы могли бы все вместе, плечом к плечу пойти искать ее отца. Вот только будет ли в самом деле Артур тратить ресурсы своего нового королевства на его поиски? То есть, пообещать это он наверняка готов, но исполнит ли свое обещание? В первые дни в Камелоте я восхищался Артуром, но сейчас начинаю понимать, что у него есть темная сторона. И кто знает, не был ли частью этой темной стороны случай с Джинджер? Точно ли он не приказывал ей убить меня? Почему-то теперь я не совсем в этом уверен.

Я пробую избавиться от навязчивых мыслей, сославшись на то, что делю шкуру неубитого медведя. Сперва нужно разобраться с Сиреной, а потом уже решать, что делать дальше. Но тут же понимаю, что это только отговорка, трусливая попытка уйти от неудобного вопроса. Мне придется делать этот выбор, если не сегодня, то завтра, послезавтра. Никто не сделает его за меня. Мне придется кого-то предать.

Я беру с тумбочки слезу и вглядываюсь в ее мутную поверхность.

— Что мне делать? — тихонько спрашиваю я.

В ответ, как обычно приходит образ. Темный лес. Ночь. Полная тишина. Скрюченные ветви рассеивают свет двух лун. Человеческая фигура в стеклянных доспехах продирается через лесную чащу. Колючие ветки скользят по поверхности панциря в тщетных попытках разорвать его.

Фигура выбирается на открытое место и оглядывается по сторонам. Она явно не может понять, куда идти дальше. Постояв секунду в нерешительности, человек кладет ладонь на левую сторону груди и несколько секунд стоит, словно прислушиваясь. Потом решительно поворачивает направо и продолжает путь в полной тишине. Сверху на него равнодушно взирают луны, словно два бесконечно усталых глаза.

— Что это значит? — переспрашиваю я.

— Это значит, что я знаю ответы на многие вопросы, — звучит в голове знакомый хрустальный голос, — но не на этот. На этот вопрос можешь знать ответ только ты. Ты сам знаешь, чего не нужно делать, чтобы не ненавидеть потом себя.

— А если я в любом случае буду себя ненавидеть? — спрашиваю я. Вопрос дается мне тяжело. Мне страшно думать о том, каким может быть ответ.

Но ответа нет. В тишине выложенной камнем спальни слышится лишь треск факела за дверью да вызванный магией Гвинекры тихий шум прибора.

Дата: 06 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 4.

Официальные комментарии Фирмы по ситуации в Москве ожидаются в ближайшее время.

Это очень удобно, что многие высокопоставленные чиновники живут на западе Московской области. Борис Спиридонов, конечно, не относится к их числу, но, видимо, предпочитает находиться поблизости от них. С транспортом нам ничего продумывать не надо: его уединенный домик находится в паре километров от одной из станций, до которой можно доехать прямо из нашего Камелота. Выйдя по одному из замка, мы просто садимся в электричку, на всякий случай распределившись по разным вагонам.

Я сижу на скамейке рядом с Мартой, и мы изображаем с ней обыкновенную парочку. Голова Марты лежит на моем плече, и запах ее волос наполняет меня каким-то особенным спокойствием. На секунду мне даже кажется, что нет никакого турнира, никаких тирнов, никакой поехавшей седовласой фурии, а просто мы обычные парень и девушка, весь день гулявшие по Москве, а теперь возвращающиеся домой, в какой-нибудь Можайск. Нам не надо штурмовать дачу таинственного эксперта, не надо разгуливать по улице в стеклянных костюмах, не надо никого убивать. Просто мы сейчас доедем до своей станции, я провожу ее домой, а она поцелует меня в щеку на прощание. Здорово было бы.

— Что ты планируешь делать, если мы победим? — спрашивает вдруг Марта тихонько.

— Не знаю, — пожимаю я плечами. — Наверное, это зависит от Артура. Мы же будем его вассалами, так?

Марта кивает.

— Ну, да. Но я бы хотела продолжать исследовать библиотеку. Там еще работы непочатый край. Все книги, которые до сих пор появлялись, я проверяла по справочнику в сети. Они где-то уже известны. Но как мне сказала одна девушка из Австралии, с которой я списалась, в таких местах не исключено появление уникальных книг, которых нет больше нигде в мире. Это было бы офигенное открытие. Я не хочу пропустить. Мы могли бы стать известными исследователями.

Это «мы» звучит очень трогательно. Я не знаю, что на него ответить. Может быть, и впрямь было бы здорово копаться в библиотеке с Мартой, открывать какие-то неизвестные фолианты, превратиться со временем в знаменитых ученых этого мира. Вот только как же быть с Тайрой? Я все возвращаюсь к этому вопросу, и мысли невольно возвращаются в заколдованный круг. Я перевожу разговор на другую тему. Мне не хочется сейчас думать о будущем.

На станции валит снег и, кажется, что здесь холоднее, чем в Москве. Выйдя на платформу, мы беремся за руки и идем по разбитой дороге в сторону леса, за которым до дома Спиридонова уже рукой подать. Вся остальная компания уже ждет нас там.

— Значит так, — начинает Артур. — Идем спокойно, разговариваем вполголоса. Мы для всех просто компания студентов, которая идет развлекаться на дачу. Если встречаем ментов или еще кого-то, кто попытается остановить — включаем негаторы и всю энергию в

осколки. Дальше по обстановке.

Дальше идем все вместе. Наверное, для маскировки нам полагалось бы весело болтать и смеяться, но моих актерских способностей на это не хватает. Да и остальным явно не до смеха. Рука Марты — а она все еще не выпускает мою руку — заметно дрожит. Чем ближе к дому Спиридонова, тем более все напряжены.

Дом этот расположен поодаль от ближайшего дачного поселка, и внешне не слишком примечателен. Обычный двухэтажный загородный дом. Не самый дешевый, конечно. Но на загородное поместье олигарха точно не похож. Если Борис Спиридонов и в самом деле имеет большие деньги и связи, афишировать он это явно не стремится.

Аналитическое приложение Артура выдало нам вчера, что вероятность нахождения хозяина в этом доме сегодня больше восьмидесяти процентов: есть какие-то смутные данные о его встречах сегодня с разными людьми в этой части Подмосковья. Можно предположить, что после них он поедет сюда, а не в московскую квартиру. Артур сказал, что с такими шансами он готов играть, и все с ним согласились.

— Стоп! — произносит идущий впереди Борс. — Здесь что-то не так. На негаторе какие-то помехи.

Я машинально направляю энергию в клинок, и также поступают прочие. Секунда, и весь отряд ощетиливается разноцветным частоколом лезвий. Все уже на взводе.

Минуту мы движемся по тропинке очень медленно, похожие на странного стеклянного ежа. Ничего не происходит, и мы готовы уже расслабиться, как вдруг от чернеющего впереди древесного ствола отделяется черная фигура. Сперва мне кажется, что это фомор, но я быстро понимаю, что ошибся. Существо совсем небольшое, ростом мне по пояс, быстрое и юркое. В свете фонаря его тело блестит, словно выключенный экран телефона.

Изольда и Марта вскрикивают в один голос. Борс первым заносит меч, когда существо бросается ему в ноги, видимо, стараясь сбить его на землю. Борс рубит мечом, но промахивается. Секунду спустя из-за деревьев появляются еще два таких же существа. Затем еще. Двое из них бросаются к Изольде, и она с криком прячется за спину Тристана. Тот замахивается мечом, пытаясь их отогнать. Ему удается ударить одного плашмя, но второй вцепляется кривыми пальцами в ногу Борса. В неровном свете осколков я вижу его оскаленные треугольные зубы и острые шипы, вырастающие из костяшек пальцев. Борс издает яростный крик, обрушивая лезвие на врага, так что тот разлетается хрустальным дождем. Но в этот момент появляются еще даое новых.

— Это хордлиги! — кричит Мерлин, только что приложивший одного из карликов наверху посоха. — Где-то рядом осколок-ловушка их порождает. Они будут нас держать здесь, пока объект не сбежит!

— Игорь, Тристан! За мной, а то уйдет! — вопит Артур.

Мы бросаемся на прорыв вслед за ним. Секунду спустя черная фигура обхватывает мою ногу, и я, едва не рухнув на землю, пластаю ее клинком. Вторая буквально на секунду не успевает ухватить меня за ногу.

Доспехи позволяют бежать быстро, даже если ты не сильно тренирован, так что оставшиеся метров пятьсот мы преодолеваем почти мгновенно. Когда мы добегает до обнесенного высоким забором дома Спиридонова, то видим низкорослого полного мужчину лет пятидесяти с сияющей в свете уличного фонаря лысиной и одетого только в рубашку и брюки — явно не по погоде. Наш клиент.

Он только что открыл стальные ворота и заводит черный джип.

— Стоять! — орет Артур, стрелой устремляясь к воротам.

Эксперт-аналитик мощно газует, выпетая на дорогу, но не успевает буквально чуть-чуть: удар лезвия Артура разрывает покрышку на переднем колесе в клочья. Подбежавший Тристан рвет на себя ручку двери и бросает не успевшего заблокировать двери аналитика прямо на посыпанную гравием подъездную дорожку. Секунду спустя мы с Тристаном уже тащим его в дом.

Еще через пару минут в дом по одному входят остальные запыхавшиеся ребята. На щеке у Беса царапина, а Мерлин чуть приволакивает ногу. Бледный аналитик сидит на кровати и с ужасом смотрит на нашу компанию, особенно на лезвие Тристана, приставленное к его горлу.

— У меня только один вопрос, — спокойно говорит Артур. — Где сейчас Сирена? Где она вообще скрывается? Вы скажете, и я вас тут же отпускаю.

— А если не скажу? — спрашивает аналитик, и его кадык вздрагивает, словно ощущая холодную поверхность клинка. Он тоже пытается говорить спокойно и с достоинством, но у него это хуже получается.

— Ставки очень высокие, — произносит Артур. — Думаю, вы понимаете, что мы не в игрушки пришли играть.

— И что, убьешь меня? Да убивай, — спокойно говорит Спиридонов. И я понимаю, он совсем не шутит. — Я нормально пожил. И сдавать тебе родную дочь, когда она вот-вот может стать богиней, я не буду. В конце концов, что мы знаем о возможностях тирнов? Глядишь, она и папку с того света вытащит.

Артур иронично качает головой.

— Даже если это будет ей под силу, вы для нее никто. Для нее все никто.

— А если и так, — ухмыляется эксперт, видимо, почувствовав, что прямо сейчас убивать его не будут.

— Ну, ладно, — вздыхает Артур. — Я честно хотел договориться по-хорошему. Придется по-плохому.

В этот момент из лезвия на его руке вырастает узкий длинный шип, похожий на гигантскую колючку терновника. Мне приходит в голову, что точно такие же я только что видел у хордлингов. Спиридонов смотрит на него со смесью интереса и ужаса.

— Эй, ты чего! — спрашивает полусшепотом Борс. — Ты серьезно собираешься...

— Серьезно, — кивает Артур. — Ты же видишь, что он боится ее больше, чем нас. Думает, мы тут шутки шутить пришли. Это надо исправить.

С этими словами он берет эксперта за средний палец и вгоняет иглу вглубь пальца. Тот тут же начинает орать, причем куда громче, чем можно было ожидать только лишь из-за того, что человеку проткнули палец. Его тело трясется, словно Артур пропустил по нему ток.

Изольда морщится и отворачивает лицо, Тристан обнимает ее за плечи. Борс смотрит на происходящее с раскрытым ртом, словно ребенок на фильм ужасов. Мне хочется отвернуться, но я делаю над собой усилие.

— Будет еще больнее, — спокойно, без всякой злости в голосе говорит Артур. — Seriously, Борис Игнатьевич, я бы не хотел продолжать, но вы не оставляете нам выхода.

Спиридонов в ответ орет изо всех сил. Редкие осмысленные слова, которые можно расслышать в его крике исключительно нецензурные.

— Прекрати уже, — тихо произносит Изольда. Такое ощущение, что она испытывает не меньшие мучения, чем пленник.

Артур вынимает иглу из пальца эксперта. Тот пытается схватиться за руку, но Борс не дает ему.

— Все равно, вы все сдохнете, — шипит Спиридонов сквозь зубы.

— Все люди смертны, — пожимает плечами Артур. — Не будем вдаваться в философию. Где ее логово? Где?

Собеседник отвечает рифмованной фразой, из которой становится очевидно, что отвечать на вопрос откровенно он не намерен.

— Я предупреждал, — бесстрастно произносит Артур и вновь вгоняет шип в его палец. Пленника начинает ломать и корчить, словно в каком-то кошмарном танце. Его крики, наверное, было бы слышно даже в Москве, если бы не негатор, включенный Мерлином. С ним их не слышно даже проходим за забором, если вдруг там кто-то есть.

Проходит несколько очень долгих секунд, прежде чем Артур извлекает шип.

— Это не закончится, — произносит он. — Это не обычные пытки, которые применяют здешние спецслужбы и бандиты — те время от времени приходится прекращать и вообще проводить осторожно, чтобы не убить допрашиваемого. Здесь не так. Я буду повторять снова и снова.

— Ладно, — сдается Спиридонов, хватая ртом воздух. — Уговорил.

— Я слушаю, — говорит Артур, не убирая шип.

— Все равно она вас всех убьет, — произносит эксперт, тяжело дыша не в силах даже вытереть крупный пот. — Вы не понимаете, во что вообще влезли. Это не просто Турнир. Не просто про то, кому достанется очередной замок. Здесь затронуты такие силы...

— Ближе к делу, — обрывает его Артур.

— И так ближе некуда! — выдыхает Спиридонов, расстегивая ворот рубашки. — Ребята, серьезно, просто сдайтесь ей. Так всем будет проще.

Лицо Артура дергается. Достав из-за спины руку с шипом, он делает решительный шаг к эксперту.

Тот бледнеет и вытягивает вперед руки в останавливающем жесте.

— Ну, ладно, раз уж вам так не терпится сдохнуть. В последнее время она обычно живет...

В следующую секунду раздается громкий мелодичный звук, словно где-то в углу комнаты лопнула струна. Машинально я поворачиваю голову туда, но там ничего нет, только мелко дрожит занавеска. Борс резким движением отдергивает ее, и обнаруживает на подоконнике странный цветок в горшке. Из земли торчат тонкие полупрозрачные стебли, на одном из которых словно только что раскрылся огромный бутон. Бутоны на остальных, похоже, еще не созрели.

Тем временем, Спиридонов уже хрипит на полу в тщетных попытках расстегнуть воротник. Из его плеча торчит оперение маленькой хрустальной стрелки, длиной не больше швейной иглы.

— Где?!! Где она?!! Место?!! — вопит Артур, хватая неспособного сопротивляться эксперта за лацканы пиджака, но тот уже неспособен издавать что-то, кроме нечленораздельного шипения и бульканья.

— Изольда! Что-то можно с ним сделать?! — Артура, кажется, от ярости вот-вот тоже хватит приступ.

— Я... попробую... — лепечет бледная дрожащая Изольда, доставая несколько мутно-белых осколков, и одновременно одной рукой пытаюсь открыть какое-то приложение в

негаторе. Тем временем, агония эксперта, похоже, вступает в завершающую стадию — он уже почти не двигается.

За окном разносятся отдаленные завывания полицейской сирены.

— Изольда! — заходится Артур.

— Нет... Ничего... — произносит она. — Его не спасти.

Саданув кулаком в доспешной перчатке, Артур ломает прикроватную тумбочку. Сирена, между тем, становится громче и отчетливее.

— Уходим, — говорит Артур. — Живо, через окно на первом.

Не сказать, что здешняя полиция представляет для нас большую проблему, но раз уж она приехала, делать в доме нам нечего.

Обратно мы бежим не в сторону станции, а к соседнему поселку.

— Это... конец... — выдыхает на бегу едва поспевающий за мной Мерлин. — После такого... она нас...

Продолжение явно не требуется.

Дата: 06 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 4.

Фирма настоятельно просит зрителей Турнира и всех нездеиших не покидать в ближайшее время свои дома и не взаимодействовать с участниками Турнира.

Положение в Москве остается крайне сложным!

Фирма прилагает максимальные усилия к тому, чтобы стабилизировать ситуацию. Обо всех изменениях мы сообщим вам дополнительно!

Знакомый кабинет орденского руководителя не претерпел никаких изменений. Только на карте Москвы за спиной хозяина появилось несколько новых точек, некоторые из которых обведены красным цветом. Возле одной при этом выведен жирный восклицательный знак.

Хозяин кабинета сидит в своем кресле, озабоченно постукивая ручкой по столешнице. Напротив него с виноватым видом расположился капитан-командор Коновалов.

— Ну, что, капитан? — начинает начальник. — Сгорела твоя операция, как я погляжу?

— В принципе, еще не все потеряно, — отвечает Коновалов быстрой скороговоркой, словно боясь, что его перебьют. — Сейчас у нас есть два потенциально устраивающих нас кандидата. Они не в лучшем положении. Прямо скажем, в паршивом. Но одно небольшое вмешательство с нашей стороны... В общем, я подготовил план небольшой такой силовой операции: спецгруппа с двумя силовыми сферами вламывается в логово этой седой мрази. Благо, мы установили, где оно находится. Под сферами нам не страшно применение ею магии. Так что мы всех тем благополучно валим, включая ее. А потом...

— А потом все твои кандидаты оказываются по уши скомпрометированы! — отрезает начальник. — Ты что, капитан-командор, в детстве с кровати уроненный?! Да любое наше вмешательство — это скандал до небес, за который меня магистр в позу собаки мордой в пол поставит. Это раз. Потом, все эти твои ребятки, которых ты хочешь продвинуть в наследники, тут же получают репутацию агентов Ордена. А зачем нам агенты, про которых каждая собака знает, что они наши агенты? Это два.

Приор загибает пальцы, словно загоняя гвозди в крышку гроба.

— Наконец, — продолжает он, — Я не могу рисковать группой спецназа. Если что-то пойдет не так, если сфера глюканет, они останутся беззащитными против врага, от которого так просто трусами не отмахнешься. Она на них только посмотрит, и они сами застрелятся. Ты представляешь себе масштаб последствий?!

— Но послушайте... — оправдывающимся тоном протестует Коновалов.

— Нет, послушай меня ты! — обрывает его начальник. — Вся эта история с попыткой завербовать тирненка с самого начала была авантюрой. Двое твоих кандидатов погибли, еще двоим свернут шеи со дня на день. Это провал. Но это провал пока что маленький. Это такой провал, который я могу объяснить Капитулу. Разведу руками, скажу: «Не шмогла я, не шмогла». Что они нам сделают? Да ничего. Ну, ничего не выиграла, но ничего и не проиграли. Но если мы в попытке прикрыть этот провал угрожим группу захвата с двумя сферами, то оба пойдем под трибунал. Со всеми вытекающими. Ты меня понял?

— Понял, — нехотя поясняет Коновалов. Все время, пока вещал его начальник, он машинально рвал на мелкие кусочки листик из блокнота, и сейчас довел обрывки уже до размера наночастицы.

— Вот и хорошо, — выдыхает начальник. — Напишешь отчет, сдашь в архив, и забудем это дело, как страшный сон. У тебя других дел по горло, между прочим. С той историей в Битце так и не разобрались ведь? В парке на одном и том же месте людей режут, полиция с ног сбилась явно же наш клиент. А ты вместо того, чтоб его ловить, занимаешься какой-то нудятиной, прости, Господи.

— Убьют их, — грустно произносит Коновалов, убирая обрывки листка в карман.

— Не они первые, не они последние, — обрывает начальник. — Это все дела нездешних. Мы им не мешаем друг друга резать. Чем их меньше, тем нам лучше. Свободен.

Приор Московского округа демонстративно отворачивается от вставшего из-за стола подчиненного и устремляет взгляд в окно. За ним чуть брезжит грязновато-серый рассвет, и на крыши особняков девятнадцатого века медленно опускаются первые хлопья снега.

* * *

В Камелоте все лихорадочно готовятся к обороне. Артур отдает отрывистые команды, а мы с Тристаном и Борсом таскаем мебель, чтобы забарикадировать дверь. Мерлин и Марта лихорадочно перерывают библиотеку. Изольда сидит за ноутбуком, время от времени выкрикивая последние новости как из здешних, так и из нездешних СМИ. Бес куда-то исчез — сказал, что сможет достать полезную вещь. Мерлин после его исчезновения обронил что-то про крыс и корабль. Мне это показалось очень обидным, но я боюсь, что он прав.

Завершив довольно нелепую баррикаду, которую Гвиневра пообещала укрепить при помощи своих способностей, мы с Артуром идем в библиотеку, узнать, что там у Марты.

— Ты должен выйти на них, — говорит Артур мне тихонько. — Пусть помогут. Плевать на цену, плевать на все. Даже если мне придется стать агентом Ордена, это лучше, чем... Чем если победит Сирена.

Я киваю. Что бы ни говорили об Ордене, я пока что не видел с его стороны ничего дурного.

— Сможешь прямо сейчас выйти на контакт с ними? — уточняет Артур. — Все может начаться с часу на час.

— Смогу, — киваю я.

— Тогда действуй, — он кладет ладонь мне на плечо.

Пару секунд мы молчим.

— На всякий случай, — произносит Артур чуть тише и с меньшим градусом уверенности в голосе. — Кто знает, как оно сложится... Я правда не приказывал Джинджер тебя убить. Ты веришь мне?

Я киваю. Хотя, на самом деле, после этой фразы я чуть меньше в это верю.

* * *

Из зала ожидания станции я выхожу, изо всех сил стараясь вести себя естественно и не вертеть головой по сторонам. Сегодня суббота, народу немного, и если бы кто-то подозрительный ждал меня, я бы его заметил. По крайней мере, мне хочется в это верить.

Первый снег этой зимы постепенно укрывает белым покрывалом площадь между станцией и ТЦ. Становится холодновато, и я уже немного жалею, что вышел в легкой куртке. Но возвращаться в Камелот только из-за этого мне не хочется. Не до того сейчас.

Пройдя несколько сот метров вдоль шоссе, я достаю из кармана телефон — не тирнский, обычный — и набираю уже вбитый в его память номер с визитки.

— Коновалов слушает, — отвечает трубка с оттенком усталой обреченности в голосе.

— Добрый день, товарищ капитан-командор, — говорю я. — Мы могли бы встретиться?

На том конце повисает молчание.

— Ну... в принципе, могли бы, — неуверенно отвечает Коновалов. — Есть какая-то информация?

— Скорее просьба, — говорю я. — Хотя информация тоже есть. Например, если вам интересно, кто убил Бориса Спиридонова...

— Тоже мне, секрет Полишинеля, кто его убил, — ворчливо отвечает капитан-командор. — Ладно, давай через час на том же месте, где в прошлый раз?

— Договорились, — отвечаю я, и мы прощаемся.

У входа в парк мне приходится подождать капитана-командора минут двадцать, и все это время я настороженно оглядываюсь то на телефон, то на окружающих. Может ли кто-то знать, что я здесь? Запросто — если они следили за мной и знают, где я встречался с Коноваловым в прошлый раз. Или это уже паранойя? Ни в чем нельзя быть уверенным в этом мире из стекла и тумана. Иногда мне, все-таки, хочется снова стать обычным человеком, и чтобы самой большой моей проблемой вновь стали результаты грядущего ЕГЭ.

— Ну, здравствуй, — произносит Коновалов, появившийся за моей спиной, словно из-под земли. Я вздрагиваю, едва не схватившись за меч, и оборачиваюсь.

От прежнего залихватского настроения капитана-командора не осталось и следа. Он весь какой-то съезжившийся и прячет глаза. Мне его вид не нравится.

— Добрый день, — отвечаю я. — У меня очень мало времени.

— Наслышан, — коротко кивает он.

— Не так давно вы обещали мне помощь в победе на турнире, — говорю я. — Теперь я прошу вас ее оказать. Не только от своего имени.

— А от чьего еще? — спрашивает Коновалов без всякого интереса в голосе.

— От имени Артура.

Капитан-командор качает головой.

— Боюсь, я могу помочь только тебе, — устало произносит он. — Но не выиграть турнир, а выжить.

— Вы должны нам помочь, — говорю я, как можно тверже нажимая на слово «нам».

— Как?! Как я вам помогу?! — Взрывается капитан-командор. От его спокойствия и армейского юморка не осталось и следа. На секунду мне кажется, что он вот-вот начнет театрально заламывать руки. — Сам пойду с пашкой наголо эту девку убивать? Мне это запрещено. Категорически. Доступно?!

— Запрещено что? Убивать людей?

— Запрещено вмешиваться в ваши сраные игры! И убивать тем более. Я не могу взять и открыто встать на твою сторону на турнире. Это и не в твоих интересах, кстати. Тирна,

которого открыто продвигает Орден, убьют без разговоров. Были, знаешь ли, прецеденты.

— А что вы можете? Умыть руки?!

— Я могу тебя эвакуировать. Только сначала сдайся. Артуру своему, девке этой седой кому хочешь. Выйди из игры, а то они тебя на дне морском найдут. После этого я помогу тебе залечь на дно вместе со всеми осколками, какие у тебя останутся. Потом подумаем, как жить дальше. Все, что могу тебе предложить.

— А друзей, значит, бросить?

— Таких друзей за хобот да в музей! Ты что, не понял до сих пор, в какой гадючник попал? После того, что в схроне было? После всего остального? Тебя два человека из этой компашки убить пытались, чтоб ты знал. Да там любой тебя продаст, случись что. Вопрос только в цене.

— Это не повод продавать их.

— А, делай, как знаешь! — капитан машет рукой. — Большой уже мальчик.

Несколько шагов по мощеной плиткой парковой дорожке мы проходим молча. Разговора не получается. Деревья вокруг припорошены снегом, словно одеты в саван.

— Ладно, до свидания тогда, — твердо произношу я.

Коновалов открывает, было, рот. То ли хочет привести еще какой-то аргумент в пользу моего бегства, то ли хочет несмешно пошутить по поводу моего оптимизма. Но, видимо, понимает, что то и другое сейчас неуместно. Потому лишь коротко кивает, разворачивается и по побелевшей дорожке направляется к выходу из парка, оставляя за собой нитку темных следов.

* * *

Когда капитан уходит, я, поколебавшись пару минут, набираю номер Тайры. Нажатие на каждую цифру дается мне с трудом. Я хочу услышать ее голос, но в то же время мне очень хочется услышать то, что именно она скажет. Потому что я догадываюсь, что это будет.

— Алло, — слышится на том конце ее голос, а я все никак не могу начать говорить. — Алло, Игорь, что тебе нужно?

— Привет, нам нужно встретиться, — выдавливаю я, наконец, из себя. — Все очень плохо.

— Да я уже в курсе. Что я могу сделать? — спрашивает она. В ее голосе мне слышатся те же нотки, что и у Коновалова.

— Встать на нашу сторону, — говорю я.

— А потом?

Я молчу. Я боялся этого вопроса.

— Ты же понимаешь, что этот ваш Артур не потерпит того, чтобы кто-то ему не присягнул. И уж конечно, не сдастся мне сам. Так как же быть?

— Я не знаю. Мы что-нибудь придумаем. Что бы ни случилось, это лучше, чем если победит это... эта...

— Чем лучше? — она непреклонна. — Не все ли мне равно, кто меня убьет: Сирена или Артур? Да и тебе тоже.

— С Артуром можно договориться. И со мной тоже.

— О чем договориться? Ты что, все еще не понял? Я не намерена играть в эти игры.

Я снова молчу в трубку. Я чувствую, что мне нужно что-то сказать, как-то убедить ее. И в то же время осознаю, что она глубоко права. И Коновалов прав тоже. И все правы. Мы проиграли. Горе побежденным.

Молчание затягивается. По-хорошему, мне стоило бы сейчас просто отключить связь, и предоставить Тайру ее судьбе, как она предоставляет меня моей. Все кончено.

— Игорь, ты самый нормальный во всем этом идиотском турнире, — говорит вдруг она. — Если мне кого по-настоящему жалко, то именно тебя. Сдайся своему Артуру и беги куда-нибудь, подальше отсюда.

Мне едва удается сдержать истеричный смех.

— Знаешь, мне... только что дали точно такой же... совет, — говорю я с горлом, содрогающимся от спазмов. Черт, до чего же они все хотят мне добра, и до чего одинаково они его хотят!

— Тот, кто его дал, неглупый человек, — отвечает Тайра. — Послушайся хоть его, если меня послушать не хочешь.

— Знала бы ты, кто это был, — говорю я негромко.

— Полагаю, это уже неважно, — говорит Тайра. — Но он наверняка желает тебе добра. Как и я. Ты влез во всю эту кашу, ничего не понимая. Но у тебя все еще есть шанс вылезти из нее живым.

— Это и моя война теперь, — говорю я.

Тайра вздыхает.

— Мы можем встретиться? — спрашиваю я.

Она молчит. Мне кажется, я вижу, как на том конце несуществующего телефонного провода она качает головой и устало прикрывает свои зеленые глаза. Вижу я это столь отчетливо, что, возможно, это было видением, посланным мне слезой. Умный камень, должно быть, хочет мне сказать: «Ну, что ты пристал к девушке? Она уже приняла решение. Будь мужчиной».

— Ладно, тогда пока, — говорю я и вешаю трубку. Несколько секунд я бессильно смотрю на черный экран телефона. Звонить больше некому.

Дата: 06 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 3.

Согласно последним сведениям, ситуация в Москве должна скоро разрешиться.

Пожалуйста, не покидайте дома без крайней необходимости!

Но когда я уже выхожу из парка и сворачиваю на дорогу к метро, за которым меня ждет Камелот, мобильник начинает звонить сам. Причем, не негатор, к которому я уже привык, и который стал воспринимать в качестве основного телефона, а мой старый. Моя первая мысль, что капитан-командор, все-таки, передумал, но вместо его так и не внесенного в память номера на экране высвечивается «Настена». Ну, разумеется, кто еще может сюда звонить? Остальным положено забыть обо мне, а Настена, вот, помнит.

— Привет! — бодро говорю я, взяв трубку. При общении с Настеной мне всегда хочется выглядеть веселее, чем я есть на самом деле.

— Игорь, приходи, пожалуйста! — шепчет Настена в трубку. — Я боюсь.

У меня появляется дурное предчувствие.

— Насть, что случилось? — спрашиваю я, чувствуя, как сердце пропускает Удар. — С папой и мамой что-то?

— Нет, — шепчет она. — Они на работе. Здесь девушка в квартире. Я не знаю, откуда она взялась. Стоит в комнате. Ничего не говорит.

Вот теперь мне становится действительно страшно.

— Что за девушка? Ты ее знаешь? — почти выкрикиваю я, быстрым шагом направляясь в сторону дома. Идти мне отсюда минут двадцать. Но я готов уже перейти на бег.

— Нет, не знаю. У нее странные волосы. Крашенные в седину. И взгляд. Как будто она никуда не смотрит и все видит. Я пробовала с ней говорить, но она не отвечает.

Последнюю фразу я слушаю уже на бегу. Я не понимаю, что я буду делать, когда доберусь до дома. Хочется верить, что меня спасет шлем, но никаких гарантий нет.

Когда я добегаю до квартиры, мне едва удается попасть в замочную скважину ключом: трясутся руки. Дверь я открываю рывком, и уже в прихожей встречаю бледную от ужаса Настену, забившуюся в угол и сжимающую телефон в дрожащей руке.

— Где она? — спрашиваю я шепотом, как будто грохот раскрытой двери мог кого-то еще не оповестить о моем приходе.

— Она... там... была... — Настена кивает в сторону большой комнаты. — Но только ее нет уже.

— Как это, нет? — должно быть, у меня сейчас очень глупое лицо.

— Она пропала. Минут пять назад. Наверное... вышла куда-то?

Настену все еще трясет.

— Она не могла где-то спрятаться? Ты тут была все время?

— Да, я тут сидела. Игорь, что это? Что это все значит? С тех пор, как ты ушел, что-то происходит. Почему ты ушел?

— Я тебе расскажу все, Насть, обещаю, — мне очень хочется ее успокоить. Вот только для этого сперва не мешало бы успокоиться самому. Хотя бы сделать так, чтобы руки,

которыми я обнимаю Настену, не тряслись.

На секунду у меня закрадывается подозрение, что Настена просто выдумала всю эту историю, чтобы увидеться со мной. Потом я понимаю, что этого не может быть. Дело даже не в том, что сестра не склонна к подобным выдумкам. Просто я никогда не говорил ей про девушку с седыми волосами. Вряд ли она могла угадать мой страх случайно.

— Когда? — спрашивает она тихо-тихо. — Когда ты мне расскажешь?

— Скоро, — я провожу ладонью по ее волосам. — Скоро это все закончится. Тогда и расскажу.

— Расскажи сейчас, — жалобно просит она. — Я уже спать не могу. Все время думаю, что это может значить. Раньше мне было страшно из-за папы с мамой, а теперь еще из-за тебя. И эта девушка еще.

— Она больше не придет, — говорю я без всякой уверенности.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Настена.

А действительно, откуда я знаю? Почему-то я чувствую, что она явилась вовсе не для того, чтобы сделать дурное Настене или моим родителям. Для чего-то еще. Но если не для того, чтобы навредить им или мне, то...

В этот момент в моем кармане снова начинает звонить мобильник. На этот раз тирнский.

— Игорь, где ты?! — раздается в трубке истеричный возглас Борса. По моей спине начинает ползти липкий холодок. — Они уже здесь! Вот-вот дверь пробьют! Скорее сюда!

Похоже, меня переиграли.

На всякий случай я быстро заглядываю в комнату. Там в самом деле никого нет. Бегом я направляюсь к выходу.

— Стой, ты куда?! — кричит мне в след Настена. — Мне страшно!

Я оборачиваюсь уже в дверях.

— Не бойся, — говорю я. — Ее больше не будет. Я обещаю. А мне нужно идти, иначе беда случится с моими друзьями.

— Ну, ладно, — говорит сестра неуверенно. — Только ты потом позвони, ладно? А то я после этого спать не смогу.

— Позвоню, — обещаю я, выходя за дверь. — Если выживу.

Последние слова я произношу совсем тихо, чтобы Настена не услышала.

* * *

Когда я добегаю до станции, то обнаруживаю ее опутанной со всех сторон красно-белой лентой. Сперва мне кажется, что кто-то огородил таким образом место преступления, и душа вновь уходит в пятки. Секунду спустя я понимаю, что это просто огорожено место проведения строительных работ. Станцию закрыли, как и было объявлено.

Взбежав вверх по лестнице, ведущей из-под моста к станции, я обнаруживаю лежащего на асфальте Тристана, над которым склонились Изольда и Бес. В его расколотых доспехах в районе живота зияет дыра, обрамленная гарью и кровью. Лицо искажено болью. Люди вокруг старательно отводят глаза, обходя его стороной: в руке Изольды включенный негатор. Бес кидается ко мне.

— Она выманила всех! — кричит он. — Выманила, вот, ребят: они пришли, когда она уже уходила. Выманила тебя, меня. Напала, когда меньше всего народу было.

— Приехали вот эти, — Бес, задыхаясь от отчаяния, кивает в сторону троих рабочих в оранжевых жилетах, что-то обсуждавших возле перечеркнутых пластиковой лентой дверей зала ожидания. — Быстро общарили станцию, нашли вход, пустили Сирену и еще двоих с ней. Ребята не ожидали.

Он кивает в сторону Изольды, которая пытается при помощи медицинского приложения в негаторе понять, насколько тяжело ранен Тристан.

— Там мог кто-то уцелеть? — спрашиваю я Изольду. Она пожимает плечами.

— Она выходила оттуда... удовлетворенная, — произносит девушка с клокочущей ненавистью в голосе. — Это значит, Артура наверняка больше нет. А кроме него... я не знаю. Не знаю...

Ее начинает трясти от плохо сдерживаемых рыданий. Я вскакиваю и бросаюсь к дверям станции. Только бы хоть кто-то там был жив... только бы была жива Марта...

Один из рабочих пытается преградить мне путь и, получив мощный толчок в грудь, плюхается на газон. Его товарищи хватаются за лопаты, но я направляю энергию в доспех и оружие. После этого они отшатываются, словно увидели привидение. Не знаю, что они увидели на самом деле возможно, как я достаю из-за спины автомат Калашникова. Мне все равно. Рванув на себя деревянную дверь, я врываюсь в пустой зал ожидания и бросаюсь к расписанию, впиваясь глазами в нужную строчку.

Камелот горит. Причем, я не очень-то понимаю, чему в нем гореть. Стены там каменные, пол и потолок тоже. Разве что мебель...

Тем не менее, коридор, в котором я оказался, наполняет едкий дым. Едва не задохнувшись в нем, я достаю из кармана кристалл шлема и направляю в него немного энергии, дождавшись, когда прохладная ткань обовьет мою голову. Дышать сразу же становится немного легче. А вот видимость не улучшается.

Из-за этого я едва не падаю, споткнувшись обо что-то в кромешной горячей тьме у самого входа. Нагнувшись, я обнаруживаю, что это тело Борса. Его шея распорота, похоже, его собственным лезвием, и кажется, что на ней появился второй рот, оскаленный в ужасной беззубой улыбке.

С трудом сдержав рвотный позыв, я отворачиваюсь и иду дальше. Мне хочется верить, что хоть кто-то в замке уцелел. Черный дым стелется вокруг непроницаемой завесой. Меня вдруг настигает догадка горит библиотека. Я бросаюсь туда настолько быстро, насколько это возможно в клубящейся тьме.

Но когда я добираюсь до массивной библиотечной двери, то обнаруживаю, что сердце пожара вовсе не там. Нет, из библиотеки тоже валит дым, но он как будто просачивается в нее прямо из стен. Книги не горят, но два стеллажа с ними повалены. В бесформенной груде книг, полузасыпанное ими лежит тело Мерлина. Я подбегаю к нему и пытаюсь нащупать пульс. Тщетно. Мерлин спокоен в своем философском одиночестве. Найти последний приют среди книг — не так уж плохо для мудреца, наверное.

Внезапно я чувствую, что фильтр, созданный моим шлемом, начинает сдавать. В горле появляется едкое ощущение дыма, ноздри наполняет запах гари, а перед глазами начинает мерцать красноватый значок. Шлем у меня низкоуровневый, и долго справляться с функцией противогаза не способен. Мне нужно побыстрее уходить отсюда. Но без Марты я не уйду.

Марту я нахожу в комнате напротив библиотеки — той самой, которую Изольда

оборудовала под лазарет. Она сидит на полу, прислонившись спиной к одной из коек, с закрытыми глазами и приоткрытым ртом, абсолютно без движения, похожая на мраморную статую. У меня опускаются руки. Хочется крушить все вокруг. Хочется рвать себе раздраженное дымом горло ногтями. Хочется напиться в «Хрустальном дворце» до потери сознания и никогда-никогда не вспоминать то, что я вижу сейчас.

Внезапно тело Марты содрогается от кашля. Я понимаю, что она все еще жива. С безумной надеждой я бросаюсь к ней, отдавая приказ шлему вырастить для нее отросток, через который она сможет дышать. Шлем протестующе пищит и лезет мне в глаза яркими алыми значками. Его ресурсов не хватит на то, чтобы фильтровать воздух для нас обоих. Плевать! Пусть хоть как-нибудь!

Шлем неохотно подчиняется моему приказу, отращивая для Марты что-то вроде трубки с раструбом, который нужно прижать к ее лицу. Для этого мне приходится взять ее на руки. Хорошо, что она совсем невесомая, да и ресурсы моих доспехов, пускай и со скрипом, помогают мне поддерживать ее. С тихим чмокающим звуком раструб прижимается к ее лицу. "Вот таким вот вышел наш с ней первый поцелуй," — почему-то приходит мне в голову. С раструбом дыхание Марты становится ровным, и автоматика шлема услужливо сообщает мне, что ее состояние стабильно. Не переставая при это пищать о том, что вот-вот отключится из-за нехватки ресурсов, и вынуждено выйти на повышенное потребление моей энергии. По-хорошему, мне следует побыстрее уносить ноги, чтобы и Марту спасти, и самому тут не задохнуться. Но мне еще нужно узнать, что случилось с Артуром. Я не могу уйти, пока есть хоть малейшая надежда на то, что он жив.

С Мартой на руках я добираюсь до тронного зала. Сразу становится понятно, что очаг пожара именно здесь. Густой дым валит сквозь створки дверей, одна из которых валяется на полу, а другая едва держится на одной петле. Я заглядываю внутрь.

В черных клубах дыма виднеются какие-то деревянные лепестки, разбросанные по полу. Я не сразу понимаю, что это остатки круглого стола, которым, видимо, пытались забаррикадировать двери. Массивные кресла тоже валяются в беспорядке, словно разбросанные ураганом. Тело Артура лежит поперек одного из них, лицом вверх. На Артуре нет его белых доспехов и великолепного меча, он лежит просто в джинсах и куртке. Мне хочется плакать. Я даже не знаю, что именно вызывает эти слезы: не то просто смерть человека, которого я все-таки считал другом, не то несбывшиеся великие мечты, не то мое собственное бессилие. Наверное, все вместе, да еще дым, которого под моим шлемом становится все больше.

Внезапно я чувствую ужасное, космическое одиночество. Именно Артур был тем, кто собрал нескольких напуганных и недоверяющих друг другу людей вместе, сделал из них серьезную силу. И теперь его больше нет, и мы все снова предоставлены сами себе.

Но тут, я понимаю, что есть еще один человек, судьба которого мне пока не ясна. Аня. Гвиневра. Хранительница этого замка. Я обвожу затянутый клубами дыма зал, и мой взгляд останавливается на том, чего до этого не замечал. Или просто не хотел замечать. Я вижу, откуда на самом деле валит дым.

Он поднимается из дыры в каменном возвышении. Когда-то из него выходило наружу навершие хрустального меча. Сейчас же камень частично выворочен из пола, словно кто-то с чудовищной силой пытался вырвать меч из него. А когда понял, что не сможет разбил вдребезги: пол вокруг усыпан радужными осколками.

Теперь я понимаю, что это за дым. Здесь ничего не горит, на самом-то деле. Просто

этот схрон умирает и распадается. Еще несколько минут, и никакого Камелота уже не будет. И Ани не будет, а может быть, уже и нет. Завороженный, я смотрю на клубы дыма, поднимающиеся из камня. На секунду мне кажется, что я вижу в них две фигуры, удаляющиеся от меня: мужскую и женскую. Он, в доспехах и плаще, держит за руку ее — в длинном струящемся платье. И они уходят, исчезая во мгле.

Впрочем, понять, в самом ли деле я это видел, или то был лишь плод моего воображения, я не успеваю: секунду спустя автоматика шлема издает последний душераздирающий писк и отключается.

Зеленая капля, словно ставшая неровным осколком бутылочного стекла, бессильно сползает мне в карман. Легкие тут же наполняются дымом. Где-то рядом начинает кашлять Марта, но я не вижу ее лица даже несмотря на то, что оно всего в метре от моего. Нужно торопиться. Задохнуться и навечно остаться здесь было бы ужасно глупой смертью. Впрочем, на секунду мне кажется, что, может быть, так было бы и лучше для всех. Все равно, я уже фактически труп. Двигаться дальше мне дают силы только две мысли. Первая — надо спасти Марту. Вторая — это был бы слишком хороший подарок Сирене. Нет, тварь. Ты еще обломаешь об меня зубы, прежде, чем разгрызть.

С Мартой на руках я отправляюсь назад, к дверям замка. Мне приходит в голову мысль, что неплохо было бы забрать отсюда тело Артура: возможно, это не самое лучшее место для погребения. А с другой стороны так он в каком-то смысле будет рядом с Гвиневрой, да и в любом случае, едва ли я успею его вынести. У меня начинается приступ кашля, и я едва не роняю Марту на пол. Без шлема я не могу ориентироваться в дыму и изо всех сил надеюсь, что иду в правильную сторону. В противном случае уже через пару минут я задохнусь и сгину здесь.

Наконец, подгибающиеся ноги выводят меня в прихожую, где дыма чуть меньше, я хватаюсь за массивное дверное кольцо с мордой льва, и мгновение спустя оказываюсь в пустом зале станции. Поток холодного воздуха врывается в мои легкие, вызывая головокружение, от которого я едва не падаю на пол. Несколько невероятно тяжелых шагов, прерываемых приступами кашля, и я опускаю Марту на асфальт возле входа. Деловитых рабочих, только что осматривавших место предполагаемого ремонта, уже простыл и след. Неудивительно. Возможно, никаких ремонтных работ теперь вовсе не будет.

К нам подбегает Изольда и принимается хлопотать возле Марты со своим приложением. Я же сажусь на припорошенный снегом бордюрный камень и осматриваю небольшую площадь между станцией и ТЦ, словно полководец — поле проигранного сражения. Да, я теперь полководец. Кроме меня больше некому.

— Знаешь, есть и хорошие новости, — говорит Бес, присаживаясь рядом со мной. Я перевожу на него невидящий взгляд. Какие теперь, к черту, хорошие новости?!

— Понимаю, как это звучит сейчас, но... в общем, кажется, я знаю, где найти осколок огромной силы. Все это время он был буквально у нас под носом.

Дата: 06 ноября 2020 года.

Статус: турнир активен.

Количество участников: 3.

Согласно последним сведениям, ситуация в Москве должна скоро разрешиться.

Пожалуйста, не покидайте дома без крайней необходимости!

Снег продолжает засыпать Москву крупными хлопьями, словно хочет ее похоронить. Мы с Бесом идем вдоль шоссе, надев капюшоны, и Бес в своей черной куртке становится похож на призрак монаха.

— Я узнал об этом совершенно случайного, — говорит он свистящим шепотом, едва слышным за шумом машин на шоссе. — Решил навестить тот старый схрон, в котором мы были в самом начале. Думал, там все уже очистилось — может быть, даже кто-нибудь уже квартиру купил. Ну, ты знаешь: любопытство просто. Поднимаюсь на этаж, а там точно такая же жуть, как и раньше! Аж возле лифта трясти начало! И свет не горит, и люди мимо пройти не решаются: при мне мужик шел вниз по лестнице, а перед этим этажом остановился и лифт вызвал. Не может к квартире близко подойти! Тогда-то я все и понял.

— Что ты понял-то?

— А то, что те два осколка, которые вы с Тайрой вытащили из схрона в тот раз, это была просто мелочь. А там еще осталось что-то намного более мощное. Что-то такое, от чего эта твоя Медуза Горгона облысеет и сама к тебе в вассалы начнет проситься.

— Никаких вассалов, — меня всего буквально выворачивает наизнанку от ненависти. — Я ее убью. Чего бы мне это ни стоило!

— И правильно, — кивает Бес. — После того, что она сделала с Артуром... С ребятами. Но мы не сможем с ней справиться без какого-то мощного оружия. И очень может быть, что как раз в том самом старом схроне мы его и найдем.

Мы сворачиваем с шоссе во дворы, и минут через десять оказываемся возле того самого дома. На меня тут же многотонной гирей наваливаются воспоминания: две луны в небе, блуждание в лесу, лезущие на холм фоморы. Тогда было хоть и страшно, но проще, и не было тяжелого груза потерь за спиной. Я хотел бы вернуться в тот момент. Но в одну реку дважды войти нельзя: этот поход будет другим.

Лифт привозит нас на площадку одиннадцатого этажа. Выйдя из него, я ожидаю почувствовать то самое пробирающее до костей ощущение ледяного шепота, проникающего в мозг и заставляющего бежать со всех ног. Но его нет. Только легкое чувство какой-то неправильности происходящего.

— Слушай, Бес, — говорю я тихонько. — Мне кажется, нет здесь уже ничего. Ты ошибся.

— Ничего я не ошибся, — уверенно отвечает он. — Ты этого не чувствуешь, потому что контакт с осколками слишком тебя изменил. Ты стал гораздо больше тирном, чем был раньше. Схрон больше не отталкивает тебя так, как здешних. Как меня...

Он снова достает ключи и открывает дверь, пропуская меня вперед. Я вхожу в прихожую. Она точно такая же, как в тот раз. На этот раз я заглядываю за поворот коридора еще осторожнее.

Вот только теперь мир не исчезает, и я не оказываюсь в подzemелье. Там обычный коридор, оклеенный точно такими же обоями, как в прихожей, и упирающийся в небольшую тесную кухню. И в этой кухне лицом ко мне сидит девушка с серебряными волосами. На ее лице торжествующая улыбка.

— Ну, привет, — произносит она, и я тут же теряю способность двигаться. Мной овладевает гибельное отчаяние. Боже мой, как я мог попасться на такую удочку! Но каков Бес, а!

— Прости, чувак, — тихонько говорит он у меня за спиной. Мне хочется повернуться и увидеть его глаза в этот момент, но я не могу. Теперь я могу только смотреть в глаза девушки.

— Правда, прости, — продолжает он. — Мне теперь другого пути не было. Она бы тебя все равно убила, шансов никаких. А мне еще жить. Так уж лучше ее вассалом, чем дальше прозябать. Ну, и она пообещала, что это... Безболезненно...

Вот уж спасибо огромное!

За спиной я слышу шаги. Бес выходит из квартиры — видимо, решил не смотреть на то, что сейчас будет.

Девушка поднимается с расшатанной табуретки и медленно складывает руки на груди. На ней нет доспехов — только джинсы и черный свитер, красиво контрастирующий с белизной волос.

— У тебя был выбор, — произносит она негромко. — И ты его сделал. Первый раз — когда отказался присягнуть мне. Второй — когда напал убил моего отца. Который ничего тебе не сделал.

Я хочу возразить, что своего отца она убила сама, но не могу: из горла вырывается лишь придушенное шипение. Да и не все ли теперь равно?

— Я его любила, между прочим, — говорит она еще тише.

Врет она, никого она не любила. А может, и не врет... для меня это теперь совершенно неважно.

— Что же мне теперь с тобой сделать... — произносит девушка свистящим шепотом, от которого по моему позвоночнику пробегает холодная волна ужаса. Я ясно понимаю, что на этот раз уже точно все, никаких шансов у меня нет, и даже слеза мне не поможет — второй раз ту же самую ошибку Сирена, конечно, не допустит. Наверное, пора прощаться. Вот только не с кем. Не с этой же ведьмой. И не с Бесом. С ним, пожалуй, еще меньше хочется. Разве что со слезой.

— Прощай, — говорю я мысленно. — Ты очень хорошая. Пожалуй, у меня не осталось теперь друзей, кроме тебя. Так что никого и не жалко здесь оставлять, кроме тебя. Но с тобой ничего плохого не случится. Будешь теперь с кем-то другим. Тебе с высоты твоей вечности все равно, наверное. Жизнь любого смертного слишком коротка.

— Ты не любой, — слышу я в своей голове тихий и усталый голос. — У тебя удивительная судьба.

— Ты говорила мне это, — отвечаю я. — Но ты ошиблась. Моя судьба закончится через минуту-другую.

— Никто не знает своей судьбы, — отвечает голос.

— Так или иначе, прощай, — говорю я.

— Прощай, — соглашается слеза. — Здесь наши дороги расходятся.

Наш диалог занял какие-то пару мгновений, в течение которого девушка размышляла —

притворно или нет — о том, какую смерть она мне устроит. Вот уж кто не сомневался в том, что знает мою дальнейшую судьбу до конца. Но стоило ей раскрыть рот, чтобы вынести мне окончательный вердикт, как вдруг какой-то трескучий динамик начинает полонез Огинского. Я даже не сразу понимаю, что это — сперва думаю, что у нее или у Беса зазвонил телефон. Но современный телефон не может звонить так противно. Это дверной звонок — очень старый, установленный еще в девяностые годы.

— О, кажется, нам нужно ненадолго прерываться, — говорит девушка. — К нам пожаловало последнее действующее лицо финального акта трагедии. Я-то думала, что оно явится чуть позже. Ну, ладно. Значит, ты сможешь посмотреть акт до конца. Из зрительного зала, конечно же.

С этими словами она достает что-то из кармана — парализованному мне плохо видно, что именно, и вокруг меня возникает мерцающий прозрачный барьер от пола до потолка. Я словно заключен в круглую камеру диаметром около метра, так что даже вытянуть руку не мог.

— Не дергайся, — говорит она. — Это тюрьма Владыки. Стоит тебе коснуться стенки, и тебя скрутит такая боль, какой ты не чувствовал еще никогда. И освободить тебя теперь могу только я. Если захочу. А я еще подумаю, стоит ли это делать, или лучше просто оставить тебя здесь — и все. А потом, когда ты умрешь от жажды или болевого шока — прийти и взять с твоего тела эту зеленую штучку. Кстати, она тебе не поможет — можешь даже и не пытаться.

— Она говорит правду? — спрашиваю я мысленно.

— Да, — отвечает слеза. — Разрушить эту стену мне не под силу.

— И что же делать?

Мне кажется, если бы слеза могла, она бы пожала плечами. Во всяком случае, ее молчание я могу истолковать только так.

Девушка же, тем временем, одарив меня на прощание пронзительным взглядом, направляется к двери, на ходу обрастая молочно-белыми хрустальными доспехами, покрывающими все тело, словно чешуя. Мне делается еще больнее: это доспехи Артура. Похоже, с противником за дверью она собирается сражаться всерьез — не то что со мной. Собственно, я уже понимаю, кто там.

Сирена, едва подойдя к двери, тут же наносит быстрый и мощный удар лезвием прямо сквозь дверное полотно. Любого, кто стоял бы перед дверью и смотрел в глазок, такой удар должен был бы проткнуть насквозь. Лезвие выходит из двери, оставляя в ней вытянутое отверстие. Я боюсь, что сейчас увижу на нем кровь, и это будет означать, что все кончено. Но крови нет.

В следующую секунду дверь слетает с петель под мощным ударом и в прихожую, словно голубой вихрь, врывается Тайра в своих доспехах и с лезвием на левой руке. Я бросаю взгляд на синий осколок. Он мог бы стать таким же лезвием. Быть может, вдвоем нам даже удалось бы победить. Но похоже Тайре придется побеждать одной. Или мне, все же, попробовать?

Повинуясь моей мысленной команде, кристалл начинает растягиваться, словно пластилин, превращаясь в хищно заостренную голубую полосу. В этот момент в моей голове вспыхивает образ — послание от слезы. Я вижу перед глазами огромный знак "STOP".

Слезка явно не хочет, чтобы я это сделал, но другого выхода я не вижу. Без замаха (потому что в тесной клетке размахнуться негде), я наношу сильный удар по стене своей тюрьмы.

Больше всего это ощущение похоже на удар электрическим током. Я однажды баловался с шокером, принесенным одним из одноклассников в школу, и получил неплохой такой удар, от которого чуть не вырубился. Вот только сейчас намного больше. Что-то подобное, наверное, чувствуют приговоренные к казни на электрическом стуле перед тем, как умереть. Но я почему-то все не умираю. Сколько это длится мне сложно понять, потому что глаза заволочла красная пелена, а уши перестали различать звуки, слыша только гул моей собственной крови. Наверное, это продолжается всего лишь какое-то мгновение, но для меня словно прошел целый день, наполненный нестерпимой болью.

Я с трудом открываю глаза. Оказывается, я стою на коленях посреди своей тюрьмы, прижимая к груди остекленевшую руку, из которой постепенно уходит боль. Стена темницы мерцает передо мной совершенно неповрежденная.

Перед моими глазами прихожую наполняет вихрь клинков. Мне с трудом удастся различить, что вообще происходит: на такой скорости идет бой. Впрочем, невооруженным глазом видно, что дело плохо: Сирена яростно атакует, а Тайра лишь с трудом сдерживает ее натиск, изредка отгрызаясь контратаками. Долго она так не продержится.

— Неужели ничего нельзя сделать?! — мои пальцы сжимаются так сильно, словно готовы раздавить слезу.

— Можно, — звучит в моей голове ее голос. — Я сказала, что никто не знает своей судьбы. Это не совсем так. Никто, кроме того, кто выбрал ее сам. Прощай, Игорь.

В этот момент я чувствую, что слеза в моих пальцах сперва дает трещину с громким хрустом, а мгновение спустя рассыпается на тысячу мелких песчинок.

В следующую секунду яркая вспышка ослепляет меня — да и, наверное, всех вокруг. Возможно, даже всех жителей дома, несмотря на стены. Гул взрыва такой громкий, что меня должно бы было отбросить на стену, но я все же остаюсь на месте. То же, что осталось от слезы, осыпается мелким песком к моим ногам.

Когда я снова обретаю способность видеть, то с ужасом обнаруживаю, что мерцающий барьер вокруг меня никуда не делся. Это наполняет мою душу совсем уже неизбежным отчаянием. Неужели слеза, существо, помнящее десятки веков, отдала свою жизнь напрасно?!

Но тут же я замечаю, что это не совсем так. Барьер на месте, но на уровне моего бедра — там, где была моя ладонь в момент гибели слезы — в нем зияет дыра примерно сантиметров тридцать в диаметре. У меня вырывается нервный смешок. Этот никак мне не поможет. Или поможет? Знала ли слеза, что она делает, когда жертвовала собой? Или это просто была отчаянная попытка побороть неизбежное?

Тем временем, Тайра и Сирена тоже приходят в себя. Серебряноволосая, не теряя ни секунды, вновь пытается обрушить на Тайру удар, но та в последний момент заслоняется клинком — таким же, как мой. Таким же... Клинком из одного комплекта с моим... «Эти клинки — ничто по отдельности, каждый из них лишь жалкая тень, если у тебя нет в руках другого...».

— Тайра, я признаю твое первородство! — выкрикиваю вдруг я неожиданно для себя самого и бросаю в закрывающееся отверстие свой кристалл.

Едва коснувшись правой руки Тайры, голубой осколок тут же обволакивает ее, превращая во второе лезвие. То, что еще секунду назад было ничем не защищенной рукой, вдруг обрушивается молниеносным ударом на доспех соперницы.

Та издает ужасающий крик, полный боли и ярости. Отскочив от Тайры, она начинает в

смертельном вихре вращать белым лезвием.

Тайра тоже принимает боевую стойку. И взгляды скрещиваются, словно два меча. Я наблюдаю за этим поединком взглядов, затаив дыхание. Отверстие в моей тюрьме с тихим чмокающим звуком затягивается, и теперь мне только остается надеяться на победу Тайры.

Сирена не выдерживает первая. Издав новый крик, переходящий, казалось, в ультразвук, она бросается на Тайру, превращаясь в какой-то белый вихрь из лезвий и ненависти. Тайра же словно обратилась в статую. И только когда вихрь приближается к ней вплотную, она делает едва заметное движение лезвием — тем самым, которое я только что ей передал вместе со своей судьбой — и белое торнадо останавливается, превращаясь в хаотическое мельтешение разломанных ветром лопастей мельницы.

Секунду спустя я понимаю, что это руки Сирены, разогнавшиеся до какой-то сумасшедшей скорости, продолжают двигаться по инерции. Сама же она ими уже не управляет — ее голова проткнута лезвием Тайры насквозь, и теперь наиболее вероятная победительница турнира свисает с этого лезвия, словно бабочка, нанизанная на булавку. Наследственный турнир завершился еще до начала.

Тайра сбрасывает с себя осколки, оставшись в желтой куртке — такой же, в которой я ее встретил в то наше странное полусвидание. По ее лицу течет пот — она, похоже, выложились вся. Еще немного, и упадет в обморок, как я после нападения Гарета.

Она склоняется над поверженным телом Сирены и берет лежащий рядом с ним белый плоский кристалл размером с монету, едва не закатившийся под кособокий комод. Ребром этой монеты она проводит по стене моей темницы, после чего та разъезжается по швам.

Тайра улыбается мне устало. После чего тут же закатывает глаза и падает лицом вперед — я едва успеваю ее подхватить.

Дата: 16 декабря 2020 года.

Статус: в вашем регионе нет активных турниров.

Не удаляйте приложение, чтобы получать всю самую актуальную информацию о новых турнирах.

Небо сегодня серое и лениво сорит на землю некрупными снежинками, словно крошками со стола. На смотровой площадке Воробьевых гор стоит небольшая разборная сцена: такие обычно ставят для концертов на открытом воздухе. Вокруг нее собралась небольшая толпа — несколько сотен человек, совершенно непохожих. Здесь можно было увидеть и лысоватого мужчину в дорогом черном пальто, только что покинувшего шикарный Лексус, и стайку девятиклассниц в ярких пуховиках, и женщину средних лет с пакетом из «Ашана» в руках. Внимание полицейских толпа не привлекает: стоящий рядом со сценой длинноволосый чуть постарше меня парень сосредоточенно крутит в руках негатор. В небе над площадкой завис квадрокоптер — должно быть, кто-то решил снять церемонию с высоты птичьего полета. Хотя у нездешних для этого, кажется, есть и другие способы.

На сцене стоит, время от времени поглядывая на часы, мужчина, чье лицо, наверное, известно каждому из присутствующих. Знаменитый актер, тоже из наших, из нездешних. Люди в толпе переминаются с ноги на ногу, переговариваются вполголоса и ждут. Я тоже жду, прислонившись к холодному парапету.

Ко мне никто не подходит. Во-первых, я почти ни с кем и не был знаком. В толпе я узнал только Алину, секретаршу из офиса Фирмы, но вряд ли ей есть до меня дело. Еще пришли Тристан и Изольда: с ними мы перекинулись парой слов, и сейчас они стоят в обнимку чуть поодаль. Во-вторых же, мне казалось, что люди при виде меня испытывают неловкость и стараются отвести глаза. Впрочем, может быть, это я просто накручиваю себя. Большая часть из них даже не знает, кто я такой.

Тайра появляется за десять минут до полудня: выходит из припаркованной возле площадки неприметной Kia, водитель которой поспешил выскочить из-за руля и открыл перед ней дверь.

Она очень бледная, и эта бледность еще более заметна на фоне ее желтой куртки.

— Дамы и господа, поприветствуем победительницу последнего Московского наследственного турнира! — провозглашает актер со сцены хорошо поставленным голосом. Толпа начинает аплодировать. Тайра неуверенно пробирается сквозь нее к краю сцены и поднимается по ступенькам.

— Что вы скажете в день вашего триумфа? — спрашивает ее актер, галантно подав руку и помогая взойти на сцену.

— Да ничего особенного, — отвечает Тайра, поправив выбившуюся на лоб прядь волос. — Спасибо всем, кто верил в меня. Надеюсь, из меня получится... хороший тирн.

— У вас есть уже какие-то планы относительно того, чем заняться в Тир-На-Ног? — интересуется ведущий.

— Есть, — отвечает Тайра, давая понять, что это весь ответ. Уточнять актер отчего-то не решается. Должно быть, что-то в ее тоне смутило его. Я заметил, что после своего возвращения из схрона, где должен был пройти турнир, Тайра стала еще молчаливее, чем

раньше. Такое ощущение, что все вокруг кажутся ей детьми, играющими в бирюльки и задающими дурацкие вопросы.

В этот момент по толпе проносится вздох. За спиной у актера начинает клубиться нечто, напоминающее сперва легкое облачко серого тумана. Потом туман густеет, становится более плотным, похожим на сигаретный дым. Но не расплзается во все стороны и его не относит ветром — он образует нечто вроде овального кокона.

— Кажется, вас ждут, — произносит артист. Тайра неуверенно кивает и поворачивается лицом к толпе.

Я не жду, что она будет искать в толпе глазами меня... хотя, кого я обманываю? Конечно же, я жду именно этого. Я ради этого сюда вообще пришел. Не слишком на что-то надеясь, я устремляю на нее взгляд. А потом наши взгляды встречаются.

То, что происходит после этого мне очень трудно описать, избежав при этом затасканных эпитетов. "Молния", "электрический разряд", "огненная нить" — все это может показаться бессмысленным набором слов от безнадежного романтика. Но что же делать, если именно что-то подобное я почувствовал? Почувствовал, что между нами все-таки есть что-то. Что-то не имеющее ничего общего с отношениями сюзерена и вассала. На секунду мне даже показалось, что сейчас она сойдет со сцены и не пойдет ни в какой портал. Останется в Москве. Со мной.

Мы смотрим друг на друга, и время останавливается, а пространство вокруг нас сжимается, словно в схроне. Это похоже на разговор со слезой. Я даже чувствую легкий укол в сердце — на протяжении этого месяца я старался о слезе как-то не думать, а теперь понимаю, что теряю уже второе существо, которому есть до меня дело. Таких осталось не слишком много.

Мне кажется, что губы Тайры произносят что-то, но я не слышу. В том мире, куда мы попали, никаких звуков нет. Я тоже открываю рот, чтобы что-то произнести, но не могу.

И в следующую секунду протянувшаяся между нами нить рвется с оглушительным звуком лопнувшей струны. Тайра отводит глаза и поворачивается к portalу, заглядывая в него. Видит ли она в нем что-то, невидимое мне?

Внезапно туман, из которого соткан портал, начинает сгущаться, превращаясь в человеческую фигуру. Фигура эта ростом метра два с половиной, одета в серые доспехи из полупрозрачного стекла. В толпе вспыхивает вздох восхищения и ужаса. Одна женщина в первом ряду падает на колени.

Призрачный гость протягивает Тайре руку. Мне не совсем хорошо видно отсюда, но кажется, что в этот момент она вздрагивает. Кажется, ей стоит больших усилий протянуть руку ему навстречу. И все же, она это делает. Когда их ладони — одна из плоти, другая из тумана — встречаются, фигура пришельца начинает таять в воздухе. А вместе с ней начинает исчезать и Тайра. По толпе проносится еще один вздох. Всего пара мгновений, и девушка в желтой куртке исчезает без следа.

Собравшиеся потихоньку начинают расходиться — смотреть больше не на что. Знаменитый актер, спускается со сцены и направляется к припаркованной неподалеку машине. Тристан с Изольдой, держась за руки, направляются в сторону метро. А я подхожу к парапету, за которым раскинулась панорама Москвы, прикрытая серым одеялом низких зимних облаков, и просто смотрю на город до тех пор, пока не начинают сгущаться ранние сумерки.

Дорога, идущая под уклон, покрыта толстым слоем снега — кажется, никто и не думал сегодня его чистить. Возможно, это из-за негатора — коммунальные службы тоже обошли сегодня смотровую площадку десятой дорогой. Но температура плюсовая, и снег чуть подтаявший. Кажется, что один неосторожный шаг, и я буду ехать на заднице вниз до самого входа в метро. То-то будет зрелище, должно быть. Хорошо, что никто из нездешних меня не увидит — все уже разошлись, а я еще долго стоял на площадке и смотрел на лежащую внизу Москву, пока не начало темнеть. В декабре рано темнеет.

Может быть, все это мне почудилось? И вовсе она не смотрела на меня, и ничего особенного не было в ее взгляде. Что ей до меня теперь? У нее будет новая жизнь. Завораживающая, фантастическая. А я остаюсь здесь, в холодном грязном городе. Как там мне говорил Бес при первой встрече? «Другие, непонятные интересы?». Как-то так. Вероятно, она скоро станет совершенно другим человеком. Да и останется ли она вообще человеком?

Я невольно вспоминаю нашу последнюю встречу. Я стоял и мерз возле метро "Первомайская" — где-то там рядом у Фирмы учебный центр. Юля — почему-то мне больше нравится называть ее именно так, хотя все вокруг зовут ее Тайрой — появилась минут на двадцать позже, чем обещала.

— Извини, — сказала она. — Задержали на занятиях. А телефон там приходится выключать, так что я и смс-ку скинуть не могла.

Я пожал плечами и улыбнулся, давая понять, что ничего страшного не случилось, и мы двинулись по улице в сторону Измайловского парка. Это было не свидание, нет. Сказать, что мы с Юлей "встречаемся" было нельзя. То есть, мы, встречались несколько раз, но не в том смысле, который люди обычно вкладывают, когда говорят, что парень и девушка встречаются. Ну, вы поняли.

— Слушай, а ты правда не обиделся за то, что я не сделала тебя вассалом? — спросила она уже в десятый, наверное, раз за этот месяц.

— Нет, — ответил я. — Я все понимаю.

На самом-то деле я ничего не понимал, да и сейчас не понимаю. Просто мне хотелось, чтобы она перестала уже терзаться по этому поводу. Нет так нет.

Да и я в самом деле не уверен, что хочу быть чьим-то вассалом. Может быть, свобода лучше?

Когда мы миновали последние пятиэтажки, окруженные сугробами присыпанных снегом машин, и углубились в заснеженный парк, я, все-таки, задал вопрос, который мучил меня все это время.

— Слушай, Юль, — начал я. — Я все понимаю. Это твоя война. Но я готов идти туда с тобой. В конце концов, я мужчина. И я отвечаю за себя. Куда бы ты ни направилась, наверняка тебе там понадобится помощь, и тогда я буду рядом. А если не понадобится... ну, тогда просто прогуляюсь. Так почему бы тебе не взять меня с собой?

Тайра горько усмехнулась.

— Ты не знаешь, о чем просишь, — ответила она. — Поверь мне, Игорь, если бы я могла себе позволить взять с собой кого-то... то я бы взяла тебя. У меня нет причин сомневаться, что ты не предашь. Но есть такие дороги, по которым лучше идти в одиночку.

Я открыл, было, рот, чтобы что-то ответить, но не стал. Я все еще не понимал ее, но уже чувствовал, что здесь ничего не исправишь. Она уйдет куда-то за грань нашего мира, а кем она оттуда вернется, и вернется ли, не знает никто.

— Знаешь, — сказала она, после того, как мы прошли метров триста молча, — я вообще на многое стала смотреть немного иначе после этого турнира. Вот, к примеру, ты никогда не думал, что осколки вообще создавались не для того, для чего мы их используем? Большая часть из них, по крайней мере. Они ведь охотно подстраиваются под желания нашедшего. А ищут их по большей части кто? Участники турниров. Для остальных это слишком опасно. И вот ты находишь осколок, а тебе срочно нужно оружие, иначе тебя убьют. И он, зная это, становится оружием. Они очень сложные, и созданы, чтобы служить людям. Ну, не людям, конечно, а тирнам, а может быть, кому-то еще древнее тирнов. Но это неважно. Главное, что назначение-то осколка, может быть, совсем другое. Мой отец искал осколки для того, чтобы спасти жизни людей, и почти всегда находил подходящие. Странно, правда? А когда мне понадобилось оружие, чтобы участвовать в турнире, оказалось, что многие из них годятся и для этого.

— То есть, ты хочешь сказать, что этим можно лечить людей? — спросил я, доставая свой осколок-доспех.

— Может быть, — пожала плечами Тайра. — А может быть, с его помощью можно строить дворцы или расчищать свалки. Но для тебя он теперь доспех.

Я гляжу в теплую рыжую глубину осколка с каким-то странным ощущением.

— То есть они... как люди, да?

Тайра грустно улыбается.

— Да, я тоже об этом много думала. Мы тоже можем быть очень разными, но тирны выбирают нас так, как выбирают оружие. Ищут, кто лучше убивает других. Как ты думаешь, почему?

— Потому что оружие им и нужно? Они тоже воюют? — Тайра снова пожала плечами.

— Я не знаю. Никто толком не знает. А кто знает не говорит.

— Скоро узнаешь, — сказал я тихонько.

Она ничего не ответила.

В тот день мы гуляли по дорожкам парка, и болтали о разной ерунде, а больше молчали. Мы знали, что это наша последняя встреча перед ее отъездом, но больше за весь день эту тему ни разу не поднимались. И только когда на город начали опускаться ранние зимние сумерки — вот прямо как сейчас! — и мы отправились обратно к метро, она вдруг взяла меня за руку и так и не отпускала до тех пор пока, уже в центре, не начали закрывать двери поезда, увозившего ее к дому. А я остался на платформе, глядя, как прозрачная стена отделяет меня от нее.

И вот сейчас я бреду к метро, а завтра мне снова в школу. Мне надо подтягивать химию, чтобы не схватить тройку за полугодие. Мой фейковый больничный заканчивается как раз завтра. В принципе, я мог бы его продлить через Фирму или что-нибудь похимичить с негатором, но к чему теперь? Боже ты мой, неужто все закончилось, и закончилось вот так вот, самым скучным образом?

Когда все это начиналось, я был уверен, что либо погибну, либо завоюю себе право на наследство. Уж в самом худшем случае — останусь на Земле, но с осколками, которые позволят мне стать кем-то особенным. Теперь же у меня нет ни меча, который оказалось невозможно снова отделить от тайриного, ни слезы. Есть простенький шлем и поломанные

доспехи, но их можно разве что продать. Не слишком задорого. В Фирме меня с ними никто не ждет, и карьера там мне не светит, как я выяснил за это время. В общем, я стал кем-то вроде Беса. Кстати, интересно, где он теперь, мой первый друг в этом странном мире? Пожалуй, с него станется заявиться и позлорадствовать. Впрочем, нет. Не решится он показаться мне на глаза.

Словно в ответ на мои мысли от древесного ствола, стоявшего рядом с бордюром, отделяется темная фигура. В опустившихся сумерках мне не сразу удается разглядеть, кто передо мной, и сперва мне кажется, что это Бес. Я даже лезу в карман за кристаллом, но спохватываюсь. В кармане только мой обычный телефон, из которого так себе оружие. Впрочем, оружие и не нужно.

— Привет! — произносит капитан-командор Коновалов, поигрывая связкой ключей в руках. На нем все та же синяя стеганная куртка, в которой я видел его при прошлых наших встречах, а на голове черная меховая кепка. — Ну, как все прошло?

— Да так, ничего особенного, — отвечаю я. Мне не хочется ни с кем говорить. И с ним в том числе. Кажется, он это понимает.

— Ну, как «ничего особенного»? Все-таки, событие. Тирнов живых видел? — мне кажется, его этот вопрос не очень-то интересует. Он просто хочет поддержать разговор, чтобы перевести его на что-то другое.

— Одну тирну — точно видел, — отвечаю я. — Да и вы видели. Это же ваш дрон летал над площадкой?

Капитан усмехается.

— Да с дронами этими... толку от них... Я тебе как-нибудь покажу запись. Вроде бы, все записано, а смотришь видео — ничего не видишь, словно в тумане. Через запись негатор тоже действует.

Я молчу. Если он хочет мне что-то сказать — пусть говорит.

— Я вот что хотел... — начинает он сконфуженным тоном. — Я, во-первых, хотел извиниться за то, что произошло в ноябре.

— Официальные извинения от имени Ордена? — удивляюсь я.

— Нет, — отрубает капитан-командор. — Орден никому не приносит официальных извинений. Тем более... нездешним. Это извинения от меня лично. Я в какой-то мере втравил тебя во все это. И должен был нести ответственность за случившееся. Наверное, я мог что-то сделать. Пойти, убедить, надавить. Чтобы тебе предоставили защиту. И твоим друзьям. Но я этого не сделал. Решил, что уже поздно. Списал вас в потери. Прости меня.

Он явно говорит через силу, словно у него болит зуб, и каждое слово задевает за воспалившийся нерв.

— Дело прошлое, — говорю я. Я не в настроении спорить с ним, да и в чем-то он прав. — Может быть, вы и не могли нам помочь. Наверное, каждый человек должен помогать себе сам.

— Это хорошо, — неожиданно произносит он.

— Что именно?

— Что ты все еще считаешь себя человеком.

Я усмехаюсь. А в самом деле, считаю ли я? Мне нужно об этом подумать.

— И вот еще что, — говорит Коновалов. — Мы обычно так не делаем. Но учитывая, что ты теперь остался без сюзерена. И вообще, всю эту... ситуацию. В общем, не хотел бы ты поработать в Ордене? Годик послушником, а там найдем тебе работу посерьезнее.

Сказать, что я удивлен — это ничего не сказать.

— А что нужно будет делать? — спрашиваю я.

— Ну, сначала — учиться, — с заметным облегчением говорит капитан. Похоже, он думал, что я откажусь сразу и категорически. — Для внешнего мира ты будешь в университете. Престижном, кстати. Будешь ездить на занятия — даже никаким негативом вашим не надо будет близких обрабатывать, просто не рассказывать подробностей. Ну, а там уж по результатам будет видно, к чему у тебя склонность.

— А если я откажусь?

— Ну, мое начальство только с облегчением вздохнет. Оно уже сейчас не в восторге от этой идеи. Хотя ему и интересно, что из этого может выйти. Но главное, если ты откажешься, придется возвращаться в обычную жизнь. ЕГЭ, институт, работа. Ты уверен, что хочешь?

— Где-то я что-то подобное уже слышал... — говорю я тихонько себе под нос.

— Что-что? — переспрашивает не расслышавший капитан.

— Я говорю, подумаю, — отвечаю я, не поднимая глаз.

Под хруст засыпавшего дорожку снега мы добираемся до стеклянного павильона с буквой «М» на фасаде. Интересно, хрустальные дворцы Тир-На-Ног похожи на эту станцию? Вряд ли. Впрочем, я, наверное, никогда их уже не увижу.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net